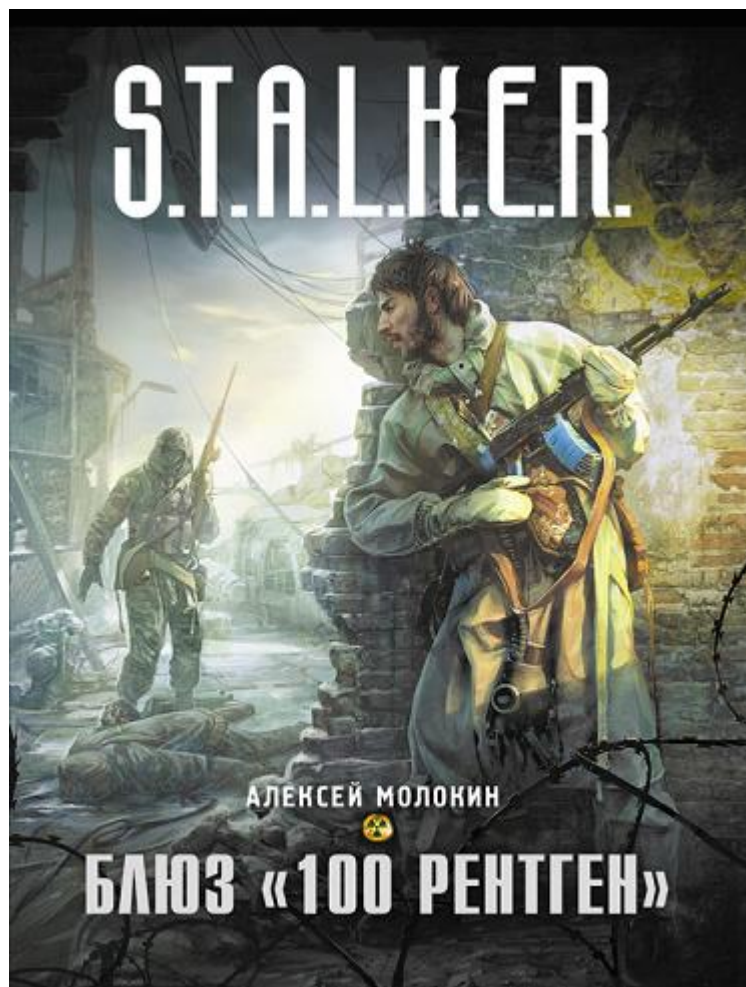

**Алексей Молокин
Блюз «100 рентген»**

S.T.A.L.K.E.R. – 53

Аннотация:

Для чего люди идут в Чернобыльскую Зону? За артефактами? Но артефакты за бесценок уходят торговцам. Чтобы разбогатеть? Вроде бы никто из сталкеров так и не разбогател. Но в Зоне можно прикрыть друга и покарать врага, в Зоне все всерьез — и жизнь и смерть — и переплетены они крепко-накрепко. Сталкеры свободны от остального мира, видимо, такой уж он, этот внешний мир, что в радиоактивных пустошах Чернобыля дышится легче, чем на его заплеванных ложью просторах. Там есть любовь, дружба, ненависть, страх, и, конечно, музыка. Музыка, которую нельзя сыграть в другом месте. Музыка свободных сталкеров, потому что «Лучше Зона снаружи, чем Зона внутри».

**Алексей Молокин
Блюз «100 рентген»**

*Блюз «100 рентген».
Плюс сто рентген.
Тяжелей, чем иприт,
Горячей, чем фосген.*

Только шорох в эфире

*По дороге к Днепру.
Ты один в этом мире,
Утонувшем в жиру.
Там Спаситель не нужен,
Где царят упыри.
Лучше Зона снаружи,
Чем Зона внутри.*

*Так не в тихий Гренобль,
Не в веселый Шанхай —
В опаленный Чернобыль
По грунтовке шагай.
Кто сказал, что там хуже?
Ну-ка, тварь, повтори!
Лучше Зона снаружи,
Чем Зона внутри.*

*Блюз «100 рентген».
Плюс сто рентген.
Еще вчера ты новичок,
Нынче — абориген.*

*Сколько встретится в Зоне
Желтых лиц восковых.
Тут на пальцах мозоли —
От крючков спусковых,
И в цене только ружья,
А часов — не бери.
Лучше Зона снаружи,
Чем Зона внутри.*

*Где тяжелые воды
Катит Припять-река,
Ты напьешься свободы
За четыре глотка,
Обожжен и контужен,
На руках — волдыри.
Лучше Зона снаружи,
Чем Зона внутри.*

*Блюз «100 рентген».
Плюс сто рентген.
Тут жестко стелют, много берут,
Но много дают взамен.*

*Упади, изможденный,
И от схватки остынь.
Ты отныне — рожденный
Под звездою Полынь.
Видишь — вороны кружат?
Так смотри не умри.
Лучше Зона снаружи,
Чем Зона внутри.*

*К новой жизни разбужен,
Посиди, покури.
Лучше Зона снаружи,
Чем Зона внутри.*

*Дождь по радужным лужам
Разбросал пузыри.
Лучше Зона снаружи,
Чем Зона внутри.¹*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕВОЧКА С КОРДОНА

*Девочка на кордоне,
Твой парень сегодня груб?
Еще не забыли твои ладони
Тепло его ловких губ,
А он молча собрал вещи:
Курев, хлеб, автомат,
И неизвестно — разлука продлится вечно
Или он вернется назад?*

*Попробуй понять, это важно:
Туда-то билеты есть,
А вот обратный билет достается не каждому.
И касса — там, а не здесь.*

*Пойми — не все в твоих силах.
Не важно, что ты юна,
Не важно, насколько ты красива
И то, насколько умна,
Что рыжий — цвет твоей челки,
А цвет глаз — голубой,
Не важно даже то, насколько
Ему хорошо с тобой.*

*Это все не важно теперь.
Послушай недобрую весть:
То, вернется ли он к тебе,
Решается там, а не здесь.*

*У тебя под глазами круги.
Ты будешь ему верна.
Не важно, есть у него другие
Или ты у него одна,
Не важно — он ростом велик
Или рост его мал,
Не важно — он клялся тебе в любви
Или молча тебя обнимал.*

Он не один такой.

¹ Слова Алексея Молокина и Вадима Седова.

*Многих оттуда ждут.
Запомни: будет ли он с тобой,
Решается там, а не тут.*

*Одежда не по сезону,
Погляди ему вслед —
Вот он уходит в Зону.
Гарантий возврата нет.
Я понимаю, худо.
Сама виновата, балда.
Любить надо тех, кто уже оттуда,
А не тех, кто только туда!*

*Не плачь и не дуйся
И в бутылку не лезь.
Прости — там никто абсолютно не в курсе,
Что ты решила здесь.²*

Леиска-Звонарь. «Девушка на кордоне»

1

Над Зоной холодной голубоватой сывороткой сочился рассвет. На рассвете особенно хочется спать, да только нельзя спать, особенно если ты в карауле. Но ведь хочется, спасу нет, вот и мотает тебя между сном и явью, вот и мерещится порой черт знает что. Впрочем, и сама Зона — может, она тоже всего лишь морок? Кто знает...

Васька-Мобила, что называется, засыпал на ходу. Старенькую вертикалку Иж-12 непутевый дозорный положил на плечи на манер коромысла, да еще и руки на нее закинул. Так спать хотелось меньше, но расхаживать в подобном виде по лагерю все-таки было неудобно, не дай бог, кто увидит, мало того что засмеют, а заметит Бей-Болт — еще и пендалей навешает, и правильно сделает, что навешает, потому что из ружья, закинутого на загрювок, быстро не выстрелишь, в собственных граблях запутаешься. А в Зоне надо стрелять вовремя. И пусть Кордон — место относительно тихое, всего-навсего предбанник Зоны, и настоящего жара в нем не бывает, да только не существует в Чернобыле по-настоящему тихих мест. Сегодня предбанник, а завтра — кровавая парилка.

Васька достал из сумки банку энергетика, отметив про себя, что эта — последняя, ковырнул пальцем кольцо и сделал глоток. Немного отпустило, но ненадолго. Почему-то химический, чуть горьковатый вкус синтетического напитка напомнил о кофе. Настоящего кофе в Зоне почти не водилось, как, впрочем, и многого другого. Например, женщин. Васька еще не пропитался Зоной насквозь и поэтому иногда думал о женщинах. Теоретически кофеек можно было получить у яйцеголовых ботаников на «Янтаре», там же, как рассказывали сталкеры, иногда удавалось встретить женщину. Только Ваське и это не светило. Зелен был еще Васька, и на «Янтаре», как, впрочем, и в другие серьезные места, покамест не хаживал. Его и Мобилой-то прозвали за то, что он первое время нипочем не верил, что сотовая связь в Зоне не работает. И сейчас не верил и поэтому сотовый телефон, старенькую «Нокию 1100», не выбрасывал, а таскал с собой, не забывая подзаряжать аккумулятор. Он и ПДА считал чем-то вроде недоразвитого сотового телефона без выхода в Интернет и игрушек. Совсем пацан был Васька и в Зону подался по пацанской дурости, чтобы откосить от армии, как прошел через блокпост — сам не помнит, но дуракам и детям везет даже в Зоне. До поры до времени, конечно. Пока дурак не перестанет быть ребенком. А там — либо поумнеет, либо схарчит его Зона. Впрочем, даже если поумнеет, все равно

² Слова Вадима Седова.

схарчит, хотя, может быть, и не насмерть. И станет бывший дурак сталкером, а если не станет — тогда все остальное. А все остальное, как известно из классики, — судьба.

Васька добрел почти до шоссе, на котором скворчали мелкие электрические разряды почти выдохшейся «электры», и повернул обратно к смутно виднеющемуся в утреннем тумане костерку. И вот тут-то он и почувствовал в придорожных кустах какое-то постороннее шевеление. Ваську мигом прошиб пот, аж между лопаток холодно стало. Пока он выворачивал ружье из-за затылка, пока всматривался в подозрительно колышущиеся кусты, прошло несколько секунд, и если бы из кустов выскочил, к примеру, кабан, псевдопес или стая слепых собак, так и не довелось бы парню поумнеть, однако везет новичкам! Хотя то, что появилось перед растерянным Васькой, вполне могло оказаться и наваждением, существом из сна, потому что до сих пор ни на рассвете, ни в другое время суток из кустов на Кордоне ничего подобного не появлялось.

Морок, одним словом.

— Не стреляйте, пожалуйста, — прозвучал дрожащий голосок морока. — Я, наверное, заблудилась.

Наваждение оказалось молоденькой девушкой, почти девочкой, в легком светлом платье и белых босоножках на высоком каблуке. Босоножки почему-то поразили Ваську больше всего. Ладно бы девица, а то в босоножках и с ногами. Морок, как есть морок!

— Как же, — трясущимися губами выговорил Васька, — знаем мы, как ты заблудилась...

При этом он безуспешно пытался взвести курки, забыв от растерянности, что Иж-12 бескурковка. Наконец, сообразив что к чему, он сдвинул вперед планку предохранителя, не обращая внимания, что одновременно давит на оба спусковых крючка. Ружье дуплетом бухнуло под ноги Ваське, больно и стыдно ударив прикладом в подмышку. А от ближнего костра уже бежали сталкеры.

— Не стреляйте, — испуганно повторил все тот же голос. — Сейчас я подойду...

Справившийся наконец с ружьем Васька закинул в стволы патроны с картечью, зло клацнул патронником, сглотнул и просипел:

— Стой где стоишь. Не дергайся. Попробуй только броситься, пристрелю, мать моя мобила...

Девчонка пожала плечиками, презрительно отвернулась от Васьки, дескать, вот урод психованный, и принялась рассматривать ремешки собственных босоножек.

Подбежали остальные. Перед группкой вооруженных, взъерошенных спросонья мужчин стояла девушка. Даже не девушка — девчонка. Нагнулась и поправила соскользнувший ремешок на щиколотке. В ответ залязгали затворы, словно поезд в Ад тронулся, загремев сцепками щелястых теплушек.

— Себе хера! Гимназистка! — изумился кто-то, но застеснялся и осекся.

— Мне холодно, — капризно сказала гимназистка, — я озябла, и еще мне страшно. Наверное, я потерялась. Люди добрые, пожалуйста, пустите меня к костру. Есть здесь хоть кто-нибудь нормальный или нет?

Вид молоденькой девчонки, невеста как угодившей в предбанник Зоны, явившейся словно с только что закончившегося выпускного бала, в легком светлом платье, босоножках на каблуках, с маникюром и даже с этим, как его... педикюром, настолько потряс сталкеров, что некоторое время никто не мог проронить ни слова. Ну, не бывает этого. Следующая мысль, что в Зоне все бывает, снова заставила мужчин насторожиться и немного рассредоточиться на всякий случай, освобождая товарищам сектор обстрела.

— Чего там у вас еще? — раздался недовольный голос, и вперед протиснулся матерый, по местным меркам, пожилой сталкер по прозвищу Бей-Болт. Известно, у вольных сталкеров не бывает командиров, командиры — они у военных, а еще у «Долга», «Свободы» и прочих мало-мальски организованных группировок. Хотя у бандюков — паханы, а у сталкеров из «Чистого Неба» — эти... научные руководители. Но суть одна — если несколько человек собираются вместе, хотя бы с целью выживания, лидер обязательно находится. И хорошо, если этот лидер не пустопляс, а прирожденный вожак, пусть временами и жестокий, но

знающий, что делать можно и нужно, а чего делать ни в коем случае нельзя. Если не так — хана людям. Кордон при Зоне играл роль лягушатника, места, где новички учатся плавать, и Бей-Болт здесь выполнял функции одновременно тренера и няньки, в общем, наставника. Наставник был сталкером старой закваски, хаживал в Лиманск, в Красный лес и Темную долину, на Росток и Агропром, говорят, даже на Радаре бывал. Злые языки приписывали ему службу в «Монолите», да только доказательств не было, а кроме того, всем известно, что из «Монолита» не уходят ни живыми, ни даже мертвыми. Да и не похож был старый сталкер на фанатика, обыкновенный битый Зоной мужик за пятьдесят, глубокий старик, по здешним меркам. А что костюмчик у него «монолитовский», с нашлепками из шкуры псевдогиганта на уязвимых местах, так костюм ведь и купить можно. Или снять с мертвого, что не проще, но, безусловно, дешевле.

Когда-то давно, почти сразу после второй катастрофы, Бей-Болт пришел на Кордон из глубин Чернобыльской Зоны, перетер о чем-то с еще кудрявым Сидоровичем, да и поселился в лагере новичков в небольшом домишке неподалеку от бункера торговца. Как-то само собой получилось, что первые шаги по Зоне новички теперь делали под присмотром старого сталкера. Остепенившийся Бей-Болт ходил в настоящую, глубокую Зону все реже и реже, может быть, и впрямь состарился, а может, обучение романтически настроенных сопляков считал своим долгом. Видимо, был у него и в самом деле перед кем-то давний должок. Вожаком он оказался умелым, хотя на профессионального преподавателя школы выживания не тянул, но на пару с Зоной у него получалось неплохо. Во всяком случае, романтику у своих воспитанников он купировал мастерски, как хвосты у бойцовых собак, хотя прибабах у каждого оставался свой. Только где вы видели человека без прибабаха? А сталкера? Не бывает таких, особенно в Чернобыле.

— Да вот... — нарочито грубо отозвался Мобила. — Девка, мать ее мобила!

— Девушка, — негромко поправил кто-то из сталкеров.

Бей-Болт мигом оценил ситуацию, покосился на расслабившихся было сталкеров и мотнул в сторону незнакомки стволом выдавшего виды «Абакана»:

— Ты вот что... ступай вперед. Да смотри держи дистанцию, а то сама понимаешь, что будет. Пошла!

Гостья недоуменно пожала худенькими плечиками, мол, а что будет-то, но, наткнувшись на взгляд старого сталкера, осеклась и послушно пошла впереди Бей-Болта.

— А ну быстренько рассредоточились, — скомандовал Бей-Болт сгрудившимся вокруг костра сталкерам. — Что, девиц с голыми ногами никогда не видели? Часовых выставить, не спать, оружие проверить. Если она с блокпоста, за ней скоро придут, и тогда нам придется солоно.

— Ты кто такая? — спросил он, усевшись на пустой ящик из-под тушенки и пристроив автомат на коленях. — Как сюда попала? Ты с блокпоста?

Девушка помотала головой.

— Не знаю, — виновато прошептала она, видимо, сообразив, что угодила не в самое гостеприимное место на свете. — Не помню, честное слово!

— Как тебя зовут, хоть помнишь? — немного смягчился Бей-Болт. Отвыкли сталкеры от женских слез, пропал у мужиков иммунитет начисто, атрофировался за ненужностью.

— Катерина. — Неуместное в Зоне воздушное создание совершенно негламурно шмыгнуло носом. — Катя...

— Есть хочешь, Катюша?

— Хочу.

— Мобила, — позвал старший. — Подойди! Сбегай к Сидоровичу, пусть подберет какую-нибудь подходящую одежонку для этой... гимназистки. А то вырядилась, понимаешь, как артистка варьете. — Насчет особенностей гардероба артисток варьете Бей-Болт не был уверен, давненько он в таком заведении не бывал, но древний, из другой жизни, фильм с таким названием помнился, вот и ввернул по случаю. — Вот тебе, кадет, хабар, отдашь старому кровососу. И чтобы все было.

Бей-Болт вытащил из контейнера «ломоть мяса» и протянул артефакт бойцу.

— Раздобудь пож... то есть организуй какой-нибудь еды. Возьми Жеку-Дуплета и Школяра. Гражданку отконвоировать во-он в тот дом, что на отшибе, и выставить караул. Да, и еще насчет постели что-нибудь сообразите...

Расположившиеся неподалеку сталкеры оживились.

— Тихо вы, жеребцы чернобыльские, — беззлобно прикрикнул на них Бей-Болт, подумав про себя, что совсем скоро этих молодых парней поцелует Зона, и не до женщин им будет тогда, потому что Зона конкуренток не терпит. Зона насмерть залюбит, а не отпустит. А пока — пусть себе. Может, и повезет кому.

А вслух сказал:

— Выполняй.

Потом посмотрел на незваную гостью и пробурчал:

— Вот что, красавица, кто ты такая, откуда и как тебя к нам занесло, мы не знаем, сама ты не помнишь или не хочешь рассказывать, да и верить тебе у нас нет резону, так что придется тебе какое-то время побыть под домашним арестом. Ребята тебя проводят и как могут устроят, только здесь Кордон, а не пансионат для заблудившихся девиц, а там, — сталкер махнул рукой в сторону разрушенного железнодорожного моста, — вон там, дальше, мертвый город Припять и Чернобыльская АЭС, так что удобств у нас особых нет, понимать должна. Любые посторонние разговоры с охраной временно запрещаются. В случае если ты не то, чем кажешься, — стрелять будут на поражение. Все понятно?

Девушка испуганно кивнула.

— Ну, тогда ступай.

Когда гостя, конвоируемая Мобилой и Дуплетом, отошла метров на пятьдесят, Бей-Болт негромко позвал:

— Берет, живо ко мне!

Берет, в прошлом морпех, ладный сталкер, еще не мастер, но уже и не мальчишка, возник беззвучно, словно соткался из утренней мороси.

— Вот что, — Бей-Болт помедлил, — возьми мой «винторез», там оптика хорошая, и полезай на чердак. Сейчас развиднеется, солнце восходит. Домик с чердака просматривается насквозь, красотку эту держи в прицеле. Если караульные зайдут в дом и застрянут — зови меня. В случае особых обстоятельств — стреляй на поражение.

— Какие могут быть особые обстоятельства, командир? — удивился Берет. — Думаешь, гормон у ребят разыграет? Так это не повод стрелять. Он и у меня запросто разыграть может, что же мне, стреляться из-за этого теперь? Девка сама виновата, нечего по Зоне на каблуках расхаживать да коленками из-под подола сверкать.

— Плевать я хотел на ваши гормоны, — пробурчал Бей-Болт. — Пусть себе разыгрывают. А если эта девка и не девка вовсе? Если она из Диких земель, Красного леса, Припяти или с самой ЧАЭС? Если все эти ножки-плечики — видимость одна? Молчишь? То-то! Иди выполняй. А гормон свой можешь узлом завязать, чтобы не мешал. Понятно? В случае чего я буду в бункере у Сидоровича.

Над Кордоном, гримасничая — то глумливо плющаясь в блин, то вытягиваясь восклицательным знаком, — вставало солнце. На блокпосту штатно сыграли побудку, словно пробуя голос, хрипло гавкнул с вышки тяжелый станковый «Корд»,³ гавкнул — и заткнулся. Словом, ничего необычного у вояк не наблюдалось, стало быть, гостя скорее всего, пришла не оттуда. Да и вид у нее не тот, какой бывает у девицы, проведенной всю ночь в казарме. Принаряженная девчонка, в меру накрашенная, словно и впрямь сорвалась с выпускного бала. Прогуливалась себе, не думая ничего такого, с одноклассниками по Александровскому саду, свернула не в те кусты — хлоп! — и оказалась на Кордоне.

Бей-Болт выщелкнул окурочек, поднялся и отправился в бункер к Сидоровичу. Хотя и выжига был Сидорович, но мужик опытный, умный и на совет нежадный. Тем более что ночью на Кордон за каким-то лешим пожаловал Ведьмак, который тоже много чего мог рассказать о фортелях Зоны. А остановился Ведьмак как раз у Сидоровича. Может быть,

³ «Корд» — станковый пулемет, разработанный в г. Коврове на смену «Утесу», калибр — 12,6 мм.

трем старым сталкерам и удастся решить маленькую голоногую проблему, свалившуюся июньским утром на Кордон.

— Катериной тебя зовут, говоришь?

Что ж, аномалии — они разные бывают.

Некоторые умудряются выглядеть довольно симпатично.

Только доверять им все равно нельзя. Потому что здесь — Зона.

2

Сидоровича как только не называли. И кровососом, и купчиной-выжигой, и лысым бюрером, и ухарем-купцом, хотя ухарь из стареющего торговца нынче был, сами понимаете, никакой. Отухался, хотя в свое время поухал знатно. И жлобом тоже звали. И все потому, что в долг Сидорович не верил никому и никогда, авансов не признавал, а доверие его можно было завоевать единственным способом — пунктуальным выполнением заключенных с хозяином бункера договоренностей. Но и рассчитывался купчина-выжига так же пунктуально, деньги не зажимал, снаряга у него была довольно качественная, а за соответствующую сумму достать мог практически все что угодно.

Но если вы в доверии у плешивого барсука Сидоровича, то перед вами откроется тяжелая железная дверь, ведущая в таинственные глубины бункера. В логово купчины-выжиги, мироеда, по совместительству лысого бюрера и кровососа. Словом, типичного «El explotador del pubero trabajador».⁴ Туда, куда сопливому новичку хода нет.

Много чего интересного и полезного для выживания в Зоне скопилось в кладовых бывшего подземного командного пункта, много всякого-разного хранится на запаянных в жестяные банки жестких дисках, снятых сталкерами по просьбе Сидоровича со стареньких «Пентиумов» в Лиманске, в лабораториях «Агропрома», «Ростока» и «Юпитера», а может быть, и самой «Припяти». Не исключено, что даже в самом центре управления ЧАЭС. Только где они, эти безвестные сталкеры, добывшие информацию? Живы ли, нет — кто знает... Но сейчас не время проводить инвентаризацию бункера, да и хозяин наверняка будет активно возражать, а аргументы у него крупнокалиберные, убойные аргументы.

Двое сталкеров, сидящих в прокуренной комнате за странновато выглядящим здесь круглым обеденным столом, покрытым аккуратной скатертью в бело-синюю клетку, к чужим секретам были равнодушны. Своих проблем хватало.

На столе стояла початая бутылка водки «Казаки», граненые стаканы и тарелка с жареным кабаньим мясом. Из дефицита имелись банка маринованных огурчиков и жестянка с кальмарами в собственном поту, похожими на мелко нарезанную сиреневую грелку. Роскошь, деликатес, можно сказать. На чернолаковом жесткином подносе с изображением Жар-Птицы-мутанта лежала по-мужски грубо порубленная буханка хлеба. Но мужчинам было не до выпивки и закуски, пусть даже и деликатесной.

Одним из сидящих за столом был Бей-Болт. Второго сталкера звали Ведьмак. Третьим был купчина-выжига, мироед, спрут-эксплуататор, жлоб черныбыльский обыкновенный Сидорович собственной мордатой персоной.

Свое прозвище Ведьмак получил за то, что на поясе его потрепанного «Берилла-5» в самодельных ножнах болталась самая настоящая черкесская шашка, которой сталкер при необходимости весьма сноровисто шинковал всяческую нечисть. С шашкой же он в Зоне и появился, а где он ее раздобыл — сие никому не ведомо. Мало ли что было в прошлой жизни? И мало ли кем ты когда-то был... Не принято в Зоне об этом расспрашивать, а сами сталкеры либо помалкивают, либо более или менее художественно врут. Но с шашкой Ведьмак и впрямь обращался куда как ловко, если не сказать профессионально. Очевидцы рассказывали, что этим изящным, каким-то даже женственным с виду клинком Ведьмак однажды зарубил матерого кровососа, с одного удара развалив тварь от плеча до бедра. Оружием своим сталкер весьма гордился и очень им дорожил, не упуская случая сообщить

⁴ Эксплуататор трудового народа.

интересующимся, что у него настоящая гурда,⁵ а не какая-нибудь полицейская селедка. Сталкеры уважительно хмыкали, хотя чем гурда отличается от обыкновенной сабелюки, в массе своей не знали. Но голову матерому кабану-мутанту Ведьмак смахивал одним ударом, так что в любом случае восхищаться было чем.

— Ну, что скажете, мужики? — начал Бей-Болт. — Откуда к нам это голубоглазое счастье привалило? И на кой оно нам сдалось? Ну, у кого какие соображения?

— Красивая девочка, — задумчиво сказал Сидорович. — Только не думаю, что она с блокпоста. Вояки, случается, приводят шлюх из ближних к Зоне поселков, иногда находят дурехи, которые соглашаются добровольно, спьяну или за цацки, а бывает, припрет мужиков, особенно южан, так и силком тащат. Редко, но и в самом деле случается, что, натешившись, пьяных и замученных до потери инстинкта самосохранения девок озверевшая от похоти солдатня выбрасывает в Зону, чтобы, значит, и следов от них не осталось. Зона, как известно, все спишет. Но, во-первых, командиром у них сейчас майор Зызыкин, а он мужик строгих правил и ничего подобного в жизни не допустит. А во-вторых, что-то не похожа она на шлюху, чистенькая уж больно. Одно слово, гимназистка.

— Много ты в шлюхах понимаешь, — не удержался Ведьмак. — Иную за королеву держишь, а она...

— Когда это ты кого-то за королеву держал? — ехидно поинтересовался Бей-Болт. — Может быть, ту рыженькую аспирантку с «Янтая», для которой из Красного леса живого снорка приволок? Она хоть спасибо тебе сказала? Снорк тебя погрыз, да так, что ты после этого сам чуть было в снорка не превратился, спасибо Болотному Доктору, откачал придурка. Помнишь, кто тебя к Доктору через Болота волок? То-то же! А королева твоя первым же вертолетом упорхнула на Большую Землю, увозя с собой дохлого снорка. Потому что живого ей вывезти за пределы Зоны не позволило высокое научное начальство. Ничего, для диссертации ей и дохлого хватило, так что, выходит, не зря ты, простофиля, старался.

— Вот я и говорю, — пробурчал задетый Ведьмак. — Женщины — существа лживые и на самом деле не такие, какими нам кажутся. А казаться у них здорово получается. А насчет девчонки — так третьего дня выброс был, а после выброса в Зоне всегда какая-нибудь новая пакость появляется. Вот вам мое мнение. Избавиться от нее надо, и поскорей, покуда делов не наделала. И не важно, из Зоны она пришла или снаружи, — добра от бабы на Кордоне не будет.

— Может, ты и возьмешься? — не то шутя, не то серьезно спросил Сидорович. — Шашка у тебя острая, вжик — и нет проблемы. Только ведь ребята тебя не поймут, пристрелят, никакая гурда против автомата долго не протанцует. Да и нас заодно с тобой кончат, как молчаливо одобривших. Здесь, на Кордоне, народ еще не успел заскорузнуть как следует, здесь еще существуют человеческие понятия о том, что можно, а что нельзя.

Некоторое время молчали, курили. Потом Сидорович пробурчал:

— Чего не пьете-то? Зря я, что ли, консервы открыл? Что мне их, слепым псам выбрасывать теперь?

Налили и выпили. Закусили огурчиками.

— Я вот что думаю, мужики, — начал Сидорович. — Вояк я беру на себя, есть у меня там кое-кто прикормленный, заодно свяжусь с «Чистым Небом», что на Болотах. С Сахаровым, само собой, побеседую. Может быть, она оттуда, с «Янтая». Практикантка какая-нибудь потерявшаяся или лаборантка. А если ничего нащупать не смогу — тогда я пас,

⁵ «Настоящая гурда» — черкесская шашка. Вот как выглядит один из немногих сохранившихся экземпляров: длина общая (без ножен) — 90 см 7 мм; длина клинка — 78 см 7 мм; длина рукояти с ушами — 12 см; длина черена рукояти — 8 см; ширина клинка у основания — 3 см 5 мм, в средней части — 3 см, на боевом конце — 2 см; толщина клинка у пятки — 7 мм, в средней части клинка — 5 мм, на боевом конце — 4 мм; длина ножен — 93 см 2 мм. Клинок стальной, половину поверхности клинка занимают 3 узких дола, которые проходят с каждой стороны клинка и заканчиваются не доходя 18 см до острия. На левой стороне клинка выбито клеймо гурда (раскрытая волчья пасть с брызгами крови). Рукоять выполнена из цельного куска кости, насажена на хвостовик всадным способом и скреплена с ним двумя сквозными заклепками. Основание и головка рукояти условно отделены от черена рукояти двумя костяными поясами, выполненными резьбой. Черен рукояти украшен резьбой в рубчик (косая полосочка). Уши головки рукояти кавказского типа — прямые.

тогда вам решать, я же не сталкер, а так, коммерсант, мне с тварями Зоны дело иметь не полагается. Мое дело простое — здесь купил, там продал. И наоборот. Да чтобы ни те, ни эти не пристрелили. Так вот и свожу концы с концами.

— Не больно-то они у тебя сходятся, — ехидно проворчал Ведьмак. — Вон какое брюхо отрастил, дырок на ремне не хватает. А как ты по Зоне скачешь, я видел. За тобой и snork не всякий угонится. И пузо не мешает, а как бы даже наоборот. Может быть, у тебя пузо наподобие артефакта «грави» работает?

— Мое пузо как нужно, так и работает, — огрызнулся Сидорович. — Когда как «грави», а когда и наоборот. Давайте о деле, пузо это личное, пузо к делу не относится.

— Понимаю, что неправ, — вздохнул Бей-Болт. — Только если Зона нас достать захочет, то достанет по-любому. Через гимназистку эту, или через «комариную плешь», либо еще как. Или сами мы друг друга поубиваем. Но как старший на Кордоне я обязан принять соответствующие ситуации меры предосторожности. Ну, хотя бы изолировать ее от остальных, пока не выяснится, что сия гимназистка румяная на самом деле собой представляет.

— И где ты ее собрался изолировать? — снова съехидничал Ведьмак. — Даю подсказку: лучше всего спрятать ее в бункере у Сидоровича. Тем более что под прикрытием такого уникального пуза девочка будет в полной безопасности. Ты как, спрут-эксплуататор, не возражаешь?

— Возражаю, — спокойно ответил Сидорович. — У меня солидная торговая точка, а не бордель какой-нибудь. Вот перестану у вас хабар покупать и займусь торговлей живым товаром, что делать будете?

— Был бы хабар, — пренебрежительно бросил Ведьмак, — был бы хабар, а перекупщики найдутся. Вас, коммерсантов, не сеют и не пашут, вы сами растете. А может быть, вы из центра Зоны к нам лезете? После каждого выброса? Купцы-мутанты.

— Сам ты мутант, — беззлобно отозвался Сидорович. — В зеркало давно смотрелся? Как есть мутант, патлы белые, нестриженные и глаза в темноте светятся.

— Все мы немного мутанты, — примирительно сказал Бей-Болт. — Ладно, пусть она пока просто поживет на отшибе, только охранять ее круглосуточно — у меня людей нет. Может быть, сама уйдет, а может, хозяин сыщется.

— Современные бабы хозяина не признают, — заметил Ведьмак. — Они теперь все как одна, наподобие слепых псиц, рыщут где ни попадя, только и думают, как бы кого-нибудь сожрать.

— А знаете, мужики, а не отвести ли нам и в самом деле нашу пришелицу на «Янтарь»? — сказал Сидорович. — Даже если она и не оттуда, даже если из Зоны вышла — ученые разберутся, что она за птица. Зона ее прислала или сама по дури прилетела. Человек она или нет. А если все-таки человек, то на «Янтаре» ей уж точно будет лучше, чем в поселке вольных сталкеров. Научники ее живо к делу какому-нибудь приставят. Будет яйцеголовым кофе варить да пробирки мыть.

— Между прочим, — серьезно сказал Ведьмак, — я, когда к вам шел, возле «трубочки» под рокадой восьмерых наемников обнаружил. Точнее, то, что от них осталось. А может быть, их было и не восемь, трудно пересчитать, если людей, словно пластилиновых, в комок смяло вместе с оружием, бронекостюмами и экзоскелетами. И не разобрать, где кости, где гидроцилиндры. Зрелище еще то, скажу я вам. Даже меня замутило. Кровавый такой комок, сплюснутый, только погнутые стволы из него торчат. И ни одного целого. А стволы качественные, наемники ведь «Грозу» предпочитают. Я бы и сам от такой машинки не отказался. А шли brave наемнички как раз в нашу сторону, это я по следам определил. Как вам такой факт, а?

— Может, в блуждающую аномалию попали? — с надеждой предположил Бей-Болт. — В «мясорубку», например, в «воронку». Или в «карусель»?

— Не было там никакой аномалии, кроме слабенькой, почти разрядившейся «электры» на шоссе. А потом — что я, не видел, что с человеком «мясорубка» делает или «карусель»? И чтобы сразу восемь сталкеров вляпались, да еще наемников? Это же не твои желторотики,

это же матерые бойцы. Убийцы. Профессионалы. И не ходят наемники кучей, как зеваки по Красной площади, они, как полагается, след в след шли.

— Если бы до нас добрались, мы могли бы и не отбиться, — задумчиво протянул Бей-Болт. — Против восьми профи, вооруженных ОЦ-14 с подствольниками. А у нас чего? Дедовские ружья, пара «калашей», «Абакан» да один «винторез». Нет, точно не отбились бы. Хотя, может быть, они проход на Болота искали, а не нас.

— А тебе от этого легче? — спросил Ведьмак. — Искали проход, попутно зачистили вас. Просто так, до кучи и с целью поднятия общего тонуса. Хорошо, что не дошли. Только странно это все-таки.

— Наемники просто так ничего не делают, у них на все прейскурант... — начал было Бей-Болт.

— Значит, так, — прервал их Сидорович, — денька три девка пускай здесь побудет, авось ничего страшного не случится. А я пока свяжусь с теми да этими, может быть, что-то и прояснится. А не прояснится, тогда мы, если Сахаров согласится, ее на «Янтарь» и отправим.

— Не дойдет она до «Янтаря», — вздохнул Ведьмак. — Сгинет по дороге. Она даже до бара «100 рентген» не дойдет. Там по дороге, кроме монстров, еще и бандюки, и кто для нее страшнее — неизвестно. А уж на Свалке от всякого рода отморожков и вовсе не продохнуть. Уж лучше ее отправить по дороге к блокпосту, может, вояки стрелять не станут, а если шарахнут из крупнокалиберного пулемета, как у них водится, то это легкая смерть. Она доверчивая, гимназистка, она пойдет. А до ученых... нет, не дойдет.

— С таким провожатым, как ты, дойдет как миленькая, — сказал Сидорович. — А не дойдет, так, как говорится, «общество в претензии не будет».

— А почему я, — начал было Ведьмак, потом махнул рукой, — ладно, я все равно в Красный лес собирался, а это почти по дороге. Видно, судьба у меня такая, планида...

— Ну, вот и лады, на том и покалим сrostень, — подвел итог встрече на высшем уровне Сидорович.

— Ишь ты, начитанный, — с уважительной иронией отозвался Ведьмак.

Чувствовалось, ему очень не хочется вести сомнительного происхождения девицу к ученым через Свалку, кишашую бандитами и монстрами, через Дикую территорию, мимо «Агропрома», но внутренне он уже согласился. А потом, там, за пределами Зоны, у каждого из них осталась какая-то жизнь, и эта жизнь понемногу усыхала, от нее практически ничего не осталось, но как же она иногда саднила, как ныла! Они, старые сталкеры, уже приучили себя к мысли, что реальна только Зона, а все остальное — миф, фантастическая волшебная страна Оз, которой на самом деле не существует и куда нельзя вернуться. Им казалось, что они никогда там и не были, а сразу оказались здесь, в Зоне, жестокие и решительные, готовые убивать и умирать, готовые грызть друг друга за хабар и лезть за ним в такие места, из которых возвращение не предусматривается правилами игры, да и куда возвращаться? Повсюду она, Зона-матушка, и нет на планете ничего, кроме нее.

А девушка была явным свидетельством, что мир вне Зоны все-таки существует. И в этом мире не принято расхаживать с заряженными автоматами, не принято вздрагивать от каждого подозрительного шороха, там ходят на работу, а не за хабаром, там носят легкие красивые одежды, и мертвые не валяются прямо на дороге в ожидании, пока псевдопсы дождут то, что от них осталось. Там, наверное, все другое...

Но там нас нет.

3

Второй день Катерина жила на Кордоне. За это время Сидорович успел связаться с Лебедевым и Сахаровым, какими-то своими способами выяснил у вояк, что никакой девицы ни легкого поведения, ни тяжелого у них давно не было, о чем военные весьма и весьма сожалеют. Кроме того, торговец получил письменное предложение от бандюков со Свалки, неведомым образом прознавших о появлении в лагере новичков особы женского пола. Предложение изобиловало грамматическими ошибками, словно заявление о приеме в

московский вуз, написанное приезжим с Кавказа, а смысл его сводился к тому, что радостями жизни надо делиться, как, впрочем, и всеми остальными хорошими вещами. Изгвазданную мерзкими каракулями бумажку доставил покрытый синяками и обобранный до нитки сталкер по прозвищу Гвоздь, который, на свою беду, заночевал в полуподвальчике под барахолкой.

Той же ночью бандюки попытались напасть на лагерь, но схлестнулись с солдатами-дагестанцами с блокпоста. Намерения обеих сторон в отношении новой обитательницы лагеря различались разве что в незначительных деталях, поэтому перестрелка на дороге вышла жаркой, патронов не жалели, но на помощь дагестанцам пришли их сослуживцы из Тверской области, и бандиты побежали. Бей-Болт своим ребятам принимать участие в перестрелке запретил, но посты усилил. К утру все стихло. С блокпоста подошел БТР-90, на броню которого погрузили убитых солдатиков, так не вовремя возжелавших женской ласки, после чего деловито и безжалостно дострелили раненых бандюков. Оружие и все, что было ценного, у них забрали и, мощно навоняв соляжкой, уехали, не тронув, однако, лагеря. Какой-то недобитый бандит, совсем мальчишка с виду, дополз-таки до ржавого автобусного остова, что возле дороги, долго стонал и просил аптечку, обещая сообщить, какой ценный артефакт предлагал Боров за девчонку, но так и умер, не успев ничего рассказать. Аптечек самим не хватало, бандюки всех достали, помогать им никто не собирался, а артефакт все равно заполучили военные.

Берет с Дуплетом по темноте отволокли тела за насыпь, да там и оставили. К утру трупы бандюков сожрали слепые псы и кабаны-мутанты.

В общем, жизнь на Кордоне текла своим чередом. Кто-то уходил, кто-то возвращался или не возвращался никогда. Ушел Ведьмак, обещав вернуться на следующий день, но куда-то запропал.

К Катерине понемногу привыкли, караулили ее без рвения, даже и не караулили, а так, присматривали, чтобы куда не надо не влезла. У Сидоровича нашелся оранжевый научный комбинезон, который деляга никак не мог сбыть с рук по причине малого размера. Теперь комбинезон вкупе с гриндерами-маломерками оказался очень кстати.

Бей-Болт обнову одобрил, отметив, что хорошо, что костюмчик такой яркий, в таком комбинезончике гимназистку видно за версту, после чего с неохотой отдал Сидоровичу занащенные на черный день «медузу» и «пустышку». Пусть одежда и числилась у Сидоровича в неликвидах, оказывать гуманитарную помощь купчина-выжига не имел привычки и содрал за шмотье приличную цену.

— Вот если бы у тебя ничего ценного не было, я бы, может, и даром бы отдал это барахло. Потому как на что оно мне, сам посуди? Но поскольку у тебя есть что-то на обмен — будь любезен заплатить. Таковы правила коммерции от сотворения мира и до наших дней, — назидательным тоном сказал торговец.

Видно, такие правила были ему по душе, сроднился он с ними.

Бей-Болт только сплюнул.

Вечером Катерина сидела у костерка и мирно беседовала с Васькой-Мобилой. Неподалеку ошивался Берет с «винторезом», который возвращать хозяину не торопился, а потому изображал из себя беспристрастного стража. Авось старый Бей-Болт оценит рвение и расщедритя. Тогда «винторез» перейдет в собственность Берета, а с такой машинкой можно попытать счастья и в глубине Зоны, куда бывший десантник собирался уже давно, да только подходящего снаряжения не было.

— Ты что, так ничего и не помнишь? — спросил Мобила, подбрасывая в руке старенькую «Нокию». — Совсем ничего?

— Почему, помню, — ответила девушка, — помню, что меня зовут Катей, помню, что жила в небольшом городке, у нас был выпускной вечер, выпили немного, гуляли всю ночь. Но на рассвете что-то грохнуло, вспышка была такая, что я думала, ослепну. А потом я очутилась здесь.

— А еще что-нибудь помнишь? — настаивал Васька. — Ну, там, как город назывался, родителей, подружек...

Катерина помотала головой:

— Нет, помню, что-то было, но... будто на самом деле этого ничего не было. И еще что-то помню, только рассказать не могу, потому что слов таких не знаю.

— А зачем ты здесь, тоже не знаешь? — Мобила отхлебнул из фляжки.

— Наверное, такая у меня судьба, — отозвалась девушка.

— Планида, как говорит Ведьмак, — важно подтвердил Васька. — Против судьбы еще попереть можно, а против планиды — пустой номер. Впрочем, здесь все старые номера пустые.

Мобила с грустью посмотрел на навек замолчавший телефон, выключил его и спрятал в карман.

Они долго сидели, слушая звуки вечерней Зоны, далекие автоматные очереди, кашель бандитских обреза, невнятные стоны и поскуливание слепых псов, рыдающий хохот голодного кровососа...

Вдруг со стороны блокпоста послышалась автоматная стрельба, потом тяжело забубухал крупнокалиберный «Корд». Стреляли в сторону прохода на Болота, стреляли зло, не жалея патронов, стреляли радостно, потому что как-никак, а все-таки развлечение.

— Мобила, Берет, — раздался голос Бей-Болта. — Возьмите еще двоих и выдвигайтесь на шоссе. Вести отвлекающий огонь, самим под пули не лезть. Это Лебедев из «Чистого Неба», он недавно связывался со мной через ПДА.

Сталкеры молча, пригнувшись, побежали в сторону дороги. Через некоторое время послышалась частая автоматная стрельба, потом динамик на вышке блокпоста принялся гулко и бездарно материться и орал так до тех пор, пока разозлившийся Берет не влепил в него пулю из «винтореза».

Стычка продолжалась минут пятнадцать, потом выдохлась, пулемет смолк, только на шоссе нестрашно хлопали одиночные выстрелы, да пули на излете лопотали по листве мутировавших каштанов и кленов, растущих вдоль дороги.

Через час в лагере появился профессор Лебедев в сопровождении нескольких сталкеров с ярко-синими нашивками на рукавах потрепанных костюмов.

— Ну и где ваша мутантка? — деловито спросил профессор. — Полагаю, вы ее держите в надежном месте?

Бей-Болт смущенно показал на девушку в оранжевом научном комбинезоне, развешивающую постельное белье на проводе, натянутом между двумя врытыми в землю жердями.

Профессор недовольно поморщился и сказал:

— Вы, конечно, представляете, чем она может быть, и все-таки...

— У меня тут изолятора не предусмотрено, — сухо сообщил Бей-Болт. — Если хотите, можете забрать ее к себе.

— У нас, между прочим, тоже специальных помещений для содержания мутантов не имеется. Вообще-то, если она порождение Зоны, то никакой изолятор не поможет. Говорят, она появилась у вас сразу после выброса?

— Не сразу. Через три дня.

— Гм... Выброс был какой-то странный, у нас одного бойца на открытой местности накрыло, так он часок без сознания провалялся, и все. Казалось бы, слабый выброс, а по приборам получается наоборот — весьма и весьма неординарный. И гон после него был так себе, мутанты вялые, некоторые вообще развернулись и двинулись обратно к центру. Что ж, у нас имеется экспресс-лаборатория, буквально из ничего собрали, так что какие-то анализы мы сделать сможем, а уж последуют ли из результатов анализов определенные выводы — там видно будет. С «Янтарем» связывались?

— Да. Они весьма заинтересовались. Только сами добраться до нас не могут, заняты чем-то, а вести девицу через половину Зоны сейчас некому. Ведьмак было согласился, да куда-то пропал. А новичка я послать не могу. И девку погубит, и сам сгинет. Сахаров, простая душа, хотел вызвать военный вертолет, только я не согласился, от военных из-за Периметра ничего хорошего ждать не приходится. Заберут объект, а нас на всякий случай

зачистят. К местным-то воякам мы привыкли, у них нас вывести силенок маловато, да и под пули подставляться неохота. А летуны — те народ лютый, ему что сталкер, что монстр — сверху все едино.

Лебедев посмотрел на предполагаемую мутантку, сражающуюся с запарусившей на ветру простыней, потер подбородок и с завистью заметил:

— Ишь ты, на простынях спит, это ж надо! — опомнился и продолжил: — Ну... что, собственно, можно сказать. На первый взгляд, она обыкновенная девушка. Лет восемнадцати. Красивая. Да-с! Послушайте, Болт, выделите мне какое-нибудь помещение, чтобы развернуть экспресс-лабораторию. И через полчаса пригласите ко мне вашу — как вы ее называете? Гимназисткой? Вот именно, гимназистку. И одежду ее принесите, ну, ту, в которой она, так сказать, возникла. Надеюсь, ее не стирали? Сама постирала? Очень жаль, ну, ничего не поделаешь.

Экспресс-лабораторию развернули в подвальчике посередине поселка, выкинув оттуда всяческий мусор и прочие пустые бутылки. У входа в подвальчик, занавешенного чистым байковым одеялом, встали два сталкера в необычных комбинезонах со вставками синего цвета, вооруженные старенькими «калашами» с вытертыми деревянными ложами. Судя по снаряжению, жила группировка «Чистое Небо» небогато.

Девушка в апельсиновом костюме послушно спустилась в подвал, где ее ожидал накинувший поверх комбинезона сталкера невесть где добытый белый халат профессор Лебедев.

Васька-Мобила курил, поминутно сплевывая в чахлый костерок. Берет и оклемавшийся после встречи с бандитами Гвоздь сидели на ящиках от тушенки, ожидая результатов обследования.

— Да нормальная она деваха, — сказал наконец Берет. — Я в прицел видел, как она у бочки с водой умывалась, так, по-моему, женщина как женщина. Все у нее в порядке, все на месте. Только на мой вкус слишком уж тоща. Я, когда срочную служил, к одной продавщице в самоволку бегал — вот это была женщина! Сплошная нежная плоть, можно сказать, а посерединке душа, как косточка в персике.

— И такая же ядовитая, — не удержался неделикатный Гвоздь.

— Это ты завидуешь, — мирно отозвался Берет. — Тебе-то, поди, и вспомнить-то нечего?

— Как это нечего, — вскинулся Гвоздь. — Это мне-то нечего? Да я, если хочешь знать, здесь из-за бабы оказался. Из-за жены.

— Расскажи, — попросил Васька.

— Да чего там рассказывать, — махнул рукой Гвоздь. — По ящику передача была про военных сталкеров, какие они все из себя крутые, да сколько у них бабла, какие тачки, да как они отдыхают на всяких Канарах да Куршавелях, ну, моя супруга и давай меня пилить, дескать, вот они какие, настоящие люди-то, не чета тебе, дровиче запечному.

— Что-то я не видел здесь ни одного телепузика, — задумчиво заметил Берет. — Боятся они сюда соваться. Скорее всего они не со сталкерами беседовали, а с перекупщиками, с барыгами. Так эта публика в Зону не ходит, хотя бабло и прочие Мальдивы у них, в самом деле, имеют место быть.

— Так оно и было, — подтвердил Гвоздь. — А еще в той передаче принимали участие вояки, сплошь полковники. Даже генерал какой-то был. Здоровый такой, краснорожий, на псевдогиганта здорово смахивал, только в форме. Призывал всех настоящих мужчин записываться в контрактники и двигать в Зону за славой и за деньгами.

— Ну и? — спросил Берет.

Ну, я сдуру и двинул. Пришел на вербовочный пункт, контракт подписал на два года, помутузили меня малость в учебке — и сюда. Сначала вроде ничего было, все больше в оцеплении стоял, только в оцеплении много не заработаешь, а нам за каждый артефакт премия полагается. Ну, я сдуру и напросился в рейд-команду. Первые две ходки нормально прошли, каких-то хмырей постреляли, хабар отобрали, часть заныкали, часть, как положено, сдали, денежки получили. И за хабар, и за хмырей. А на третьей ходке я в «карусель» попал,

только мне повезло, выбросило наружу. И вот валяюсь я весь покореженный и слышу, как наш сержант говорит, типа, давай дострелим парня, все равно не дотащим, хабар поделим, ну а с заданием — да хрен с ним с заданием-то, все равно мы в этих плавнях ничего, кроме гибели, не найдем. Мы по наводке шли, попутно чей-то схрон вскрыли и были уже с приличным хабаром. А второй ему — чего его достреливать, только лишний шум поднимать, он и так сдохнет. Боевое братство, называется... И ушли. А через час меня Доктор нашел, мы, оказывается, в его угодьях шарились, и задание у нас было — доктора поймать, а потом «вертушку» вызвать. Только некому оказалось вызывать, потому что нарвалась группа на псевдопсов, а пока они от псевдопсов отбивались, и другие твари подоспели. Пострашнее.

— Это какие? — любопытствовал Мобила.

— Хрен его знает, — честно ответил Гвоздь. — Я таких раньше и не видывал, и впредь видеть не хочу. Если бы не Доктор — кранты бы мне. Доктора местные твари вроде как слушаются, слово он какое-то знает, что ли...

Беседа прервалась, потому что из подвала появилась Катерина в сопровождении Лебедева.

— Ну, что скажете, профессор? — поинтересовался у Лебедева Бей-Болт, когда они спустились в бункер Сидоровича, подальше от любопытных глаз и ушей.

— Без сомнения, она по всем биологическим параметрам человек, — сказал Лебедев, с удовольствием закуривая. — Под воздействием наших препаратов она кое-что вспомнила. Ну и немного гипноза, конечно, тоже помогло.

— Что? — спросил торговец. — Что она вспомнила?

— Что жила она в городке Сосновый Бор, пригороде Санкт-Петербурга, там еще атомная электростанция имеется, между прочим, построенная по тому же проекту, что и ЧАЭС. В июне как раз школу окончила, ну, как водится, выпускной вечер, белые ночи, гуляние до утра, дальше ничего не помнит, но похоже, что в июне 2010-го что-то у них там случилось. Что-то похожее на выброс, хотя никакой аварии на тамошней станции официально зарегистрировано не было, а потом она очутилась здесь. Она, кстати, и фамилию свою вспомнила. Закревская она, Екатерина Закревская. Польша по бабке, с бабкой и росла, и в благодарность взяла ее фамилию. Паненка, а стало быть, с гонором.

Бей-Болт пожал плечами, дескать, все ясно, что ничего не ясно. Откуда на Кордоне появилась польская панночка из-под Питера — не ясно, да и время не совпадает, в десятом она пропала, а сейчас какой? И где она все это время пребывала? В общем, толку от этих ученых...

— Приятно, конечно, что мы знаем, за кого выдает себя наша гостья, — вслух сказал он, — только детали, в сущности, не так уж важны. Ничего существенного мы так и не узнали.

— Ничего себе не узнали, — обиделся Лебедев. — А то, что она из поселка при АЭС, построенной по тому же проекту, что и местная, это, по-твоему, не важно? Видно, что-то в этом проекте имеется такое, что каким-то образом связывает географические пункты постройки однотипных станций. Что-то вроде прокола пространства в точках с совпадающей топологией фазового портрета. Сопровождающегося спонтанным перемещением материальных объектов. Причем живых и разумных.

— Живые, а тем более более разумные объекты спонтанно не перемещаются, — проворчал Бей-Болт. — Спонтанно перемещаются только дураки.

— Не придирайтесь к словам, коллега, — парировал Лебедев. — Ноосфера, как вам, конечно, известно, объект в значительной мере живой и разумный.

— В какой мере? — заинтересовался Сидорович. — А договориться с ней нельзя, с этой вашей Ноосферой?

— В значительной, — отрезал профессор. — Договориться — не знаю, а командовать ею, похоже кто-то уже пробовал, да не слишком удачно. И сама Зона тому свидетельство.

— Ну и что у нас в сухом остатке? — Бей-Болт посмотрел на профессора. — Знаете что, профессор, у меня конкретная проблема, и я хочу, чтобы вы подсказали мне, как ее решать. А с разумной Ноосферой уж как-нибудь сами разбирайтесь, без меня.

— Мне не хотелось бы встречаться с Сахаровым, — выдержав небольшую паузу, признался профессор, — наши с профессором взгляды на Зону и место человека в ней существенным образом разнятся, но тем не менее я полагаю, что проконсультироваться с учеными с «Янтаря» все-таки придется. Тем более что у них есть возможность подтянуть с Большой Земли необходимое оборудование. У нас, к сожалению, такой возможности нет. Зато мы ни перед кем не отчитываемся, но это так, к слову... В общем, готовьте вашу гимназистку к отправке на «Янтарь». Я тоже там буду, ради науки стоит пренебречь личной неприязнью. Вот, собственно, пока и все.

Сидорович с Бей-Болтом переглянулись. Потом Сидорович сказал:

— Я могу подергать кое-какие связи и выяснить, что случилось с Екатериной Закревской в Сосновом Бору в июне 2010 года. Не даром, разумеется.

— Вы прекрасно знаете, что «Чистому Небу» платить вам нечем, — раздраженно откликнулся ученый. — А официальная наука и без ваших связей обойдется, потому что вам ли не знать, на кого работает официальная наука.

Сидорович, конечно же, знал, на кого работает официальная наука, он и сам иногда работал на спецслужбы, поэтому торговец пожал покатыми плечами и решил больше не касаться этой щекотливой темы.

— Совещание окончено, — бодрым голосом возвестил Сидорович. — А теперь, господа, — банкет!

И открыл очередную банку с кальмарами.

Только никуда вести неведомо откуда свалившуюся на Кордон гимназистку не пришлось, потому что на другой день в сталкерский лагерь с дружеским визитом пожаловал известный всей Зоне Лешка-Звонарь собственной лохматой персоной.

И очередная глыба благих намерений рухнула, мостя своими обломками дорогу не то в старый добрый Ад, не то к мифическому Монолиту.

4

Лешка Ярлыкин, известный всей обитаемой Зоне как Лешка-Звонарь, уместился на шатком настиле из нехорошо поскрипывающих подгнивших досок. Внизу, метрах в пяти под настилом валялись трупы нескольких слепых псов. С настила по перекошенным, подгнившим деревянным лестницам можно было вскарабкаться наверх, где Лешка уже был и ничего интересного, кроме ржавого укороченного «калаша» да россыпи позеленевших от непогоды стреляных гильз, не обнаружил. Еще можно была спуститься вниз, где помимодохлых сталкера дожидалось неизвестное количество живых псевдопсов, временами проявлявшихся в дверном проеме, чтобы снова сгинуть.

Наверху делать было нечего, но и спускаться вниз как-то не хотелось. Потому что, кроме псевдопсов, вокруг непристойно торчащего посреди заброшенного поселка краснокирпичного обломка сельской цивилизации ошивалась парочка голодных кровососов. Да и оставшиеся от прореженной Лешкой стаи вполне бодрые слепые псы нервно нарезали круги вокруг старой башни, слышно было, как когти стучали по битому кирпичу.

— Ишь, гады, то явятся, то пропадают, — с чувством сказал Лешка, отметив смазанное темное движение и короткий просверк упыриного взгляда в палисаднике полуразрушенного домишки неподалеку от башни.

Из узкого окошка-бойницы происходящее у подошвы водонапорной башни видно не было — мертвая зона, — так что оставалось только гадать, сколько мутантов намеревалось устроить сталкеру теплую встречу с непременно ужином непосредственно в процессе торжественной части. Во всяком случае, оставшихся патронов могло и не хватить. Впрочем, можно было утешаться мыслью, что одного не слишком упитанного сталкера на всю ораву тоже будет маловато, однако это обстоятельство почему-то совершенно не вдохновляло.

Патронов к SPAS-12 оставалась всего восемь, то есть один магазин.

Патроны еще имелись, только вот беда, находились они в рюкзаке, а рюкзак, порядком-таки потрепанный псевдопсом, валялся там, внизу.

Полчаса назад, спасаясь от управляемой вожаком-телепатом стаи, Лешка швырнул прущим на него собакам рюкзак и, подхватив ружье и гитару, птахом взлетел на помост внутри старой водонапорной башни. Неприятность, собственно, и состояла именно в том, что рюкзак остался внизу. Кроме патронов, в нем имелись две банки консервов, буханка хлеба и бутылка водки — классический сталкерский ужин. Или обед, а может быть, завтрак. Короче говоря, нужное — подчеркнуть.

Вообще-то в башне сталкер собирался устроиться на ночлег, верхотура — самое удобное и безопасное место для отдыха, если, конечно, не попадешь под выброс. Но выброса, судя по наличию у тварей Зоны хорошего аппетита, в ближайшую ночь не предвиделось. То, что перед выбросом слепые псы начинают скулить, носиться кругами, переставая при этом жрать, известно каждому мало-мальски опытному сталкеру. Эти псы жрать хотели, и еще как, так что выброса можно было не опасаться.

Лешка возвращался из Красного леса, откуда искал проход в Лиманск. Тоннель, взорванный Стелком, так и остался непроходимым, а перебраться через речку не получалось — фонило уж больно сильно.

Чтобы не возвращаться с пустыми руками, сталкер наведалься в гости к Леснику, поговорил со стариком о том о сем, выяснил, где появились перспективные с точки зрения добычи хабара аномалии. После чего осторожно сунулся в ближайшее гнездо свеженького «жгучего пуха» и выудил оттуда «колючку» — улов в общем-то небогатый, да и ладно, не затем ведь шел.

В Лиманск Лешке было нужно, так сказать, по семейным обстоятельствам. Авось в брошенном городе сыскалось бы что-нибудь полезное для семейного человека, каковым сталкер себя считал после того, как встретил на Кордоне удивительную девушку Катю-Гимназистку, мгновенно влюбился, не то отбил, не то выкупил ее у ученых, отдав «ночную звезду» и «батарейку», и, как порядочный человек, женился. Честно говоря, ученые из всех сил сопротивлялись, но Лешка пришел в ярость, пригрозил непосредственным физическим воздействием, да еще пообещал ославить на всю Зону. И Лебедев с прилетевшим на Кордон Сахаровым сначала сдались, а потом, выпив за примирение между официальной и свободной наукой, а также за замечательную молодежь Зоны, растрогались и умилились.

Это была первая и единственная до сих пор сталкерская свадьба. Настоящая, с венчанием в старой церквушке, что на Болотах, с обручальными кольцами и бутылкой «Советского шампанского», неведомо где добытой расчувствовавшимся купчиной-выжигой Сидоровичем. Со свидетелями, в роли которых выступали Бей-Болт и Ведьмак, вернувшийся к тому времени из Диких земель. Даже батюшка был настоящий. Венчал молодых бородастый чудик по прозвищу Иерей, который и на самом деле в прошлой жизни был священником и в Зону отправился добровольно, чтобы нести Слово Божие не то сталкерам, не то мутантам. Сам назначив себе приход, он проявил заботу и о безопасности прихожан, и о себе, смиренном слуге Божьем, установив на колокольне снятый со сгоревшего танка пулемет ДТ на самодельной турели. «Максим», конечно, смотрелся бы гораздо более стильно, но «максима» в Зоне, увы, не оказалось, и батюшка, чуждый греху гордыни, успокоился на том, что было. Впрочем, в последнем причастии он не отказывал никому, даже подстреленным лично бандюкам, за что оставшиеся в живых его шибко уважали, жертвовали церкви артефакты и патроны и вообще вели себя почтительно.

А вот венчать в Зоне ему довелось впервые, поэтому батюшка в рясе поверх бронежилета выглядел не на шутку растроганным, обряд провел истово, с должным рвением, несмотря на то, что некоторых церковных атрибутов, потребных для обряда, не доставало.

Увлечшись воспоминаниями почти годичной давности, Лешка даже забыл о топчущихся вокруг его ночевки тварях. Ждут, ну и ладно, всех нас ждут на том свете, но пусть подождут подольше, от них не убудет. Устроившись поудобнее, сталкер тоже решил подождать. Авось что-нибудь случится и ситуация разрядится сама собой. Зона — дама переменчивая, как, впрочем, и большинство незаурядных женщин.

Смеркалось. Низкое солнце в последний раз сбрызнуло Зону оранжевым, и Лешка, глядя на темнеющий поселок, на разросшиеся каштаны и винного цвета заросли одичавшей

вишни-мутанта, подумал, что Зона по-своему красива. Может быть, потому, что в ней так мало людей. Конечно, мутантов и уродов всяких полным-полно, но иногда кажется, что в Зоне их все-таки меньше, чем снаружи, а главное, здесь мутанта можно отличить от нормального человека, а там — далеко не всегда.

В дверь сунулся псевдопес, рванул рюкзак, вздернул его, мотая лобастой головой, и опрометью метнулся к выходу. Лешка почти машинально выстрелил, попал, и тварь ткнулась в пол, так и не разжав челюстей. Расстояние между сталкером и рюкзаком увеличилось еще на пару метров и одну волчью пасть. Патронов осталось семь.

Был еще «Кольт 11—45», старая, надежная машина, которую когда-то Лешка таскал с собой, подражая героям Джека Лондона, а потом, когда оперился и повзрослел, — просто по привычке. Барабан был полон, шесть патронов — все, что осталось от жестянки, выменянной у командира «Свободы» на вполне исправную «Гадюку». Но «кольт» — это на крайний случай.

Можно, конечно, попробовать выбраться на крышу водонапорной башни и позвать на помощь через ПДА, только неизвестно еще, кто отзовется, да и стыдно, честно говоря. Лешка не без оснований считал себя опытным сталкером, кроме того, из сложных ситуаций он всегда выпутывался сам. До сих пор у него это неплохо получалось, и сталкер надеялся, что и на этот раз получится.

Но вот в чем дело — Лешке страшно хотелось домой, а домом он считал наспех подлатанный коттедж на Кордоне. Раньше у него, как и у большинства сталкеров, начисто отсутствовало чувство дома. Где более или менее безопасно — там и дом. Вот и вся оседлость. Раньше, но не теперь.

«Наверное, все дело в Катерине, — подумал сталкер. — Дом мужчины там, где его ждет женщина. — И сразу одернул себя: — Эх меня перекосило, однако! Инда на лирику потянуло. Так и стрелять можно разучиться, а не умеющие стрелять здесь долго не живут».

Внизу истошно взвыла собака, в сгустившейся на дне кирпичного стакана тьме метнулась пара горящих ржавым светом огоньков. В гости пожаловал один из кровососов. Проявляться целиком монстр, однако, не спешил, и Лешка выстрелил почти наугад туда, где только что были глаза. Попал или промазал — было неясно. Но если и попал — толку мало, кровососа одним выстрелом, даже если ружье заряжено жаканом или турбинкой, не уложишь. Регенерирует тварь почти мгновенно, нам бы так регенерировать, горя бы тогда не знали.

Патронов осталось шесть. И еще шесть в револьвере.

Разумно было не палить в быстро наступающую темень, а дожждаться утра. Во-первых, оно, как известно, вечера мудренее, а во-вторых — утром видно лучше, да и шанс на то, что тварей что-нибудь или кто-нибудь отвлечет, тоже существовал. Только бы не уволокли рюкзак, а там, если Лешка до него доберется, — хана тварям.

Ждать было скучно. Ожидание можно скрасить беседой с умным человеком, выпивкой или песней. С самим собой разговаривать порядком-таки надоело, да и не таким уж Лешка оказался интересным собеседником себе любимому, выпивка находилась там же, где и патроны, так что ничего не оставалось, кроме как спеть. Благо, гитара — вот она, рядом лежит.

Не зря Лешку прозвали Звонарем, ох, не зря! Слава лучшего гитариста-сталкера звенела по всему Чернобылю. И гитара у него была непростая. Не чета обычным сталкерским гитарами, изготовленным на мебельных фабриках уже не существующей страны победившего социализма. Собственно, с гитарой этот инструмент роднило только наличие шести струн и грифа. В деку встроены шесть динамиков — два широкополосных, две «пищалки» и пара низкочастотных, с плоским диффузором. Работало это устройство от вечной батарейки, мощности которой хватало, чтобы обеспечивать питание электроакустического монстра год или два. Изготовлен был уникальный инструмент умельцами «Свободы», работавшими под чутким руководством самого музыканта. Инженер Борисов, занимавшийся в «Свободе» ремонтом и модернизацией всего и вся, но в основном стрелкового оружия, предлагал вмонтировать в гитару, которую он упорно называл

«изделием», автоматический гранатомет или хотя бы пулемет, но Лешке это решение показалось неприемлемым с эстетической точки зрения, и он решительно воспротивился.

«Ну, хотя бы штык на гриф давай присобачим, — убеждал Лешку Борисов. — Понтово же получится!»

Но Лешка упорствовал. И зря, как раз сейчас гранатомет оказался бы весьма кстати. Или пулемет. Ну, хотя бы длинный, крестообразный штык, а еще лучше багор — зацепить рюкзак. Но — увы! Так что оставалось только петь.

А еще сталкера звали Звонарем за способность слышать Зону или, как он сам говорил, «прозванивать». Вот и сейчас, «прозвонив» окрестности башни, он обнаружил парочку шустрых снайперов и вышедшую на охоту химеру. Химера, впрочем, была далеко, и существовал шанс, что она направится в другую сторону. Ага, ну иди себе, голубушка... А вот кровососы двигались именно к башне. В общем, публика на концерт собиралась, дело было только за музыкантом. Кроме того, на границе слышимости маячил кто-то еще, похоже, свой брат-сталкер, хотя это мог быть совсем не свой и не брат, хотя и сталкер.

Лешка включил усилитель, добавил басов и взял замысловатый аккорд.

Внизу разноголоса завывали и заклохтели. Видимо, чувство прекрасного не было совсем уж чуждо порождениям Зоны.

«Ага», — подумал Лешка, подкрутил колок, включил «изделие» на всю мощь и вдохновенно исполнил вступление к бессмертному произведению «Deer Purple» «Smoke On The Water». Результат превзошел все ожидания. Судя по звукам, доносившимся снизу, публика по достоинству оценила мастерство музыканта и теперь сбегалась со всей округи на бесплатный концерт, суливший, кроме всего прочего, и халявный ночной банкет.

«Вот гады», — весело и зло подумал Лешка.

Ему почему-то вдруг сделалось легко и совсем не страшно. Он представил себе, как было бы здорово, если бы некоторых особенно духовитых поп-артистов благодарная публика съедала бы непосредственно сразу после концерта или даже в процессе одного и какое благотворное влияние могла оказать подобная практика на современную эстраду. После чего дождался, пока шорохи, кваканье и хруст перемалываемых в процессе борьбы за места в партере мощными челюстями костей поутихнут, и приступил к основной программе.

Для начала он исполнил несколько известных баллад Райслинга, которые пользовались у сталкеров вполне заслуженной популярностью. Может быть, потому, что Зона — это все-таки немного космос. Он исполнил «Скафандр на двоих» и «Шкипера»,⁶ после чего, сочтя, что публика достаточно разогрета, приступил к исполнению собственных произведений.

За «Поездом в Ад» последовала «Гадина», после нее «Любовь кашалота» и «Мутант».⁷ Все это было сочинено Лешкой еще там, за Периметром Зоны, когда он, формально студент университета, а на самом деле бродячий музыкант, играл «на шляпу» в арбатских подземных переходах, на Чистых Прудах или Болотной площади. Да где только не играл! Наконец пришел черед песен Зоны. Сталкер перекурил, благо, полпачки сигарет еще оставалось, и начал с «Девочки на Кордоне», а потом, войдя в раж, исполнил все варианты блюза «100 рентген», включая и не самые пристойные. И Зона слушала про себя, слушала мертвыми ушами зомби, слуховыми перепонками кровососов и чем-то уж вовсе невообразимым, чем слушают контролеры или полтергейсты.

Срывая голос, он рычал на всю округу «Перелетный блюз» и «Милосердие», «Слепоего пса» и «Пьяного Зомби» и первый, совершенно непристойный вариант блюза «100 рентген».⁸

Наконец музыкант устал и слегка охрип. Наступила тишина. Жутко и странно молчала Зона, только иногда из темноты доносились какие-то тихие «вжики», слабое хлюпанье и пощелкивания.

Потом в дверной проем беззвучно впрыгнул круглый луч наשלемого фонаря, и знакомый голос негромко произнес:

⁶ А. Молокин, «Песни Райслинга».

⁷ А. Молокин, В. Забашкин, А. Семенов, «Гадина 2000».

⁸ Альбом «Глоток из Припяти».

— Ну что, музыкант, концерт, похоже, удался. Давай, Звонарь, слезай со своей колокольни, быстренько забирай свой рюкзак, и сматываемся, пока они не очухались. Ну чего вылупился, не узнал, что ли?

Внизу стоял Ведьмак. В правой руке у него тускло блестело изогнутое лезвие гурды, измазанное какой-то кровавой дрянью. Сталкер вытер клинок о шерсть убитого псевдопса, с усилием разжал мертвую пасть и выдернул оттуда злополучный рюкзак.

— Пошевеливайся, музыкант, — повторил Ведьмак. — Скоро светать будет. Чем дальше мы успеем уйти отсюда — тем лучше.

Лешка сполз со своего насеста и принял у Ведьмака рюкзак. Из распоротого брезентового кармана посыпались красные и желтые цилиндры папковых гильз. Лешка подобрал их, дозарядил ружье и с лязгом передернул затвор.

— Тихо ты, — зашипел Ведьмак. — Тихо, а то сейчас очухаются.

Еще не понимая, в чем дело, Лешка выбрался из кирпичного стакана башни и обомлел. Вокруг башни, четко обозначенные зыбким светом бесстыжей весенней луны, замерли твари Зоны.

Слепые псы дремали, положив безглазые головы на ободранные лапы, словно обыкновенные дворняги, лежали, подтянув к впалым животам костлявые колени, непривычно смирные снарки, у самого входа в башню, медленно раскачивая отвратительной сизой бородой-щупальцами, стоял вышедший из стеллса матерый кровосос. Стоял и не обращал на сталкеров ни малейшего внимания. Второй кровосос, разрубленный почти пополам, валялся прямо в проходе, и через него пришлось переступить.

— Щас я их... — начал было Лешка, поднимая SPAS-12, но Ведьмак остановил его.

— Ты что, сдурел, — зло и тихо выплюнул он. — Очухаются — мигом порвут. Шагай давай. И не вздумай стрелять.

Через час они выбрались из заброшенного поселка и остановились на привал.

— Что это было? — спросил Лешка, жадно глотая воду из фляги.

Ведьмак как-то странно покосился на него, потом сказал:

— Похоже, прибалдели они от твоей музыки, вот что. Как это у тебя получилось, тебе лучше знать, но орал ты, скажу я тебе, — на всю округу было слышно. Я подошел — а они стоят и раскачиваются из стороны в сторону, словно малолетки обкуренные. Кровососы из стеллса вывалились и тоже стоят, щупальцами качают. Один гад своей тушей проход в башню загородил, ну я его по-тихому и срезал своей гурдой. Иногда, знаешь ли, полезно обойтись без стрельбы. Сытый был, поганец, кровища из него так и хлестнула аж в два цвета, красная да сизая, сизая — его собственная, а красная... Кому-то повезло еще меньше, чем тебе. Ну а дальше ты знаешь.

— Да-а, — неопределенно протянул Лешка. Кураж ушел вместе с музыкой и опасностью, и теперь руки дрожали. — Глотну-ка я, пожалуй, крепкого, а то мандраж какой-то.

— Отходняк, обычное дело, — прокомментировал Ведьмак. — Ну, глотни, только не увлекайся, а то тебе еще топать и топать до Кордона.

— Я тебе должен, — сказал Лешка, когда немного оклемался.

— Ты еще не знаешь, сколько мне должен и за что, — помолчав, сообщил Ведьмак. — Не знаю, к добру ли, к худу, только я третьего дня на Кордоне был...

— И что? — В груди у Лешки словно колба с жидким азотом лопнула, так жутко стало. И не понять отчего.

— Короче говоря, приходил Доктор с Болот, смотрел твою Катерину... — Ведьмак задумчиво поковырял ножнами шашки землю. — В общем, Доктор сказал, что у вас родится сын.

— Повтори, — после паузы хрипло потребовал Лешка. — Повтори, что ты сказал.

— Сын родится, — повторил Ведьмак, не глядя на сталкера. — И еще Доктор обещал, что будет приходить каждый месяц. А ежели что не так — немедленно веди к нему на Болота свою гимназистку.

— Что может быть не так? — глупо улыбаясь, спросил Лешка.

— Доктору виднее, на то он и Доктор, — неопределенно буркнул Ведьмак и рывком поднялся на ноги. — Пошли, что ли. Нам еще топать и топать. На перекрестке разойдемся, я еще хочу в лесок около поворота на Радар сунуться, там, где вертолет подбитый. Авось на этот раз повезет. А тебе пора на Кордон. — И добавил: — Давай шевели копытами, жена небось ждет не дождется, а он водку с кем попало глушит в антисанитарных условиях.

— Это ты-то кто попало? — удивился Лешка.

— Много ты обо мне знаешь, — сказал Ведьмак. — Иногда мне кажется, что я и сам-то о себе толком ничего не знаю. Все время что-нибудь новенькое вспоминается.

5

Доктор тщательно мыл руки водкой, словно только что инспектировал холерный барак, а не осматривал молодую здоровую женщину. Лил и лил едкую вонючую жидкость на ладони, пока из бутылки не перестало даже капать. Недавно вольные сталкеры распушили бандитскую базу в старой авторемонтной мастерской, так что водки было хоть залейся. Заливаться водкой Бей-Болт никому не позволил, а презентовал ее завернувшему на Кордон с обещанным ежемесячным осмотром Доктору на медицинские нужды. Вот доктор и пользовался. Впрочем, никто особенно не возражал, нечасто в Зоне появляются беременные женщины, точнее, до сих пор вообще никогда не появлялись. Так что пусть Док расходует сколько надо, пусть хоть ванны водочные принимает, что мы, не понимаем, что ли? Это ведь не сталкера, посеченного «жгучим пухом» или погрызенного псевдопсом, использовать, роженица — существо деликатное, тут водки жалеть не приходится. Когда водка в бутылке закончилась, Доктор отбросил пустую посудину, насухо вытер руки бумажным полотенцем и в сопровождении Бей-Болта и приплясывающего от нетерпения Лешки-Звонаря неторопливо зашагал в сторону бункера Сидоровича. Шел молча, не глядя по сторонам и совершенно не реагируя на вопрошающие сталкерские взгляды и робкие вопросы типа «Ну чё там?» и «Как оно?».

В оконном проеме ненадолго показалось бледное, истонченное лицо Катерины. Мелькнуло и пропало. Определенно, что-то во всем этом было неправильное, и все это сразу почувствовали. Все, кроме Звонаря, который вприпрыжку бежал сбоку от Доктора, заглядывая тому в лицо, возбужденный, словно молодой пес, только что не повизгивал и в нос лизнуть не пытался.

Прочие сталкеры, почувствовал неладное, отошли в сторонку.

Троица скрылась в бункере, и тяжелая дверь закрылась.

— Удивительно, — сообщил выглядевший растерянным, каким-то даже постаревшим Доктор, откупоривая очередную бутылку. На этот раз, похоже, для приема внутрь. — Так вообще-то не бывает. Я не знаю даже, что и сказать. Короче говоря, никаких признаков беременности, никакого ребенка при сегодняшнем осмотре пациентки я не обнаружил. Имеет место быть некоторая деформация внутренних органов, молочные железы слегка набухли, растяжки на животе, но факт остается фактом — ребенок исчез, словно его никогда не было.

— Может, скинула? — грубо предположил Сидорович. — Это с нынешними бабами бывает. Споткнулась, упала или выброс где-нибудь пережидала, трянуло ее, вот тебе и выкидыш. Хлипкая нынче пошла дамочка, вот я в прессе читал, была одна спортсменка, так она на восьми месяцах с парашютом прыгала, и хоть бы что, родила как миленькая. Прямо в затыжном.

— Это не твоя мамаша была, случаем? — мрачно поинтересовался Бей-Болт. И добавил, обращаясь уже к Доктору: — Выбросов-то уже три месяца не было. А насчет того, чтобы споткнулась, — ты ее спрашивал, спотыкалась она или нет? А может, нарочно скинула? Женщины — они знают всякие штучки...

— Смеешься? — Доктор посмотрел на Бей-Болта сквозь бутылку. — Я что, женщин не знаю? Да я все их штучки еще на первом курсе мединститута изучил!

А Лешка молчал. Только думал про себя: «Как это нет? Ведь вчера еще был, я же слышал, как бьется сердце, сам! Я даже разговаривал с ним? Как это нету?»

— Вы, наверное, ошиблись, — глухо сказал он вслух. — Вы же не специалист-гинеколог, привыкли на своих Болотах со всякими уродами да мутантами возиться. Вы же в нормальных людях давно уже не разбираетесь. Вы ошиблись, правда ведь?

— Молодой человек... — начал было Доктор, но, взглянув на сталкера, стиснувшего в пальцах направленный стволом в пол старинный револьвер, сглотнул и поправился: — Хорошо, будь по-вашему, я скорее всего, ошибся. Честно говоря, мне и самому удобнее так считать. Я ошибся, ваша гимназистка никогда не была беременна, так что скорее всего я ошибся именно в прошлый раз. Тем более что никаких признаков недавнего выкидыша у пациентки не имеется. Вы удовлетворены, молодой человек? Если да, то прощайте, мне пора.

Доктор поставил на стол непечатую бутылку, ссутулился и шагнул к двери.

— погоди, — дурным голосом заорал ему вслед Лешка, вырываясь из рук скрутивших его Бей-Болта и Сидоровича. — погоди, куда это ты собрался?

— Чего еще, молодой человек? — устало обернулся Доктор. — Чем вы еще недовольны? Я же честно признал ошибку, вот и успокойтесь.

— Ты... вы... — начал сталкер, осекся и нерешительно попросил: — В общем, не могли бы вы, Док, осмотреть Катерину еще раз? И постарайтесь больше не ошибаться.

— Хорошо, если вы настаиваете. — Доктор пожал плечами, вопросительно посмотрел на старых сталкеров и принялся распаковывать саквояж с инструментами. — Прямо сейчас?

Сталкеры и Сидорович согласно кивнули.

— Ну что же, как вам будет угодно.

Через полчаса Доктор не вышел, а прямо-таки вывалился из коттеджа, в котором поселились Лешка-Звонарь с Катериной. На этот раз он не стал лить водку на руки, а ловко, как завзятый алкоголик, раскрутил почти полную бутылку и тут же выпил ее до дна. После чего горячо и шумно выдохнул, оглядел сгрудившихся около коттеджа сталкеров вдохновенным взглядом безумца и печально сообщил:

— Увы, господа, похоже, я снова ошибся. Ребенок-то на месте.

— Где? — раздалось из толпы.

— В утробе матери, — нечетко сказал уже начавший плыть Доктор. — В общем... там, где ему и полагается быть.

После чего уселся у стенки и долго пытался прикурить сигарету от сорванного цветка репейника.

— Спекся наш эскулап, — сочувственно констатировал Берет. — А ну-ка, ребята, отнесем его куда-нибудь в тенок, пусть себе полежит, оклемается.

Утром проспавшийся Доктор постучался в запертую дверь коттеджа. Наверное, это был единственный мало-мальски обжитой дом в поселке и единственная запертая дверь. Ему открыл сонный Лешка-Звонарь, босиком, но с многозарядкой в руках.

— Тише, — сказал он, прижимая палец к губам. — Катерина еще спит, разбудишь. Она и так вчера весь вечер проплакала, не знаю, говорит, что со мной творится, ребенок то есть, то нет его, и каждый раз, когда он уходит или возвращается, — жутко больно. Ты бы снадобье какое ей дал, что ли, а Док?

— Нет у меня от такого лекарств, — буркнул Доктор, заглядывая в комнату. — И боюсь, что ни у кого нет. Разве что «оазис» ей поможет, только скорее всего нет в Зоне никакого «оазиса», фольклор это черныбыльский.

В комнате было чисто и было бедно. Однако нехитрый уют, который только и можно создать в Зоне, был все-таки уютом. На полу лежала громадная, с синеватым отливом, шкура псевдопса, почти новый мебельный гарнитур, произведенный во времена оны в социалистической Румынии, а может, в Югославии, с субтильными стульчиками и неудобными креслами вызывал странное ощущение прошедшей молодости и ностальгии. Имелся даже телевизор, конечно же, неработающий, откуда здесь было взяться телевидению. Поблескивал штампованным хрусталем полированный сервант. Доктор представил себе,

чего стоило сталкерам притащить сюда из заброшенных поселков и городов эти символы развитого социализма, и поежился.

— На кухню проходи, — вежливо подтолкнул его хозяин. — Потолкуем на кухне, как и положено мужикам.

Пошарив в крашенном белой эмалью кухонном шкафчике, Лешка вытащил банку консервов и краюху хлеба. Потом запустил руку поглубже, извлек початую бутылку водки «Казачи» и пару массивных хрустальных стопок.

— Стопочки-то откуда? — спросил Доктор, чтобы разрядить обстановку.

— Из директорского кабинета в «Агропроме», — мрачно буркнул Звонарь. — Свадебный подарок от ребят.

— А... — протянул Доктор и замолчал, наблюдая, как сталкер ловко вспарывает десантным ножом консервную банку.

— Ну, будем. — Лешка разлил водку.

— С утра? — недовольно поморщился Доктор, но стопку взял.

Выпили.

— Прав ты вчера был, Док, — помолчав немного, признался Лешка. — Так что, выходит, зря я на тебя наехал, ты уж прости меня, дурака. Хотя, если по-честному, у меня в голове не укладывается, как такое может быть. То она беременна, то нет, то есть живот, то нет. И ведь давно уже так мучается, каждый раз, когда ребенок возвращается, сознание от боли теряет, только никому не рассказывает. А мне, дураку, хоть бы хны... Я ведь и не знал ничего, я же редко дома бываю, сам понимаешь, сталкер с Зоны кормится, а у меня еще и семья. Я уж Сидоровичу и памперсы заказал, обещал достать, старый кровосос, только цену заломил — даже не скажу какую, все равно не поверишь.

— Почему же не поверю? — удивился Доктор. — Очень даже поверю, памперсы в Зоне товар редкий, а значит, и цена соответствующая. Только мне почему-то кажется, что памперсы вашему с Катериной дитятке могут и не понадобиться.

— Как это? — опешил Лешка.

— Видишь ли, непростой ребенок у вас с Катериной, — осторожно начал Доктор. — По сути дела, он уже родился, а домой, то есть в материнскую утробу, возвращается только время от времени, ну, как ты на Кордон, понимаешь? Похоже, что телепортируется или трансгрессирует, как хочешь, так и называй, дело ведь не в названии процесса. Не ребенок, а живая аномалия, причем неизвестно, на что еще эта аномалия способна, но подозреваю, что на многое. В общем, сталкер, давай буди Катерину, потихоньку собирайтесь, и пошли ко мне на Болота. Здесь ее оставлять ни в коем случае нельзя, без моего присмотра твоя гимназистка наверняка погибнет. Да и народ, если узнает, что ребенок... не совсем человек, всякое учинить может.

— Нас с Катериной здесь любят, мебели вон сколько натащили, посуды... — начал было Лешка, но осекся.

Всякого он в Зоне навидался, всего в Зоне много, особенно много смерти, только вот любви — маловато. Климат в Зоне для любви неподходящий, наверное.

— Я сейчас, — заторопился сталкер, убирая бутылку. — Катерину разбужу. И еще надо у Сидоровича патронов прикупить к дробовику, а то у меня мало осталось.

— Прикупи, — согласился Доктор. — В общем, через час я вас жду возле тропинки, что ведет на Болота. Договорились? Остальным скажи, что Катерине требуется постоянное медицинское наблюдение. Тем более что это правда. А про ребенка — молчи. Даже Сидоровичу ничего не говори, хотя старый барсук, наверное, уже сам кое о чем догадался. А Болт — он и так все поймет, на то он и вожак. Только вожак бережет свою стаю, а вы теперь его стае не совсем свои, так что на его помощь особо не рассчитывай, разве что на нейтралитет. Ну, пока, у меня тут еще кое-какие дела имеются. Будь.

Дел у доктора никаких особенных не было, просто он и в прошлой жизни не любил присутствовать при семейных сценах, а уж сейчас и подавно.

Они гуськом шли вдоль старой железнодорожной насыпи. Впереди Доктор, в середине Катерина, Лешка — замыкающим. Поначалу сталкер хотел идти первым, но Доктор не

согласился. Пробурчал, дескать, угробить нас хочешь, и зашагал впереди. К удивлению сталкера, примерно через час ходьбы с тропинки, которая вела к проходу на Болота, они свернули и направились к железнодорожной насыпи, причем Доктор предупредил, чтобы никто и не вздумал ступить на ржавые рельсы. Болота во всем своем гнилом великолепии расстилались по ту сторону насыпи, и оттуда доносились странные клекочущие и чавкающие звуки явно механического происхождения, словно где-то посреди радиоактивной трясины работал земснаряд или велась добыча торфа в промышленных масштабах. На Лешкин вопрос о происхождении этих звуков Доктор пожал плечами и сказал:

— Ирригаторы работают.

— Какие еще ирригаторы? — удивился Лешка.

— Обыкновенные, — объяснил Доктор. — Снорки-ирригаторы осушают болота, земснаряд у них здесь, жижу с одного места на другое перекачивают. Уже несколько лет качают, все никак выкачать не могут. Да им результат и не важен, им процесс важен.

— А зачем они качают тогда? — Лешка пытался вспомнить, кто такие ирригаторы, вроде бы раньше он о таких монстрах не слышал. Потом вспомнил, что так звали осушителей болот, и вовсе запутался.

— Потому что они ирригаторы, — терпеливо объяснил Доктор. — Они только и умеют, что жижу по трубам гонять, да еще жрать. А до всего остального им дела нет.

— А почему на них радиация не действует? — тупо спросил сталкер.

— Потому что они снорки, — отрезал Доктор и скомандовал: — Стоп. Где-то здесь должен быть тоннель.

Тоннель обнаружился в зарослях ивы-неумирайки. Обыкновенная бетонная труба под насыпью, диаметром метра два. Вход в трубу был словно бы затянут почти невидимой радужной пленкой, выпучивающейся наружу гигантским мыльным пузырем.

Доктор вытащил из-за пазухи брезентовой робы нечто похожее на небольшой планетарий — два усыпанных светящейся сыпью шара, соединенные друг с другом гибкой перемычкой, — и принялся осторожно поворачивать один относительно другого. Такого артефакта сталкеру до сих пор видеть не приходилось, но спрашивать было неудобно, к тому же артефакт как раз сработал. И как сработал!

Поверхность пузыря пошла радужными волнами, потом пленка раздалась, мгновенно охватив Доктора со спутниками со всех сторон, вывернувшись, и они неожиданно для Лешки оказались с другой стороны насыпи.

Лешка и раньше бывал на Болотах, только в сравнении с тем Великим Болотом, которое простиралось перед ними, те Болота казались так, болотцами, следами козьего копытца незадачливого Иванушки-мутанта. Место, а точнее, время этому Болоту было где-нибудь в Мезозое, а уж никак не в двадцать первом веке.

— Ну, вот мы почти и пришли, — с облегчением сказал Доктор, убирая артефакт за пазуху.

И тут перед ними появилась Тварь.

Мощно разбрызгивая трясину, из черного бочага поднялась трехметровая громадина, в которой Лешка с трудом признал кровососа. Очень большого кровососа. А Большое Болото впереди них взрывалось новыми фонтанами грязи, одну за другой рокая тварей поменьше, и все они были голодными и, выбравшись на поверхность, передвигались по трясине легко, как водомерки. Добыча была ничтожна, твари даже в стелс не входили, но все-таки это была добыча.

Спереди наседали твари, а позади уже сгустилась радужная пленка, которая не пускала назад, не оказывая при этом никакого сопротивления, просто разворачивала человека — и все. Иди, откуда пришел.

Лешка попытался впихнуть Катерину в тоннель, но проклятая пленка не пускала, и он, отчаянно выматерившись, сдернул восьмизарядку с плеча и шагнул к Доку, прикрывая собой женщину.

Болотная Тварь нависла над растерянным Доктором, раскрылась опрокинутая багровая корона щупалец на подбородке, отчаянно забухал Лешкин дробовик, только нипочем были

этой Твари ни разрывающие плоть «турбинки», ни картечь. Лешка сорвал было с пояса гранату — все равно умирать, так хоть не так гадко, но тут за спиной дико закричала Катерина, и Тварь остановилась.

Перед безобразной мордой Твари прямо в воздухе висел маленький ребенок. Ребенок был красным, мокрым и сморщенным, с болтающейся, похожей на червяка пуповиной, он разевал в неслышном крике беззубый рот, а ручонками пытался ухватить Болотную Тварь за щупальца.

Тварь пятилась и пыталась скрыться в Болоте, но ребенок никак не хотел оставить ее в покое. Испуганная Тварь неуклюже плюхнулась на спину, отчаянно задергалась, разбрызгивая болотную грязь и пытаясь ввинтиться в глубину, и это ей наконец удалось. По всему пространству болота захлюпало, монстры один за другим скрывались в родной трясине, и скоро от них ничего не осталось, кроме странного мясного запаха и медленно растающих ржавой рыской нефтяно-черных пятен.

Ребенок пропал, словно его и не было, а лежащая у входа в тоннель Катерина страшно завывала и потеряла сознание.

— Док, — заорал Лешка. — Катерина!

— Бери ее на руки, авось донесем, — скомандовал Док. — Ну же, да брось ты свой рюкзак, потом вернемся, подберем.

— Что это было? — спросил сталкер, когда они добрались до дома Доктора, уложили Катерину в постель, накачав ее обезболивающим, и вышли на крыльцо покурить.

— Сына не признал? — ответил Доктор. — Это и есть твой сын, сталкер. И, похоже, ничего тут уже не поделаешь.

6

Лешка пробирался по Большому Болоту к знакомому тоннелю под железнодорожной насыпью. Доктор рассказывал ему, что это хотя и не единственный путь из Большого Болота в привычную Зону, но самый удобный, если, конечно, ходить умеючи и пропуском запастись, то есть «планетарием». Остальные дорожки были куда хуже, пусть пройти по ним можно было и без артефакта, но только при очень большом везении. Везунчиком сталкер себя не считал, а потому двигался к бетонной трубе, с удовольствием ощущая за пазухой тяжесть завернутого в тряпицу «планетария». Редкостный артефакт он отыскал сам. Как выяснилось, на Большом Болоте существовало множество аномалий, начиненных весьма ценным хабаром, хотя добывать его оттуда было весьма рискованно.

Хорошо Доктору! Эскулап Зоны умудрился приспособить для добычи артефактов здоровенного псевдопса, тварь почти разумную, но фантастически коварную, по определению приручению не поддающуюся. Когда сталкер спросил, как Доктору это удалось, тот только пожал плечами, буркнул что-то вроде «договорился» и ловко перевел разговор на другую тему. Свой «планетарий» Лешка выудил самостоятельно из сложной аномалии, прозванной сталкерами «оно». «Оно» рассталось с артефактом неохотно, чуть не сведя сталкера с ума мощными импульсами «пси», но смилостивилось и не убило, только по мозгам словно теркой прошлось. Доктор, увидев в руках сталкера «планетарий», сначала удивился, а потом хмыкнул и сообщил, что сталкеру просто невероятно повезло, а может быть, и не повезло, может быть, дело совсем в другом, может быть, «оно» приняло Лешку за своего.

Что Док при этом имел в виду — было непонятно, точнее, не хотелось понимать. А Катерина — та вообще ничего не сказала, только улыбнулась растрескавшимися губами и снова впала в болезненное забытие. Ребенок пропадал и возвращался все чаще, и Док почти все время держал женщину на обезболивающем. Наконец однажды поутру ребенок исчез и не появился ни вечером, ни на следующий день.

И тогда Лешка почистил дробовик, рассовал по контейнерам добытый на Большом Болоте хабар, сменил батарейку в гитаре и отправился на поиски. Да и надоело ему, честно

говоря, Большое Болото до слепых псов, захотелось чистой Зоны, если только Зону можно вообще назвать чистой.

Ходить по Болоту он уже наловчился и с местными опасностями разбираться умел. К шлангам-ирригаторам близко подходить не рисковал, так, разочек издали полюбовался на грязных насекомоподобных существ, бывших некогда людьми, копошащихся вокруг извергавшей фонтаны грязи неутомимой, словно только что с верфи, землечерпалки, — и хватило.

Болотные Твари, конечно, встречались, но в таком количестве, как в первый раз, не собирались никогда. Док однажды полушутя-полусерьезно сказал, что никакое это было не нападение, а самая настоящая торжественная встреча, и когда Лешка сообразил, кого могли встречать жуткие существа, — ему стало зябко и неудобно.

У зева трубы он неторопливо настроил «планетарий», подождал, пока пленка вывернется и выбросит его на другую сторону насыпи, и, мгновенно оценив обстановку, понял, что влип.

Метрах в двадцати от насыпи горел костерок, возле которого расположились человек десять бандитов. Еще парочка мордovorотов несла караул у входа в тоннель. Успев удивиться непривычному для бандюков вооружению — автомат «Вал» не у каждого приличного сталкера имеется, а откуда они у этих отморожков — и вовсе непонятно, — сталкер получил прикладом по башке и вырубился.

Очнулся Лешка от того, что на затылок ему кто-то щедро плеснул холодной воды. Только лучше бы сталкеру не приходить в себя, потому что то, что он увидел, его отнюдь не обрадовало.

Один из бандитов, судя по всему — главарь, сидел на железнодорожной шпале и с каким-то брезгливым любопытством смотрел на него. Автомат главарь держал на коленях, небрежно вроде бы держал, но был в этой кажущейся небрежности некий профессиональный шик. Многие были в этом бандите неправильно: несмотря на то, что креозотовая пропитка давным-давно высохла, на шпалу был аккуратно постелен полиэтиленовый пакет. Глянцевый пакет с броским логотипом какого-то сетевого супермаркета. Бандиты, беспокоящиеся о чистоте собственных штанов, в Зоне встречаются довольно редко. Но не так редко, как новенькие полиэтиленовые пакеты с логотипами столичных магазинов. Да и лицо у бандюка было не бандитское — жесткое лицо, жесткое даже, но никакой свойственной уголовным физиономиям расхлябанности и одержимости в нем не наблюдалось. Напротив, это было лицо очень собранного и знающего, что делать, человека. Военное лицо.

Да он и не скрывал особенно, что никакой не бандит, потому что под распахнутым просвинцованным плащом на нем была ненавидимая всеми вольными сталкерами темно-синяя форма наемника. Посреди небольшой поляны, словно какой-то дурацкий «Бум-бокс», перемигивался сам с собой разноцветными огоньками «планетарий».

— Поговорим, — не предложил, а просто констатировал наемник и показал тщательно выбритым подбородком на артефакт. — Какая интересная штука! Мне кажется, ты умеешь ею пользоваться и прямо-таки горишь желанием научить меня. Кстати, прими к сведению, я предлагаю только один раз.

Отмалчиваться было бессмысленно, но Лешка тянул время. В голову почему-то лезли совершенно дурацкие мысли, например, чем это таким ему скрутили руки, потом понял, что скотчем, и удивился — скотч в Зоне тоже штука довольно редкая. Наконец он спросил:

— Что вам надо?

— Сэр, — издевательски напомнил наемник. — Не забывай добавлять «сэр», сталкер. А что мне надо — я уже сказал и повторять не буду. Усвоил?

— Не стану я ничего показывать, — угрюмо сообщил Лешка, понимая, что наемники умеют добиваться своего разными способами и чего-чего, а профессионализма у них не отнимешь.

— Ну, ну... Что ж, как говорится, была бы честь предложена, — пожал плечами наемник, и негромко позвал: — Фельдшер!

— Сэр? — Один из мнимых бандитов, расположившихся у костерка, стряхнул с себя фальшивую уголовную ленту и мигом оказался рядом.

Тот, кого наемник назвал Фельдшером, и в самом деле напоминал медика, только не фельдшера, а скорее уж санитаря из желтого дома, здоровенный увалень с немного дебильной физиономией и закатанными по локоть рукавами белесой от пота камуфляжки.

— Укол ему, — приказал наемник. — Когда подействует — развяжи. Под уколами они все смирные.

И пояснил, обращаясь уже к Лешке:

— Вообще-то в присутствии Фельдшера все и так смирные, правда, Фельдшер?

— Так точно, сэр, — подтвердил громила, самодовольно ухмыльнувшись. Шприц он держал в двух толстенных пальцах, словно только что пойманного комара, и Лешка нехотючи подумал, что автомат в этих лапищах смотрится, наверное, как шприц. — Ну-ка. — Фельдшер рывком перевернул сталкера, ловко вонзил иглу ему в бедро, надавил на поршень, выбросил шприц, распорол скотч на запястьях и щиколотках сталкера, отдирая широкие ленты вместе с клочками кожи, и отпраповал: — Готово, сэр! Разрешите идти?

— Иди, — махнул рукой наемник. — И скажи остальным, чтобы сворачивались. Скоро выступаем.

— Есть, сэр, — рявкнул Фельдшер, повернулся и направился к остальным.

— Где мутант? — почти ласково спросил наемник. — Ты ведь хочешь рассказать мне, где сейчас находится мутант? Правда ведь, сталкер?

Лешка и в самом деле очень хотел. Почему-то он только сейчас понял, каким был дураком, что сразу не доверился этому волевому и опытному человеку, который прекрасно знает, как разрешить любую Лешкину проблему, да что там мелкие проблемы рядового сталкера! Этот человек мог разрешить любую проблему в Зоне, этот человек был суров, добр, ужасен и прекрасен одновременно. Этот человек, без всякого сомнения, был Богом. И Лешка принялся рассказывать. Он говорил и говорил, стараясь быть полезным Богу, потому что не быть полезным — означало умереть, а умереть без соизволения Бога — означало разгневаться его. Он рассказывал о себе и Катерине, о Ведьмаке, Бей-Болте, Докторе и его ученом псевдопсе, о Ваське-Мобиле и Берете. Рассказывал о внезапно прорезавшемся у него умении слышать и прозванивать Зону, рассказывал, отчаянно размахивая руками, потому что человеческих слов не хватало, но Бог не понял его и хлестко ударил по лицу, после чего громогласно вопрошал:

— Где мутант, я тебя спрашиваю, гнида чернобыльская?

И Лешка заплакал от счастья, потому что Бог соизволил коснуться его, и заплакал от огорчения, потому что не мог сказать Богу, где мутант. Ведь он действительно не знал, хотя уже догадался, о каком мутанте спрашивал его Бог. Лешка снова принялся рассказывать, но Бог снова его не понял, и сталкер замолчал.

И тогда Бог воздел огромную, сияющую на солнце длань, и Лешка осознал, что сейчас умрет от руки Бога, и ему сделалось радостно и жутко одновременно. Потому что, умерев от руки Бога, он становился частью его...

Но Богу помешали. Пространство за спиной Бога выпучилось гигантской каплей-слезой, и в ее прозрачной тверди явственно обозначилось обиженное, перекошенное беззвучным криком детское лицо. Сердитое существо из капли не считало Бога Богом, а значит — являлось его противоположностью, и Лешка пополз к нему, чтобы заступиться за оскорбленное Божество, но не успел. Существо протянуло пухлые, словно перетянутые ниточками ручки и принялось неумело сминать пространство вокруг Лешки, причем сам сталкер решительно ничего не почувствовал, зато одетые в синие бронекомбинезоны фигуры вокруг него изломались, брызнули красным и смялись в нелепый комок, повисевший немного над поляной, а потом упавший на нее с жутким мокрым звуком. И тогда страшное лицо по-детски бессмысленно рассмеялось, показывая слабые молочные зубы, и наконец сгнуло. А одурманенный наркотиком сталкер остался возле загаженного кровавыми брызгами входа в тоннель оплакивать так и не убившего его Бога. И молился ему, уже

мертвому, до тех пор, пока не впал в тяжелый наркотический сон. И только тогда он наконец умер вместе с Богом.

Когда Лешка очнулся, стояла глухая ночь. Экран ПДА зеленовато мерцал в темноте, и по нему сталкер определил, что до рассвета еще далеко. Покачиваясь от слабости, он поднялся на ноги и включил фонарь, наплевав, что его свет может привлечь каких-нибудь не слишком приятных гостей. Яркий световой мячик запрыгал по поляне, выхватил омерзительную грудку слипшейся плоти и обрывков амуниции, оставшуюся от того, что несколько часов назад было отрядом хорошо тренированных и вооруженных мужчин, перескочил на целехонькую гитару, лежащую немного поодаль вместе с вещмешком и небогатым Лешкиным арсеналом, и остановился.

Лешка навьючил на себя амуницию, выпил банку энергетика, поискал пропавший артефакт и не нашел. «Планетарий» исчез, хотя остальной хабар был на месте, в вещевом мешке и контейнерах комбинезона. Предположив, что артефакт находится внутри жуткой кровавой лепешки, сталкер хотел было поискать его там, но пересилить ужас и отвращение так и не смог. Пройдет совсем немного времени, мелкие твари Зоны, крысы и тушканы сожрут останки наемников, а артефакт останется. Потому что мутантам артефакты ни к чему. И какой-нибудь удачливый сталкер будет гадать — почему это вокруг артефакта нет никакой аномалии. А может быть, она все-таки есть?

«Наплевать, когда придется возвращаться на Большое Болото — вернусь другой дорогой», — подумал сталкер и, пошатываясь, высоко поднимая ступни, чтобы не вляпаться в кровавую жижу, в которой уже копошились какие-то мелкие жадные твари, зашагал вдоль насыпи прочь от тоннеля, ближе к обыкновенным людям, не богам и не мутантам. На Кордон, на Росток, в Лиманск — все равно куда, лишь бы к людям.

К рассвету он выбрался на разрушенный железнодорожный мост, под которым металась стая взбесившихся плотей. Человечек в солдатской форме сверху казался совсем маленьким, он все стрелял и стрелял в мутировавших свиней из автомата, стоя в кузове покореженного грузовика, потом у него кончились патроны, а к тварям присоединились слепые псы, которые в отличие от плотей умели прыгать. Лобастый чернобыльский пес, водивший стаю слепых, взвился высоко в воздух и мигом оказался в кузове грузовика. Солдатик взвизгнул, пытаясь закрыться руками, перевалился через борт и тотчас же пропал под грудой жилистых собачьих тел.

В Зоне вершилась обычная жизнь и обычная смерть.

Лешка прошел по провисшим балкам-швеллерам и добрался до лежки снайпера. На снайпере был почти новый, но безнадежно испорченный камуфляжный бронекостюм, стреляли по нему, по всей видимости, из гранатомета РПГ-7. Стреляли со стороны шоссе, попали в перекрученную мостовую ферму, и военного сталкера посеколо осколками. Но винтовка СВУ осталась цела, и патроны имелись, целых два магазина и еще один, наполовину израсходованный. Лешка поднял винтовку и через оптику прицела глянул на шоссе. Неподалеку от автобусной остановки лежали несколько тел в темно-синей форме. Из-за чего военные сталкеры схлестнулись с наемниками, выяснять не было ни желания, ни возможности. Сталкер улегся на живот и принялся выцеливать среди скачущих внизу тварей пса-контролера. Прикончив полумразного монстра, он начал осторожно спускаться по насыпи, стреляя в водоворот изъеденных лишаями тел из многозарядки. Расчистив дорогу, сталкер зашагал в сторону поселка новичков, ему нужно было кое о чем расспросить Сидоровича, да и Ведьмака тоже.

Поселок уже почти догорел, пожар закончился, конец пришел лягушатнику Зоны, живых сталкеров — ни новичков, ни опытных — в нем не осталось, а мертвых успели растащить по косточкам слепые псы, тушканы и крысы-мутанты. Так что кто погиб, а кому удалось уйти, было уже не разобрать. Дверь в бункер Сидоровича оказалась наглухо заварена. Чем-то острым на ржавом листе было нацарапано:

«В «100 рентген» требуется Звонарь. Безопасность не гарантируется».

Скорее всего надпись оставил Ведьмак. Оставил недавно, потому что буквы не затянуло ржавчиной, несмотря на сырость. Надо же, не пожалел старый рубака драгоценного

клинки! Написано было, судя по всему, специально для Лешки-Звонаря. Поэтому сталкер взял SPAS-12 «на погон», закинул трофейную снайперку за плечи и быстрым шагом двинулся на север, по дороге на Росток.

Когда он проходил мимо своего дома, точнее, мимо обгорелого скелета, оставшегося от того, что Лешка совсем недавно считал домом, какое-то смутное ощущение вины заставило его остановиться и заглянуть внутрь. Внутри что-то светилось, мигали разноцветные огоньки, словно бюеры выбрались из подземелья и устроили на пожарище дискотеку. Лешка сунулся в обгоревший дверной проем и обнаружил на груде мокрых от мороси головешек редчайший и чрезвычайно высоко ценимый в Зоне артефакт «светляк». Рядом дружелюбно подмигивали две соединенные перемычкой сферы, которые теперь казались похожими не на планетарий, а на огромную детскую погремушку.

«Спасибо, сынок, — растроганно подумал сталкер, шагая по растрескавшемуся асфальту на север. — Жаль, имя тебе дать мы так и не успели, да и окрестить тоже. Ну, ничего, глядишь, все еще и образуется, все будет нормально, все, как у людей...»

7

Бар «100 рентген» открылся сразу же, как сталкеры заселили полуразрушенные корпуса бывшего завода «Росток». Еще и слепых псов на улицах не повыбили, еще не обжили бывшие здания заводских служб, еще в пустых цехах, оборудование из которых задолго до второго взрыва продали на металлолом, можно было отыскать «Слезы», «ломоть мяса» или «медузу», а в «100 рентгенах» уже вовсю выпивали и закусывали, покупали и торговали.

Видно, так уж повелось среди бродяг и авантюристов еще со времен Клондайка: место еще толком не обихожено, а питейное заведение — вон оно, уже открылось и всю функцию выполняет. И не важно, как оно называется — «бар», «салун», «рюмочная», «корчма» или «шинок» — функции свои это отнюдь не святое место выполняет исправно и даже сверх того. И когда люди начнут покидать исчерпавшее себя, выжитое допуста место, питейная точка будет держаться до последнего, как некая одушевленная аномалия местного значения, а как сгинет — так и поселку конец. Можно быть уверенным — люди сюда больше не вернутся.

В баре «100 рентген» можно было не только выпить и закусить, но также купить или продать ценную информацию, подрядиться на выполнение работы, узнать последние новости и сплетни, встретиться с друзьями или врагами. Впрочем, в отличие от салунов Дикого Запада стрельба и даже тривиальный мордобой в сталкерском баре, как и вообще в городке сталкеров, не поощрялась. За порядком здесь следили суровые и неподкупные, словно староверы, «долговцы», добровольно взявшие на себя функции местной полиции. Впрочем, на территории бара и «долговцы» не имели полной власти, всем и вся здесь распоряжался бармен по прозвищу Тедди, немолодой, лет пятидесяти, здоровяк с багровым лицом, чем-то напоминавшим морщинистую морду чернобыльского пса. Впрочем, чутью местного бармена могли позавидовать псы всех времен и народов, включая собаку Баскервильей, левретку госпожи Помпадур и знаменитого некогда Мухтара. Если Тедди чего-то про кого-либо не знал, то будьте уверены, этого и знать-то не стоило. Только не болтлив был Тедди, такова уж специфика профессии бармена — уметь выслушать любого, но самому лишнего — ни-ни. В бар ведь идут не только за выпивкой, а еще и чтобы выговориться. Уметь выслушать — часть профессии бармена не только в Зоне. А уж в Зоне бармен и вовсе не просто разливало-подавало, но еще и торговец, работодатель, банкир и много еще чего, разве что не мать родная, но уж тут — не обессудьте, в Зоне все сироты. Вообще Зона чем-то похожа на гигантский детский дом, жестокий и бескомпромиссный. Детский дом на всю оставшуюся жизнь.

Рассказывали, что когда-то Тедди и сам был сталкером, причем не из последних, в самом прямом смысле этого слова. Что разрезал он по Зоне еще в далеком две тысячи каком-то году, когда в нее, матушку, ходили как на охоту, а не жили здесь постоянно. А было такое

сразу после второй вспышки и недолго, пока военные намертво не перекрыли Периметр. Только время взяло свое, спекся сталкер, или Зона больше носить его не захотела, и он вовремя это почувствовал. Известно, все матерые сталкеры умеют слышать и чувствовать Зону, а те, кто не научился, — где они? Вот то-то же! К удивлению старого сталкера, торговля оказалась делом куда как более прибыльным, чем поиски артефактов, да к тому же не менее рискованным и азартным.

Поговаривали, что там, далеко за Периметром, куда Зона достанет еще не скоро, если вообще когда-нибудь достанет, у Тедди имеется семья, дом и кругленький счетец в одном из самых надежных банков мира. Насчет дома и семьи — трудно сказать. Сталкеры — люди, как правило, несемейные, за исключением, разве что, Лешки-Звонаря, но относительно банковского счета можно было не сомневаться. Счет имеется, только на кой черт он сдался, это счет, если хозяин его не был за Периметром столько лет? На что капуста-то? В Зоне ведь отпусков не бывает даже у торгашей.

Характерец у Тедди был легкий, а рука — тяжелая. С возрастом полюбил наш бармен хорошую шутку, даже тонкой иронии не чуждался, любовь эту, однако, нельзя было назвать взаимной. К шуткам Тедди надо было еще привыкнуть, так же, как к его самогонке, которую он продавал под видом фирменного напитка с лженаучным названием «Флогистон». А что касается иронии, то владение этой занозистой интеллигентской системой самоутверждения бармен оттачивал на посетителях, которые многое ему прощали за исключительную честность при наливе вышеупомянутого напитка.

Лешка шел по довольно людному сталкерскому городку, здороваясь со знакомыми и не очень знакомыми сталкерами. После дневного перехода через Свалку и нескольких стычек с бандитами жрать хотелось со страшной силой, да и выпить тоже не помешало бы.

«Сначала пожрать, а уж потом поищу Ведьмака. Все равно «100 рентген» не минуешь, сказано же топать в бар, — подумал сталкер, — вот я и топаю. А забавно бы было, если бы им в Росток и в самом деле Звонарь понадобился. В набат, например, ударить в случае чего».

«Вступайте в ряды «Долга», — по-первомайски бодро разносилось над городком. — В рядах «Долга» вы поймете смысл своего пребывания в чернобыльской Зоне...»

«Берета бы сюда с «винторезом», — подумал Лешка, вспомнив, как ловко Берет затыкал пулей из снайперской винтовки осточертевший матюгальник на блокпосте. — Только где он теперь. Берет? И Мобила, и Болт? И как там без меня Катерина?»

Впрочем, Катерина осталась на Большом Болоте с Доком, а на Дока можно было положиться.

«Док-то с Катериной вон как нянчится, да и времени она с ним проводит куда больше, чем со мной. А вообще что я знаю о Катерине? Что пришла на Кордон девчонка неведомо откуда, вроде бы и из большого мира, а может быть, совсем наоборот. Пришла и выскочила замуж за первого встречного-поперечного, то есть за меня. Сын вот родился... или еще не родился? Да нет, видимо, родился, только непонятно, чей он все-таки сын. Мой, Катеринин или вообще Припять ему мать, а Чернобыль — отец?»

Лешка прошел мимо арены, игнорируя бубнеж местных брокеров-жучков, суливших невиданные выигрыши и, соответственно, неслыханные гонорары за участие в платных боях с мутантами и друг с другом, и направился к обшарпанному кирпичному строению, украшенному вывеской, написанной на листе рифленого кровельного железа, — «Бар «100 рентген».

И бар принял его под свои прокуренные своды, как принимал всех, кто доходил до «Ростока», уже не предбанника Зоны, но еще и не самой парилки. Так, общая душевая.

— А вот и Звонарь появился, — ласково сказал Тедди, всплывая из-за стойки, словно подводный крейсер-ракетоносец, изготовившийся для стрельбы в надводном положении. — А мы уж думали, пропал наш Звонарь для общества, сгинул сталкер в омуте семейной жизни, а может, и просто сгинул. Хабар не несет, ничего ему не нужно, ни патроны, ни снаряга, ни работа, ни информация. Ну, что ты нам сегодня сбациаешь, а, сталкер?

Произнося эту тираду, Тедди зачерпнул ковшиком из емкости под стойкой белесой, слегка опалесцирующей жидкости, плеснул в граненый стакан и толкнул напиток по стойке в Лешкину сторону.

Вообще-то Лешка намеревался сначала пожрать, а только потом уже выпить, и то по возможности немного. Пусть в сталкерском городке относительно безопасно, все равно Зона не любит пьяных. Но отказываться было не принято, и сталкер, выдохнув, влил в себя едкую, отдающую порохом и окалиной жидкость. Дернуло как полагается, даже глаза защипало. «Флогистон», оправдывая свое второе название — «теплород», лесным пожаром рванулся по телу, отвоевываая у усталости руки, ноги, голову, полыхнул под веками, ударил в затылок и снова откатился к носоглотке, заставив сталкера закашляться.

— Из чего ты его делаешь, а, Тедди? — сквозь слезы спросил сталкер, откашлявшись.

Бармен пожал плечами:

— Берешь обрез, стреляешь в ведро с водкой «Кзаки», настоящей на «колючке», получается ведро «Флогистона». А вот сколько раз стрелять и какими боеприпасами — это уже секрет фирмы. Могу сказать по секрету, что лучше всего получается с утиной дробью, но и с картечью тоже неплохо, только стрелять надо аккуратно, чтобы в ведре дырок не наделать.

— Ну, ну... тренди дальше, глядишь, когда-нибудь и научишься, станешь Петросяном Зоны, — протянул сталкер. И добавил: — Для меня что-нибудь есть?

— А для меня? — ответил вопросом на вопрос Тедди. — Не может быть, чтобы Лешка-Звонарь с Большого Болота с пустыми руками пришел. Ну, давай, сталкер, радуй старого Теда. Я жду, мое ухо на гвозде внимания, как говорил некий классик.

Лешка развязал мешок и вывалил на стойку хабар. Не весь, конечно, а так, мелочь, — пару «колючек», «выверт», «медузу». Потом порылся в глубине и добавил «грави». Подумал немного, снял с плеча и положил перед барменом снайперку и пару снаряженных обойм.

— Тяжелая, зараза, неудобно с ней по Зоне таскаться, — пожаловался он и принялся с отсутствующим видом ковырять вилкой в открытой банке с тушенкой.

— И это все? — удивился бармен.

Лешка неохотно отложил вилку и слегка приоткрыл мешок, в котором блеснул «пузырь». И еще что-то.

Бармен кивнул, аккуратно запер винтовку в ружейный ящик, а мелкие артефакты небрежно сгреб в подол несвежего фартука.

— Ты покамест покушай, выпей еще маленько за счет заведения, а потом, минуток через десять, загляни ко мне в подсобку. Я скажу Гарику, чтобы он тебя пропустил. Добро? Кстати, там тебе этот... как его, чудака с саблей, а... вспомнил, Ведьмак, письмишко оставил. Через ПДА связываться с тобой почему-то не стал, говорит, передай Звонарю от меня письмецо, ну, мне жалко, что ли? В общем, в подсобке потолкуем, лады?

— Угу, — сказал Лешка, — мне бы чего-нибудь горячего, а то неделю, почитай, на сухомятке, так ведь и желудок можно испортить.

Бармен подморгнул и скрылся в дверце за стойкой. Тотчас же его место занял подручный, долговязый и нечесаный, похожий не то на старого рокера, не то просто на завязавшего урку парень, которого звали Жорик. В общем, темной личностью был этот Жорик.

— Плоть с гречкой хавать будешь? — поинтересовалась темная личность, доставая откуда-то из-за спины тарелку с жареным мясом.

— И хлеба, — добавил сталкер, придвигая к себе тарелку. — Хлеба побольше.

— Где я тебе побольше возьму? — проворчал Жорик, кладя на краешек тарелки с жарким три тоненьких ломтика черного хлеба. — Эти мудаки-«долговцы» напали на армейские склады, хотели выбить оттуда «свободовцев». Выбить не выбили, зато склад с мукой подожгли. И хана местной хлебопекарной промышленности. Так что хлебушек нынче в дефиците. А главное, сами же пожгли, а теперь предлагают норму хлеба на человека установить. Это, типа, пайки. — Жорик сплюнул. — Пайку я могу за Периметром и задарма получить, только что-то не тянет меня на пайку-то.

Лешка слушал Жорика, машинально кивал, потом бросил в рот последний кусок хлеба и направился к двери в подсобку. Молчаливый Гарик, вооруженный практически бесполезной против монстров, но чертовски эффективной против людей израильской скорострелкой в дополнение к редкому в местных широтах убойному «DESERT EAGLE», кивнул и отступил в сторону, пропуская сталкера в логово Тедди. Поскольку в иерархии торговцев и мироедов Зоны Тедди занимал место повыше Сидоровича, то и нора у него была, соответственно, поглубже. Впрочем, в самые глубины норы Лешку никто не приглашал, да он, откровенно говоря, и не особенно стремился узнать, что там, за бронированной дверцей, ведущей в подземные лабиринты завода «Росток».

— «Пузырь» продашь? — по-деловому спросил Тедди. — И там у тебя еще что-то интересное есть. Уж не «светляк» ли? Тут одни серьезные люди очень интересуются этим артефактом. И еще одним, только не знают, как он называется. Два мигающих кругляша с перетяжкой посередине. Не встречался такой, случаем?

— Не суйся, куда не надо, — осадил бармена Звонарь. — А то запросто без совалки останешься.

— А ты, паря, не свети фишку, особенно коли сел играть по-крупному, — нисколько не смущаясь, парировал бармен. — Ладно, не хочешь — не продавай, дело твое. Только за пару-другую артефактов такого уровня я бы тебе помог из Зоны выбраться и еще денег бы дал. Много. Настоящих денег, не то что эти бумажки.

Бармен небрежно сгреб в горсть кучку красных десятирублевок с профилем давно развенчанного вождя и так же презрительно уронил смятый комок на столешницу.

— Игрушечные деньги, — сказал он. — Игрушечная жизнь. Здесь даже смерть ненастоящая, потому что вы для всего остального мира давным-давно не существуете. Ну, сталкер, говори, что хочешь за «пузырь»?

— «Вал» и пару сотен патронов к нему, — зло сказал сталкер. — И еще комбинезон «СЕВА». И информацию о том, что понадобилось наемникам на Кордоне. И за каким таким интересом их понесло на Большое Болото к Доктору.

— А не жирно будет? — изобразив брыластой физиономией что-то воде кукиша, поинтересовался Тедди. — За один-то артефакт? Такая информация знаешь, сколько стоит?

— Сколько? — серьезно спросил Лешка. — Я заплачу.

Деньги у него и в самом деле были. Откуда у Дока такая куча деньжищ, причем разных, и рублей, и долларов, и еще каких-то незнакомых, Лешка не понятия имел. Доктор просто открыл сундук, в котором в брезентовых мешках лежали пачки в банковской упаковке, и сказал: «Возьми сколько надо, вдруг пригодится». Лешка взял, хотя тратить предпочитал свои. Но на крайний случай можно было и воспользоваться Докторовой щедростью.

— Да не тебе, а мне она дорого стоит будет, — махнул рукой Тедди. — На ноль меня могут помножить, если я такой информацией с кем попало делиться стану. А я в отличие от тебя, непутевого, знаю, какая она, настоящая-то жизнь и намерен когда-нибудь пожить ею, этой жизнью. Понимаешь? Ни черта ты не понимаешь. И знаешь почему? Потому что ты сталкер. Опять не понимаешь? Ну, что же, как говорится, плохо быть бестолковым. «Вал» и патроны дам, комбинезон тебе ни к чему, у тебя «светляк» имеется, да, кроме того, кое-кто за тобой в Зоне присматривает. Хотя, по совести, ничего тебе давать не надо бы за то, что ты Сидоровича подставил. Да и новичков тоже.

— Кто, я? — возмутился Лешка. — Я ребят подставил? Ты, псина хромая, думай, что говоришь!

— Ладно, не ты, обстоятельства... — Тедди словно сдулся, куда только злость делась. — Тем более что Сидорович выжил, а вот где он — не скажу. Я и так тебе слишком много сказал.

Бармен вытащил из кармана все того же фартука сложенное фронтовым треугольником письмо и протянул Звонарю.

— Вот. Ведьмак наказал передать. Я не заглядывал. Секреты Ведьмака не из тех, что хорошо продаются, да и шею берегу. У меня на ней голова приделана, не то что у некоторых.

В общем, забирай свои манатки и уматывай. Надумаешь продать что-нибудь серьезное — приходи, покудова я отсюда не свинтил. Будь.

Бармен бережно поднял «пузырь» и спрятал его в сейф.

Лешка проверил купленный автомат, рассовал по контейнерам старенького комбинезона артефакты и вышел из подсобки. Почему-то хотелось хлопнуть дверью, но это вышло бы как-то... по-бабьи, что ли. И он просто не стал закрывать ее за собой.

Гарик недовольно оскалился, но дверь за спиной сталкера прикрыл.

Лешка вышел из бара и только на улице развернул мятый треугольник. Там было написано разметочным фломастером крупно и жирно:

«Будем ждать у Чертова Круга в Красном лесу. Важно. Ведьмак».

И больше ничего. И непонятно, почему «будем»?

8

Добраться в Красный лес можно через Свалку, мимо барахолки, где на свой страх и риск обмениваются хабаром сталкеры различных группировок, а заправляют всем мелкие торговцы, которых, в свою очередь, крышуют бандиты. Потом надо пройти между покрашенных облупившейся серебрянкой нефтяных баков, в которых, рассказывают, полным-полно всяких ценных штучек, только туда лучше не соваться, потому что неизвестно, какие гады там живут, хотя то, что живут, и то, что гады, — известно совершенно точно. А дальше — влево от армейских складов, где шагом, где бегом, а где и ползком под пулями военных — проскочил — вот ты и на месте. Почти. Если на оставшемся участке пути в бродячую «Васькину лужу» или другую какую-нибудь аномалию не вляпаешься да на опушке Красного леса какая-нибудь гадина не схомячет.

Еще можно идти через заброшенный заводик, мимо «Янтаря», выждав время, когда «пси» не так давит на мозги, перебраться через колючую проволоку запретной зоны, перелезть через забор, а там, не оглядываясь, бегом к пролому в кирпичной стене. Если зомби по пути не перехватят, то вот она, дорога к мосту через приток Припяти, к Лиманску, а справа он и будет, Красный лес. Он же Рыжий лес, в общем, кому какой цвет нравится, хотя правильнее было бы назвать его Ржавым.

На Свалке бандюков — что тараканов в коммуналке, не продохнуть. Конечно, и с бандюками можно договориться, ежели правильные слова знать, только верить этой публике все равно нельзя. Убить, может, и не убьют, а вот хабар, снарягу и оружие отберут, это уж как пить дать. А пройти через кишашую разной нечистью и густо испятнанную аномалиями и радиоактивными лужами Свалку без оружия и защиты — лучше уж сразу на пулю упасть.

Так что при встрече с бандюками в разговоры вступать не следует, на гнусавое «эй, пацан, поди-ка сюда, чё скажу» не реагировать, а если уж реагировать, то патронов не жалеть. Потому что на том свете полный рожок или пустой — без разницы, все равно с автоматом туда не пускают, а вместо него каждому сталкеру под расписку выдается стандартная лира с наказом тренькать не переставая, чтобы руки на виду оставались. Потому что кое-какие артефакты, как известно из мировой литературы, и в Раю имеются, ищи-свищи потом грешную сталкерскую душу по всему эфирному пространству. А в Ад сталкеров не берут, бояться, что там им понравится так, что, когда Судное время приспее, и захочешь — не выгонишь.

Бандюков Лешка терпеть не мог, от блатного шансона его натурально колбасило, как других сталкеров от аномалии «пси», только еще хуже. Кроме того, покрутившись в молодости среди столичной богемы, сталкер не без основания предполагал, что сочиняют все эти «Гули-гули» и прочую блатную лабуду вполне интеллигентные люди, которые скорее всего и рулят откуда-то из своего комфортабельного прекрасного далека всякими «Жиганами», «Йогами» и прочими маленькими бонапартами. Рулят жестоко и цинично, имея с Зоны свой интерес, и, судя по всему, немаленький. Вот с этими людьми Лешка при случае с удовольствием побеседовал бы на всю длину автоматной очереди, потому что твари они похуже кровососов, те по крайней мере не прикидываются человеческими существами, а

просто норовят тебя убить да кровушку выцедить, иногда все-таки давая шанс выстрелить первым. А еще ни кровососам, ни даже полтергейстам не свойственно поганить музыку, чтобы использовать ее в своих гнусных целях, а этим существам — увы, свойственно. И музыку, и книги, и много чего еще, что наполняет светом сосуд живой души человеческой.

Так что идти в Красный лес сталкер решил все-таки через «Янтарь». Пусть там зомбяки косяками бродят, но зомби хотя бы не имеют привычки требовать сбавать им «Мурку» или еще что-нибудь про маму, прокурора и волю, разве что мычат невнятно да постреливают по мере сил, но это ничего, это стерпеть можно, тем более что стреляют живые упокойнички куда как хуже бандитов. А что касается мозговертного излучения, так от этого у Лешки-Звонаря имелось свое проверенное средство.

По крайней мере от «пси» это средство спасало если не на все его, то на пятьдесят процентов точно. Короче говоря, если тебе кто-то или что-то пытается наехать на мозги — сыграй настоящую музыку и растворись в ней. Все равно, будет это «Pink Floyd» «Wish You Were Here», «Этюд» Скрябина или «Каприччио» Паганини. Наверное, для какого-нибудь Коляна из славного города Растюпинска и блатной шансон сгодился бы, разумеется, настоящий, не интеллигентской выделки, но только не для Лешки. Мутило его от блатного шансона, даже самого подлинного.

Кстати, и с Сахаровым повидаться неплохо, может, чего присоветует. Как-никак ученый с мировым именем, лауреат премии имени постоянной Планка.

До «Янтаря» Лешка добрался быстро и почти без приключений. Базу ученых на сей раз охраняли суровые бойцы «Долга».

— Привет, Звонарь, — окликнули его у входа в периметр научной базы. — Чего-то давненько тебя не видно было. Говорят, ты остепенился, с женой живешь где-то на Большом Болоте. Правда, что ли? Ишь ты, и так, оказывается, бывает! Посиди с нами, сыграй что-нибудь. Нам, кстати, гимн не помешал бы или, на худой конец, марш какой-нибудь. Мы как-никак идейные бойцы с Зоной, а не то что некоторые, не хухры-мухры. Насчет оплаты не беспокойся, не обидим. Вот покончим с разной нечистью и построим новое справедливое общество, в котором талантам вроде тебя никогда не придется просить милостыню.

— Привет, Конан, — узнал знакомого сталкера Лешка. — Спасибо тебе за предложение, насчет марша я подумаю, хотя и не мое это, сам понимаешь. Только скажи-ка, мил человек, когда это я просил милостыню? Может быть, напомнишь, а то что-то я запамятовал. Все мне кажется, что такого не было и быть не могло. Но тебе как человеку идейно подкованному, конечно, лучше знать, что было, а чего не было.

— Ладно тебе, Звонарь, — примирительно сказал «долговец». — Я ведь не всерьез насчет милостыни, а так, для общего антуража. Надо же как-то среди вас, пусть и несознательных, но не совсем потерянных для идеи сталкеров, просветительную работу проводить, вот я и провожу.

— Среди меня можешь больше не проводить, — отрезал Лешка и присел на удобно примятую чьей-то задницей картонную коробку с логотипом известной фирмы, производящей вычислительную технику. Коробка была совсем новой, почти не побитой нередкими здесь кислотными дождями. — Никак ученым новую технику подогнали?

— И припасы, и аппаратуру, и снарягу, и вооружение, — кивнул Конан. — Подогнали не то слово, кроме обычных контейнеров, приволокли на внешней подвеске Ми-26 целый лабораторный блок. Вон он, с той стороны главного корпуса стоит, видишь? Здоровенная такая серебристая дурында, да еще с какими-то решетчатыми лопухами на крыше. Только вертолет улетел, забрав, естественно, охрану, как с завода попрут, как полезут... Тут Сахаров и натурально взмолился по ПДА, спасайте, сталкеры, ну, мы поднялись по тревоге и ломанулись сюда. Вот уже вторые сутки стреляем, откуда только они берутся, эти зомбяки? Не может быть, чтобы на каком-то поганом заводишке столько сталкеров сгинуло. Слышь, Звонарь, а зомби — они, случаем, не размножаются?

— Не должны, — серьезно ответил Лешка. — Им это вроде бы ни к чему. Да и мужики они все как один, хотя и бывшие. Как им размножаться?

— Может, делением, — серьезно предположил Конан. — В Зоне ведь все возможно. Может, она копии на этом заводе штампует? Или что-то вроде респауна организовала?

— Кто она? — отвлекся от своих мыслей Лешка. — О ком это ты говоришь — «она»?

— Как это кто? — изумился «долговец». — Зона, конечно, или, как ее Сахаров называет, «локальная разумная ноосфера». Как я понял, эта разумная гомосфера Зона и есть.

Звонарь молчал, постукивая пальцами по ствольной коробке «Вала».

— О! — недовольно пробурчал «долговец», тыкая стволом «Абакана» в сторону пересохшего болотца. — Смотри-ка, опять поперли! Ну, я вас сейчас! Полезли на крышу, сталкер, там у нас убойная машинка стоит, автоматический гранатомет АГС-17, «Пламя», могучий младенец, я тебе скажу. Вторым номером будешь. Бери вон ящики с боеприпасом и айда за мной.

И они по скобам полезли на крышу ангара, где была оборудована огневая точка. Посреди круглого вала, образованного мешками с землей, словно злобное насекомое со свернутой набок мордой барабанного магазина и толстым коротким хоботом присел на три вывернутые лапы «могучий младенец» АГС-17, «Пламя».⁹

Конан привычно взялся за рифленые рукоятки и бесцеремонно развернул исчадие советской оборонки в сторону болотца.

— Дут-дут-дут... — басом загрохотал «могучий младенец», — дут-дут...

Над болотом взлетели фонтаны грязи вперемешку с частями тел разорванных гранатами зомби и на свою беду затесавшихся в толпу живых упокойников снарков.

— Ты куда собрался-то? — спросил «долговец», когда орава прущих на «Янтарь» зомби была порвана в клочья тридцатимиллиметровыми осколочными гранатами, и только обрубки тел еще шевелились, завывая что-то невнятное, еще ползли, и «долговцы» торопливо достреливали их, хотя можно было этого и не делать. Сами сдохнут, но ведь сталкеры же, свои же, хотя и бывшие...

— Так куда, спрашиваю, путь держишь, Звонарь? — повторил «долговец».

Лешка наконец вытряхнул глухоту из ушей и ответил:

— Вообще-то в Красный лес. Но хотелось с учеными потолковать, есть о чем.

— С учеными потолковать сейчас не получится. Они заперлись в своей научной коробке и будут там сидеть до тех пор, пока мы всех зомбьяков не покроем.

— Ну, тогда я пошел, — сказал Звонарь. — У меня, понимаешь, срочное дело в Красном лесу.

И направился к краю плоской крыши.

— Погоди, ну куда ты, не попрощавшись? — остановил его Конан. — Сейчас я огоньком тебя прикрою. Знаешь что такое огневой вал? Сейчас узнаешь. Представляешь, этот красавец и до территории завода достреливает! Эх, что бы вы, одиночки безыдейные, без нас, «долговцев», делали!

И крикнул расположившимся возле костерка «долговцам»:

— Бойцы, надо хорошему человеку помочь, давайте двое быстро ко мне на крышу. И боеприпаса прихватите побольше. Требуется территорию завода от мертвяков почистить, пока они там по новой не расплодились. — Потом добавил, обращаясь к Лешке: — А ты,

⁹ 30-миллиметровый автоматический станковый гранатомет АГС-17 «Пламя» разработан в КБТМ им. Нудельмана и принят на вооружение Советской Армии в 1971 году. По классу он сходен с американским 40-миллиметровым автоматическим гранатометом Mk19, но конструктивно отличается от него не только калибром, но и устройством как самого оружия, так и выстрела. Гранатомет АГС-17 предназначен для уничтожения незащищенной живой силы противника, расположенной как открыто, так и за обратными скатами высот и иными подобными преградами, настильной и навесной стрельбой. Гранатомет в тактическом отношении выгодно сочетает свойство минометов — способность вести навесной огонь, свойство автоматических пушек — высокий темп стрельбы и легкость и маневренность станковых пулеметов. Гранатомет АГС очень эффективен при накрытии площадных незащищенных целей и скоплений живой силы. ТТХ АГС-17: калибр — 30 мм; вес — 18 кг; вес со станком и прицелом — 31 кг; длина — 840 мм; длина ствола — 290 мм; боевая скорострельность — 65 в/м; темп стрельбы — 100 в/м; радиус сплошного поражения — 7 м; нач. скорость гранаты — 120 м/с; емкость ленты — гранат 29; боевой расчет — 2 чел; прицельная дальность — 1700 м.

сталкер, беги за огневым валом, да только близко не суйся, рванет — никакой «светляк» не поможет. Ну... Удачи... Пошел!

И Звонарь побежал. Побежал так, как, наверное, никогда в жизни не бегал.

Обещанный огневой вал оказался не столько огнем и не столько валом, а скорее полосой страшного стального дождя, перемещающейся в сторону заводского забора, выкашивающей остатки гнилого камыша вместе со всем, что в них оставалось живого. И неживого тоже. От этой полосы нельзя было отстать, но и вступать в нее было тоже нельзя. Отсюда, с края болота, хриплый голос АГС-17 слышался по-другому, а может, Лешка снова оглох, только теперь это было «хоре, хоре, хоре...», словно кто-то вычесывал грубую шкуру Зоны железной щеткой. И по смешанной с человеческой плотью грязи уже на излете ширкали осколки.

Болотце кончилось, начался подъем, а там, за разорванной колючей проволокой, на которой висели и корчились обрывки тел зомби-сталкеров, — заводской забор, иссеченный осколками, но по-прежнему крепкий. Лешка побежал вдоль забора, ища дыру, не бывает же заборов без дыр, и нашел, и полез в нее, не обращая внимания, что под ногами что-то корчилось и выло, потому что боялся отстать от полосы убийственного, но спасительного дождя.

Стальной ливень прошелся по заводским проулкам, оставив после себя слабо шевелящиеся фрагменты тел, кирпичную и стеклянную крошку да древесную щепу, — и кончился, как и полагается каждому дождю, пусть и несущему смерть.

И псевдосмерть, почуяв, что истинная смерть ушла, снова заявила о себе.

Из неведомых заводских подземелий, из разрушенных цехов и складов, из бывших подсобок и гаражей, отовсюду на заводские кисло пахнущие тротилом и окалиной улицы потянулись новые нестройные шеренги зомби, тоскливо тянущих что-то свое, неживое. И тут Лешка понял, что пропал.

Но они шли и шли мимо него, неуклюже, но упорно стремясь к проломам в заборе, к выбитым железным воротам, к канализационным трубам, шли, не трогая заляпанного болотной дрянью сталкера, только иногда сворачивая в его сторону изглоданные язвами лица, мыча что-то и угловато махая рукой, словно приглашая идти вместе с ними. Как будто своим его считали, и вдруг Лешка отчетливо понял, что все эти живые покойники и в самом деле считают его своим.

И только когда он, задыхаясь, дотрусил до пролома, за которым виднелась дорога на Лиманск — справа радиоактивная речка, а по левую сторону пузырится аномалиями Красный лес, — несколько зомби словно бы опомнились, неловко развернулись и заковыляли в его сторону, тоскливо хрипя и неметко стреляя на ходу.

Лешка с мстительным удовольствием подпустил их поближе, уложил всех и уж совсем было пошел себе, но тут его словно торкнуло под сердце.

Из черной клешни еще дергающегося зомби на растрескавшийся от времени асфальт вывалилось что-то желтовато-красное и блестящее.

«Неужели «душа»? — удивился Лешка. — А я думал, что врут...»

Некоторое время он стоял, не решаясь поднять артефакт, но в конце концов нагнулся и поднял, стараясь не касаться скребущих асфальт обугленных пальцев, зачем-то подул на скрученный невероятным образом светящийся комок и спрятал за пазуху.

Потом он зашагал по дороге в сторону Красного леса.

Почему-то ему было нехорошо на душе.

И еще он чувствовал, что очень устал.

9

Тяжко приходится в Зоне одиночке. Хотя бы потому, что сталкер — он тоже человек, а значит, ему нужно есть, пить и спать. Ну, есть и пить, конечно, можно и на ходу, а вот спать на ходу не очень-то получается. Точнее, получается у некоторых, но недолго, до первой «жарки» или «карусели», до первого псевдопса или кровососа, так что кончается такой сон

коротким кошмаром, после которого кончается все — и сон, и путь, и жизнь. Поэтому в Зоне на ночь сталкеры, даже одиночки, сбиваются в группы, выставляют посты и спят по очереди, иначе нельзя.

Ночь застигла Лешку-Звонаря на дороге в Лиманск, и никаких дружественных сталкерских группок, с которыми можно было сватажиться, в окрестностях не наблюдалось. Спать, однако, хотелось зверски, выпитый энергетик помогал мало. Невдалеке, в пологих холмах, клохтали какие-то твари, где-то по-бабьи хныкал кровосос, а слева, от воды, доносилось продолжительное немелодичное бульканье, словно в напрочь, казалось бы, убитой речке завелся какой-нибудь здоровенный плотоядный пескарь. А может, так оно и было, может, и завелся, проверять это не хотелось, да и смысла не было. Рыбка в местной водичке водилась та еще. Некоторые сталкеры, в прошлом заядлые любители рыбалки, пытались ее поймать, эту рыбку. Не для еды, конечно, а из спортивного интереса. Кое-кто из них так и не вернулся. А вернувшиеся рассказывали про зубастых лягушек, способных отхватить ногу зазевавшегося рыболова вместе с армейским берцем, про бегающих по берегу многоногих хищных карпов и сомов. Про жуков-плавунцов размером с мотоциклетный бензобак. В общем, много чего рассказывали. Конечно, рыбакам верить нельзя, но и проверять их байки никому не хотелось. Вот и держались подальше от речки. Да и фонило здесь, так что ни постираться, ни искупаться — одна видимость, что река. Опасная видимость, кстати.

Лешка вышел на обрывистый берег, круто спадающий к темной, словно выпуклой воде, вздохнул и неторопливо поплелся дальше по дороге. Поскольку засветло добраться до Красного леса не получилось, следовало найти ночлег, какое-нибудь высокое место, колокольню, геодезическую вышку или, на худой конец, большое дерево, на дереве тоже можно выспаться, ежели иметь навык и желание. И то, и другое у сталкера имелось. К сожалению, колокольни поблизости не наблюдалось, равно как и водонапорной башни, ретрансляционной или геодезической вышки, деревья росли какие-то хилые, да и мерцало под ними нехорошо — в общем, ничего подходящего. Правда, впереди, метрах в двухстах, маячило в сумерках какое-то жилье. Избушка не изба, так, не пойми что, даже на звание сторожки это строение претендовало с трудом, в общем, «приют убогого чухонца». Подойдя поближе, Лешка понял, что это домик бакенщика, причем вполне сохранившийся, даже стекло в единственном окошке имелось. Стоял он над невысоким, поросшим ползучим шиповником обрывчиком, под которым змеилась узенькая полоска песчаного пляжа. Никаких рыб с ногами или зубастых лягушек на пляжике не наблюдалось, немного ниже по течению из воды торчала ржавая рубка затонувшего водолазного катера, вокруг которой река бурлила и желтовато светилась с глубины. Казалось, в машинном отделении славного кораблика еще горел свет, а дизель продолжал работать, упорно пытаясь откачать воду из пробитого корпуса. Еще на берегу лежал перевернутый ботник,¹⁰ черный, словно крокодил-мутант, но на самом деле обычный, хорошо просмоленный и на первый взгляд совсем не опасный. На шестах около дома висели самые настоящие сети с застрявшими между рядами черными плетями водорослей. К удивлению сталкера, сети оказались мокрыми, а недовольный писк ПДА свидетельствовал, что от них довольно сильно фонило.

Звонарь осторожно отворил дверь, держа дробовик наготове, мало ли кто ловит рыбку в горьких черномыльских водах, и, не обнаружив ничего опасного, вошел. В домике было на удивление чисто, к одной стенке прилепился застланый шкурой химеры топчан. В углу круглилась черными боками холодная железная печка, такими печурками, наверное, в незапамятные времена комплектовались вагончики строителей достопамятной Байкало-Амурской магистрали. Возле топчана громоздился старинный, окованный железными полосами сундук с латунной петлей внахлест и чудовищных размеров замком. Ключ, тоже, кстати, солидных размеров, висел тут же на костыле, вбитом в стенку, рядом со старенькой «тулкой» несерьезного шестнадцатого калибра и потертым патронташем, из которого торчали донца битых латунных гильз. Возле печурки стоял венский стул с продавленным фанерным сиденьем. Вот, собственно, и вся меблировка, если не считать свисающих с

¹⁰ Долбленная лодка-однодеревка.

потолка связок каких-то вяленых тварей, распоротых вдоль позвоночника. Твари отдаленно напоминали щук, но имели лапы, причем далеко не рудиментарные, выпуклые черепа и оскаленные вурдалачьи зубы.

Домик явно был обитаем, только вот хозяин ненадолго отлучился.

Лешка обошел вокруг домика, подивился пустой собачьей будке, около которой лежала помятая и вроде бы даже изжеванная алюминиевая миска, подождал еще немного, вдыхая сырой, горьковатый запах больной реки, озяб и вернулся в комнату.

Никакой опасности ни внутри, ни снаружи не ощущалось, поэтому сталкер легкомысленно решил хозяина не ждать, припер дверь изнутри здоровенным дрыном, обнаруженным тут же, рядом с домом, и совсем уже было собрался вздремнуть часок-другой, как почувствовал что-то странное.

Звонарь прислушался. Что-то тихо плескало, но никаких опасных звуков не было слышно, и все-таки что-то было не так. Не опасно, но странно. Выглянув в маленькое окошко, сталкер с удивлением обнаружил, что на черной поверхности радиоактивной реки один за другим тихо и торжественно загораются огоньки бакенов. Красный — белый — зеленый, плеск весел, и снова — красный, зеленый.

У домика был хозяин. И этот хозяин, бакенщик, плыл сейчас по черной реке, зажигая бакены, размечающие фарватер. Красный — белый, белый — красный — зеленый — желтый... Слева мель, справа топляк, осторожно, мертвый шкипер, смотри не ошибись.

На всякий случай сталкер вышел из дома. Цепочка бакенов тянулась издалека, огоньки постепенно приближались: красный — белый, зеленый — красный — желтый.

Что-то было неправильно, потом Лешка понял, что желтых бакенов не бывает, только белые и красные, ну и зеленые иногда вместо белых.

Весла шлепали по воде уже совсем близко. Сталкер отступил в загустевшую, уже почти ночную темноту, сменил любимый дробовик на автомат «Вал», вставил полный рожок и затаился. Удары весел стали чаще, гребец разгонял лодку, чтобы она выехала носом на пологий песчаный берег, наконец раздалось короткое «ш-шурк», и бакенщик причалил. Послышался частый плеск, словно вокруг лодки кто-то бегал по воде, да так оно и было, кто-то бегал, похоже, собака. Только в Зоне давно уже нет обыкновенных собак, так что можно было предположить, что это за собака. И кто ее хозяин. От догадки Лешке стало нехорошо, и он пожалел, что на автомате не установлен прицел ночного видения. Послышался дробный топот собачьих лап по утоптанной тропке, ведущей к берегу, фыркание, и Лешка приготовился стрелять. Потому что пес Чернобыля нападает сразу, молча, не тратя времени на пустое облаивание жертвы.

— Фу, Казбек, нельзя! Нельзя, кому говорят! — раздался с тропинки немного сипловатый голос, и взявший было разгон пес круто развернулся на месте, чуть было не сев на задницу, и ринулся вниз по тропинке назад, к хозяину. — А ты, сталкер, не вздумай выстрелить с перепугу, — продолжал тот же голос, — выстрелишь — умрешь, а нет — так может быть, и жив останешься.

«А бакенщик-то, похоже, контролер, — подумал Лешка. — Надо же, забраться на ночлег в берлогу контролера! Кому рассказать — не поверят. Только вот рассказывать скорее всего не придется, покойники — они, как правило, неважные рассказчики».

— Стой где стоишь, — продолжал бакенщик с легкой одышкой. — И не шевелись. Оружие можешь оставить при себе, все равно ты мне ничего не можешь сделать, а вот я тебе — очень даже могу.

Наконец над берегом поднялась темная фигура, у ног которой обрисовался лобастый силуэт чернобыльского пса. На плече бакенщик нес весла, в руках у него была неряшливо сплетенная, похожая на громадное воронье гнездо корзина-боковуша, в каких рыбаки носили рыбу с реки.

— Зайди в дом и засвети лампу, — продолжал бакенщик. — Там на полке керосиновая лампа, подними стекло, открути фитиль и зажги, да смотри стекло не раскокай, оно у меня последнее. Потом выходи со светом, потолкуем, ты на меня поглядишь, а я тебя и так вижу.

— Чего мне на тебя глядеть, — огрызнулся Лешка. — Что я, контролера не видел, что ли?

Но тем не менее вошел в комнату, на ощупь нашарил керосиновую лампу с бронзовой изогнутой ручкой и длинным, изящно вытянутым вверх стеклянным абажуром. Тряхнул — булькнуло, вдохнул сладкий запах керосина и зажег. Синеватый у корня огонек сначала чуть затеплился, потом, когда Лешка покрутил колесико сбоку, погас и наполнил комнату дрожащим желтоватым светом. Звонарь осторожно взял лампу и вышел из хижины. Почему-то ему было совершенно ясно, что стрельба здесь не поможет, а еще он неожиданно для себя успокоился и подумал, что ничего страшного не случится. Не станет же, в самом деле, контролер жрать человека с лампой. Стекло-то у него последнее, еще разобьется, чего доброго.

На дворе тощий мужик в брезентовой робе, синих, с узким кантом галифе и рыбацких бахилах, отвернувшись от сталкера, доставал что-то из закрытой корзины, приговаривая ласковым сиплым голосом:

— Сейчас, Казбек, потерпи маленько, сейчас я тебя накормлю, скотина ты эдакая. Сейчас я тебе карасика дам. Хочешь карасика? То-то же!

Тварь в корзине распрямилась, хлестнула деда хвостом по лицу и, плюхнувшись на землю, немедленно попыталась вцепиться ему в сапог.

Жуткая чернобыльская псина фыркнула, уцепила тварь за хребет и принялась с наслаждением жрать, не обращая внимания на шипастый хвост и мощные когтистые лапы, которыми карасик отбивался до тех пор, пока был не сожран весь.

— Ну вот, теперь и потолковать можно, — проскрипел старик, вытирая корявое, темное лицо тыльной стороной ладони. — Сейчас только весла под навес поставлю, и потолкуем. Давненько никто из вашего брата ко мне не захаживал, давненько... Да и то сказать, попасть ко мне, ох, как непросто. Ты вот, к примеру, как меня нашел?

— Шел, шел и нашел, — неприязненно ответил Звонарь, ставя зажженную лампу на лавочку возле входа в избушку. — Чего сложного-то?

— Хабара халявного небось захотелось? — почти участливо спросил бакенщик. — Много вас таких халявщиков ходит, хабар-то хоть мне самому и не нужен, да только и вашему брату он ни к чему, так что зря пришел, сталкер. Сам понимаешь, отпустить я тебя не могу, так что живи до утра, а потом — вон она, речка-то, хочешь — сам плыви, как Чапаев, а не хочешь — так Казбек поможет.

— Я переночевать зашел, — упрямо сказал Лешка, — а хабар твой мне и на хер не нужен, подавись своим хабаром. Да чего с тобой разговаривать-то, с уродом...

И сталкер выстрелил. Очередью от груди, разворачиваясь всем корпусом, чтобы пули легли веером, потому что контролер может быть где угодно, а вовсе не там, где ты его видишь. Патронов в рожке было всего пять, поэтому очередь получилась короткой.

— Ишь ты, какой шустрый, — раздался скрипучий голос откуда-то из-за спины сталкера. — И нервный к тому же. Да еще и невежливый. С ним по-человечески разговаривают, а он сразу за свою стрелялку. Да нам тьфу на твою стрелялку, правда, Казбек? Ладно, хоть лампу не разбил, а то сидеть бы нам без света.

В момент выстрела чернобыльский пес словно размазался, а теперь снова возник из темноты, но не напал, а посмотрел на сталкера презрительно и нагло и отошел к поленнице, где немедленно задрал заднюю лапу. Похоже, этой парочке на стрельбу было действительно плевать.

Бакенщик вдруг вздернул щетинистый подбородок, его темное лицо на миг упало в себя, словно он что-то услышал, потом снова ожило.

— Ступай в дом, сталкер, — строго сказал он. — Убивать тебя не велено, хотя надо бы, да и Казбеку одного карасика маловато будет.

— Кем не велено? — тупо спросил Лешка.

— Кем надо, — серьезно ответил бакенщик. — Ступай, тебе говорю, а то Казбек нервничает, а вместе с ним и я тоже.

Звонарь повернулся, и деревянно ступая, пошел в дом. Внезапно жутко заныли мышцы ног, а потом и грудины, гортань перехватило, но он справился, только разговаривать все еще не мог, не отпустило.

— Ложись, спи, — сказал хозяин, когда они вошли в избушку, — если хочешь. А то можно поговорить, скучно мне одному с Казбеком. Он умный, но злой, да к тому же не человек.

— А ты человек? — с усилием прошипел Звонарь, устраиваясь на топчане. После всего случившегося ему стало как-то не страшно, точнее — наплевать.

— Был, — коротко ответил бакенщик, — а сейчас даже и не знаю. Во всяком случае, спать мне не надо, топчан у меня не для сна, а для размышлений.

— А зачем ты бакены зажигаешь? — Звонарь снял тяжелые берцы и с наслаждением вытянул ноги. — Речка же несудоходная, некому здесь плавать. И почему у тебя бакены желтые, не бывает таких.

— Как тебе сказать, — бакенщик задумался, — может быть, по привычке, надо же чем-то полезным заниматься, а потом, иногда здесь бегают разные суденышки, редко, правда, но бывает. А желтые бакены — это аномалии, на других реках аномалий нет, а здесь вот — сколько угодно. И вообще, пока фарватер обозначен — река жива, понимаешь, о чем я?

— Кажется, понимаю, — пробормотал Звонарь и уснул.

Утреннее солнце ударило в реку сверкающим кулаком и разбилось вдребезги.

Звонарь проснулся и понял, что еще жив. Снаружи доносилось басовитое ворчание черныбыльского пса. Бакенщик за ночь, похоже, так и не стронулся с места, как сидел на продавленном венском стуле возле печурки, так и остался. Только голову в сторону сталкера повернул.

— Проснулся? — сипло спросил контролер.

— Ага, — подтвердил Лешка, обуваясь и морщась от боли в мышцах. Потом поискал взглядом снарягу, нашел и тихо обрадовался. Автомат и дробовик стояли у изголовья. Мешок с припасами и разгрузка с артефактами тоже оказались в целости и сохранности.

— Не бойсь. — Бакенщик-контролер встал со скрипнувшего стула совсем человечески, даже закричал по-стариковски. Если бы не жуткий пес да вчерашняя стрельба в никуда, никто бы и не догадался, что он не совсем человек. — Не возьму я твои цапки, у меня своих навалом. Хочешь глянуть?

— Да ладно, не надо. — Звонарю стало неловко, да и уйти хотелось поскорее. Не убили — и то хорошо.

— Нет уж, ты глянь, — стал настаивать бакенщик, — а то когда еще кого-нибудь ко мне занесет. А мне похвастаться хочется, я ведь все-таки человек... почти. Ну, сталкер, дивуйся, такого ты нигде не увидишь.

Он снял со стенки ключ и открыл сундук. Звонарь посмотрел — и ахнул. Сундук до половины был наполнен артефактами. Чего тут только не было! «Выверты», непривычно разноцветные «капли», «золотые рыбки», «пустышки» пустые и полные, целая коллекция разнообразных «душ», «пружины», «мамины бусы» и еще что-то непонятное, переливающееся и даже, кажется, тихо разговаривающее.

— Ну, как? — самодовольно присипел контролер. — Впечатляет?

— Еще как, — честно ответил Звонарь.

— Надо? — Контролер наклонил голову к плечу, став немного похожим на зомби. Снаружи засопел черныбыльский пес. Громко засопел.

Звонарь помотал головой, нет, дескать, обойдусь.

— И правильно. — Бакенщик закрыл сундук, аккуратно запер замок, а ключ повесил на стенку. — Не для вас все это, вы за него на смерть идете, друг дружку убиваете, а оно вас нелюдьями делает. А вы оставайтесь людьми, как вам от природы положено, тогда и Зона вас не тронет. Я ведь когда-то тоже... — Бакенщик замолчал, потом мотнул головой и решительно сказал: — Ну, ступай себе, сталкер. Не видать бы тебе утра, если бы на заступники.

И Лешка пошел.

Обернувшись, он увидел на месте домика бакенщика бешено вращающуюся воронку гигантской «карусели». И все. Он так и не понял, морок ли это был, или домик и впрямь находился в центре громадной аномалии. Звонарь поднялся на высокий берег, чтобы посмотреть на реку, на самом деле там бакены или примнилось, и увидел собаку, плывущую к берегу с палкой в зубах. Собака очень старалась угодить хозяину, а вот самого хозяина видно не было, не то кусты мешали, не то солнечные блики на воде, а скоро и собака затерялась в солнечных перьях, и Звонарь вспомнил, что идет в Красный лес.

Очень скоро он оказался на дороге, ведущей в Лиманск, а к полудню слева заиграла цветами побежалости опушка Красного леса.

10

Каждый лес звучит. Мачтовый сосновый бор рокошет, как орган, березовая роща — смеется, как рожок, наверное, джунгли полны хриплыми взрываниями тромбонов, воплями ночных кларнетов, терпким треском маракасов и перестукиванием тамтамов. Звучат не только леса. Пустыни гудят низко и монотонно, как буддийские монахи. Планета полна музыки, только не все ее слышат. И только сталкеры знают, как звучит Зона. Как потрескивают разряды «электры», как ухают «трамплины», как нежно свистят раскручивающиеся «карусели», как громяхают в мозгу тихие барабаны «пси». А еще Зона звучит голосами живых, гибнущих и мертвых сталкеров, захлебывающимся кашлем скорострелок, буханьем дробовиков и безнадежными щелчками бойка в пустом патроннике. Но иногда в Зоне поют. Поют всякое, и чужое, и свое, поют, как умеют, так же, как и на войне. Лешка-Звонарь был одним из бардов Зоны, он умел ее слышать и умел о ней петь. Красный лес он услышал издалека.

Музыка Красного леса была тихой и жестокой, в ней явственно проскальзывали звуки и интонации, не свойственные никакому другому лесу планеты. Адскими яичницами скворчали «электры», снежно похрустывал «жгучий пух», иногда ухал похоронным барабаном сбрасывающий излишки энергии «трамплин». И все это вершилось на фоне нескончаемого тихого скрипа-стона листьев и иголок желтого, рыжего, пурпурного и почти черного цвета, словно авангардная джазовая импровизация под старомодные «щеточки» ударных. И все-таки Красный лес был живым, деревья изменились, но не умерли, а просто стали другими.

Наверное, Лешка-Звонарь и прожил в Зоне так долго потому, что умел чувствовать аномалии, умел на слух отличать живое от неживого, умел не просто слушать, а слышать Зону. «Прозванивать», как говорил он сам. Хотя слухом это умение назвать было бы не совсем правильно. Но чувства у сталкеров не такие, как у обычных людей, некоторые видят звуки, для других наоборот — яркий свет подобен грохоту, но все они слышат опасность, как говорится, всей шкурой, а тех, кто не умеет, кто оглох, — тех давно позабыли.

На опушке на сталкера налетели сразу три снарка. Первого Лешка заметил метрах в пяти и удачным выстрелом из дробовика раздробил ему голову. Для того чтобы справиться с остальными, пришлось поработать, положить их аккуратно не получилось, но снап картечи отбросил одного на пару метров и позволил прикончить второго. Истрачено было восемь патронов, многовато, честно говоря, кроме того, левая штанина комбинезона оказалась разодранной аж до бедра, нога, соответственно, тоже. Оставалось только сесть на пенек, съесть пирожок, то есть вколоть витамины и стимуляторы, да еще и довольно долго ждать, пока «светляк» затянет рану. К сожалению, благотворное действие артефакта на неживые предметы не распространялось, и штанину пришлось зашивать вручную. Крови Лешка потерял немного, вовремя успел наложить жгут, да и не идут твари Зоны на запах крови. Как рассказывали знающие сталкеры, они идут на запах мысли. Сахаров с «Янтаря», с которым Лешке-Звонарю в этот раз так и не удалось увидаться, полагал, что в этом предположении что-то есть. Потому что известный всей Зоне сумасшедший Васька-Блаженный ходил где хотел без всякого оружия, которого боялся до дрожи, и без костюма, иногда пренебрегая даже штанами, но тем не менее монстры его не трогали. Более того, когда ученым удалось

заманить Ваську на «Янтарь», чтобы как следует изучить, бесштаный феномен при малейшей возможности сбегал от них на болото к зомби или сноркам, чтобы всласть погыгыкать в хорошей компании, размахивая руками, как Джо Кокер на концерте, после чего непременно возвращался живой и здоровый, только голодный. Потому, наверное, и возвращался, что жрать хотел. Потом, конечно, Васька сгинул, сдуру ухнув в разлом за какой-то уж очень понравившейся ему блескучей бирюлькой, так что ученые его окончательно не доизучили, но факт остается фактом — монстры его все-таки не сожрали.

Восстановившись, сталкер двинулся дальше. Он без приключений прошел через тоннель старой заброшенной шахты и выбрался аккурат к Чертову Кругу. Ему уже приходилось бывать здесь раньше, когда ходил к Леснику. Как правило, вокруг Круга было полным-полно снорков и псевдопсов. Снорки лезли из дыры в обрыве, непонятно было, откуда их там столько, похоже, в снорков превратились военнослужащие засекреченной воинской части, несшие службу в подземных бункерах и шахтах, причем превратились поголовно. Лезть внутрь никто до сих пор не пробовал, потому что дыра была узкой и вела неизвестно куда, а встреча в тесном проходе со снорком ничего хорошего не сулила. Да и не было там ничего стоящего внимания, в дыре-то.

Впрочем, хотя большинство тварей Зоны — это мутировавшие животные, самые опасные мутанты все-таки обязаны своим происхождением людям. И снорки, и кровососы, и полтергейст, и болотные твари, и бюреры — это изменившиеся люди, солдаты, рабочие и инженеры и ученые с разрушенных заводов, горняки, мелиораторы, жители Припяти, Лиманска и других поселков и городков. А потом — сталкеры, сталкеры и еще раз сталкеры, ну и, конечно, солдаты, но солдат — человек подневольный, а сталкер — нет. И когда тебе в шею вцепится кровосос или зомби рванет зубами горло, подумай, если успеешь, не твой ли это дружок-напарник, с кем ты пришел сюда за свободой, удачей и деньгами и который сгинул неведь где? Впрочем, легче тебе от этого не станет, поэтому лучше, наверное, все-таки не думать, лучше стрелять, а помянуть убиенного тобой — никогда не поздно, для этого и надо-то всего самому остаться в живых.

На этот раз в Чертовом Круге было на удивление мирно, можно даже сказать, уютно, только слегка неприбрано. Басовито, как высоковольтный трансформатор под напряжением, гудела сложная аномалия, которую сталкеры называли «оно» и из которой Лешка однажды попытался выудить пару артефактов. Судя по показаниям ПДА, артефакты там имелись, и не один, но добраться до них так никому и не удалось — «оно» в себя не пускало. Кроме звуков Красного леса и гудения аномалии, слышно было какое-то странное «вжик-вжик», впрочем, происхождение этого звука Лешка понял сразу и обрадовался. Значит, успел.

Вокруг аномалии валялись посеченные сикось-накось дохлые снорки. Несколько поодаль уткнулся в ствол дерева полуразрубленный псевдогигант. А на ящике из-под патронов, оставленном, по всей видимости, сгинувшими в Чертовом Круге охотниками за хабаром, сидел-посиживал Ведьмак собственной персоной и правил заточку своей ненаглядной гурды.

— Ну, наконец-то ты соизволил явиться, Звонарь, — сказал Ведьмак, осторожно пробуя лезвие подушечкой большого пальца. — А то мы уж тут тебя заждались! Все жданики поели, все песенки пропели.

— Здоров будь, Ведьмачина, — ответил Лешка, пристраивая задницу на поваленном стволе. — А кто это «мы»?

— Сейчас увидишь, — пообещал Ведьмак, вставая и с шиком вбрасывая клинок в ножны.

И Звонарь увидел.

Прямо посреди аномалии, под изогнутыми внутрь стволами опаленных «жаркой» деревьев, сидел ребенок, уже не малыш, но еще и не подросток, сидел и собирал из причудливых разноцветных шукувин, словно из кубиков Лего, что-то чрезвычайно хитро закрученное и очень красивое. Мальчишка был совершенно голый, но на беспризорника не походил, языки мягкого голубоватого пламени, взлетающие со дна аномалии, окутывали его, словно хотели согреть, он досадливо отводил их исцарапанной рукой, и пламя послушно,

словно играющий щенок, отступало. Наконец маленький конструктор счел свою работу законченной, поднялся во весь свой невеликий рост и вприпрыжку выбежал из аномалии, держа в руках нечто невероятно сложное и в то же время простое и совершенное, как бабочка. И тотчас же за его загорелой спиной рванулось безжалостное пламя «жарки», «трамплин» выкинул вверх кучу головешек, словом, освобожденная аномалия заработала на полную катушку.

— Дядя Ведьмак, — мальчишка подбежал к старому сталкеру, — посмотрите, что у меня получилось.

Ведьмак серьезно и очень осторожно, Звонарю даже показалось, что с некоторой опаской, взял в руки постоянно меняющий цвет и форму предмет, подержал его перед глазами и отдал ребенку.

— Красиво, — сказал Ведьмак. — А для чего это нужно?

— Это маме, — серьезно ответил мальчишка, — это вернет ее домой. Она здесь чужая, ей больно, она боится и хочет домой. Ты возьми это и передай ей, а сработает эта штука сама, тут и уметь-то ничего не надо, просто взять в руки и захотеть. И передай ей, что я скоро вырасту и отыщу ее там, снаружи... Жаль только, что она меня не вспомнит. А сейчас мне надо уходить. Потому что здесь я еще долго не вырасту.

И тут мальчишка увидел Лешку-Звонаря.

Он сначала замер, потом отступил на шаг, осторожно положил непонятную штуковину на редкую, вытопанную снорками траву и, склонив голову к плечу, словно удивленный воробей, принялся внимательно рассматривать сталкера. Потом очень тихо и серьезно сказал:

— Здравствуй... отец.

Звонарь растерянно стоял перед ребенком, понимая, что это и в самом деле его сын, но ведь не только его, а еще и Катерины, и вообще что-то здесь неправильно, у сталкера было ощущение, что им воспользовались, чтобы этот ребенок родился похожим на человека, и Катериной тоже воспользовались. Только кто это сделал и кому это было нужно, так и оставалось непонятным.

— Здравствуй... сынок, — севшим голосом сказал он.

— Ты меня боишься? — озадаченно спросил мальчишка. — Почему?

Звонарь промолчал. Страх на самом деле не было, разве что чуть-чуть, на донышке души, но ощущение собственной ничтожности перед силами Зоны саднило и ныло. Все оказалось не так, и поделаться с этим было ничего нельзя.

Потом он посмотрел на сына, и у него почему-то перехватило горло. А мальчишка словно почувствовал это и подбежал, и напрыгнул, обхватывая его руками и ногами, и прильнул, как делают дети, долго не видевшие отца, а Звонарь стоял как дурак и не мог ничего сказать, только чувствовал родное и живое, и в конце концов бережно отцепил пацана и уж совсем сипло повторил:

— Здравствуй, сынок.

Потом опустил на землю и дрожащими руками потянул ко рту флягу, потому что иначе, наверное, просто бы умер.

Он подумал, что так и не успел назвать сына, да, впрочем, у него, наверное, уже есть имя, а мальчишка, словно угадав его мысли, важно сказал:

— Меня мама назвала, как ты хотел, Валентином, Валеком. Она рассказывала, что вы долго думали, как меня назвать, и наконец придумали и назвали в честь дедушки. Отец, а кто такой дедушка? Вон Ведьмак, он же не дедушка, он дядя Ведьмак.

— Сынок, — сказал Звонарь, — а когда ты разговаривал с мамой в последний раз? И как она там?

— Я могу разговаривать с мамой отовсюду и когда захочу, — солидно ответил мальчишка. — Пока она находится здесь, внутри. А когда она вернется домой, тогда уже, наверное, не смогу.

Он погрустнул, но ненадолго. Потом присел на корточки напротив Звонаря и сообщил:

— Я совсем скоро вырасту. Только схожу в одно место, где я расту, и стану совсем большой. А знаешь, кем я стану, когда вырасту?

— Кем? — спросил Лешка, заметив, что мальчишка с нетерпением ждет, чтобы его спросили, кем он станет.

— Сталкером, — гордо ответил Валек. — Как ты, только наоборот.

— Как это наоборот? — удивился Звонарь. — Сталкеров наоборот не бывает.

— А вот и бывает, — торжествующе сказал Валентин. — Ты родился не здесь, а снаружи, а живешь и охотишься здесь, внутри. А я буду наоборот, я родился здесь, внутри, а жить и охотиться буду там, снаружи. Вот и получается, что я — сталкер наоборот. А ты говоришь, не бывает. Еще как бывает!

Потом мальчишка словно прислушался к чему-то, вздохнул, взъерошил пятерней русые лохмы и грустно сказал:

— Мне пора. Я пошел расти и взрослеть. До свидания, отец, до свидания, дядя Ведьмак. Я вас отыщу, а вы идите и отнесите маме это, — и он босой ногой указал на лежащую на траве непонятную штуковину.

Потом повернулся и неохотно направился прямо в аномалию. Словно огромное полупрозрачное веко открылось на миг меж скрюченных опаленных стволов, явив черный бездонный зрачок, моргнуло — и мальчишка пропал.

— Ну, — сказал Ведьмак, поднимаясь с ящика. — И как тебе сынишка, а, Звонарь? Не ожидал такого?

Лешка промолчал. Он все еще никак не мог прийти в себя после встречи с сыном. Оставалось непривычное ощущение теплого и родного, а еще — потери. Потому что Валентин был одним из существ Зоны, странным образом оставаясь при этом именно его сыном. Валентин — возлюбленный, кажется, в переводе с какого-то там языка.

Мальчишка, любимый богами Чернобыля, хозяевами Зоны. Хотя в Зоне нет ни богов, ни хозяев, если верить ученым с «Янтаря», сама Зона является разумным образованием, как там сказал «долговец» Конан? Разумная ноосфера? И вот эта самая ноосфера растит, учит и оберегает его, Лешкиного, сына. Это не он, Лешка-Звонарь, учит своего сына драться, играть на гитаре и стрелять, не он мажет зеленкой ссадины и царапины на детских коленках, не он идет с ним на первую в мальчишечьей жизни рыбалку или охоту, не он вытирает кровавые сопли после первой драки и дает заслуженные подзатыльники. И во внешний мир выведет мальчишку не он, а та же ноосфера, будь она трижды неладна. И не затем, чтобы Валентин там жил, как живут нормальные люди, а из каких-то своих, непонятных людям соображений, выведет... нет, не выведет, а забросит, как шпиона, как разведчика или, что еще хуже, — как диверсанта.

— Эй, ты чего раскис? — Ведьмак, оказывается, подошел и стоял рядом. — Радоваться надо, а не киснуть. У тебя замечательный сын, соображает он не по возрасту, да и с Зоной, что называется, «на ты». Вырастет — классным сталкером станет, покруче нас с тобой. Артефакты сам мастерит. Сколько живу — ни разу не видел, чтобы кто-нибудь артефакт умудрился смастерить, думал, что такого и быть не может, а вот оказывается — может. Как думаешь, эта штука сработает?

— Думаю, что сработает, — сказал Звонарь. — Только он ее не сам смастерил, точнее, не совсем сам. Ему помогли.

— Кто? — удивился Ведьмак. — Кроме нас и него, в Чертовом Круге никого не было. Разве что парочка снарков где-нибудь поблизости ошивалась, но снарки при нем не нападают.

— Ноосфера. — Звонарь поднял с травы странный артефакт, покрутил его в руках и бережно спрятал в мешок.

— Кто-кто? — переспросил Ведьмак, меняя обойму в своем «винторезе». — Какая еще сфера?

— Зона, — коротко пояснил Звонарь. — Зона помогала. Вот так-то, Ведьмачина, нас Зона убивает, а ему помогает, чувствуешь разницу?

Ведьмак озадаченно замолчал, потом сказал:

— Ну что же, я думаю, когда-нибудь что-то такое должно было случиться. Убивать ведь скучно, рано или поздно становится интересно, кто они такие — те, кого ты убиваешь, и чего им надо. Хотя, как правило, такое случается слишком поздно. Ну, двинулись, что ли? Нам до Доктора еще топать и топать. Как пойдем, через Свалку и «100 рентген»? Бармен, кстати, мне кое-что должен, так что давай-ка заглянем в сталкерский поселок.

Звонарь кивнул. Ему было все равно, как идти. Он знал, что дойдет, потому что Зона была к нему милостива.

И они пошли через Красный лес по направлению к Свалке, мимо неведомо как очутившегося среди вековых, изломанных мутациями деревьев почти новенького танка Т-72Б, на конце пушки которого радужно пузырилась линза нуль-перехода, обходя пятна радиации и гравитационные аномалии. Ведомые сталкерским инстинктом, они шли осторожно, стараясь не вляпаться в «жарку», не взлететь на «трамплине», не попасть в «карусель» и не увязнуть в «битуме» или «зыби».

И Зона была к ним милостива.

11

За несколько дней они пересекли пол-Зоны с севера на юг, прошли Свалку, пару раз ввязавшись в перестрелку с бандюками, но без серьезных последствий, потому что всем группировкам Зоны бандюки осточертели и хорошо вооруженные отряды сталкеров отстреливали блатную публику по всему обжитому пространству. Бандиты остервенело огрызались, но в конце концов выдохлись, сломались и стали отходить мелкими группами в сторону Сухого лога. Сухим логом или Затоном называли пересохшую старицу Припяти, где когда-то вставляли на зимнюю стоянку речные суда, буксиры, речные трамваи, баржи и плавучие дебаркадеры. Вода оттуда ушла, оставив на растрескавшемся дне ржавые туши кораблей. Там, в Затоне, бандюки зацепились за старый сухогруз и принялись зализывать раны. Добывать их пока не стали. Во-первых, лезть в это унылое место никому особенно-то и не хотелось, а во-вторых — ушли, и ладно, может, сами сгинут, а у сталкеров имеются дела поважнее. Например — выжить. Чем не важное дело? Так что переход от Красного леса до Кордона прошел практически без приключений.

Поселок новичков на Кордоне, где Лешка-Звонарь впервые встретился с Катериной, понемногу возвращался к прежней жизни. Заправлял здесь выживший в перестрелке с наемниками Берет, а в подручных у него ходил заматеревший Васька-Мобила, так и не расставшийся со старенькой «Нокией», которую теперь считал своим талисманом-оберегом.

Куда делся Бей-Болт, никто толком не знал, по слухам выходило, что Болт после разгрома поселка наемниками ушел к центру Зоны, и до сих пор о нем не было никаких достоверных сведений. Поговаривали, правда, осторожным шепотком, что бывший командир вернулся в «Монолит», но верить в это не хотелось. Бей-Болт был, конечно, сталкером не без странностей, но на фанатика явно не походил, так что в «Монолите» ему делать было совершенно нечего. Вот слухи о том, что какой-то неизвестный сталкер появился в окрестностях очистных сооружений, где была база наемников, и принялся их планомерно отстреливать, неизменно ускользая от преследователей, наводили на определенные мысли. Да и в Копачах недавно полегло целое подразделение «синих комбинезонов», и модуль ученых возле автомобильного моста остался без охраны, потому что наемников, осуществлявших оную, поутру обнаружили мертвыми. Убиты они были профессионально, издалека, километров с двух, а простреленные навылет бронежилеты свидетельствовали о том, что стреляли как минимум из противотанкового ружья системы Дегтярева. А как максимум — и вовсе неизвестно из чего, скорее всего из крупнокалиберной снайперки типа «Рысь». Все эти слухи косвенно указывали на то, что Бей-Болт выжил.

Вернейшим признаком того, что поселок оживал, было возвращение Сидоровича. Откуда появился старый торгаш — никто не видел. Просто одним прекрасным утром дверь в бункер оказалась гостеприимно распахнута, а внутри обнаружился спрут-эксплуататор собственной мордатой персоной, слегка бледный и даже зеленоватый, как будто долго

отсиживался под землей, но по-прежнему не унывающий и цепкий. Ассортимент, правда, в подземной лавочке Сидоровича нынче был бедноват, но это-то как раз не беда, оружия, снаряги и артефактов сталкеры еще наташат, вон сколько новичков по поселку бродит. А торговая точка расположена в хорошем месте, аккуратно на входе в Зону, бросать такую — грех, как с точки зрения коммерции, так и с точки зрения практического гуманизма. Под практическим гуманизмом Сидорович понимал хорошо и вовремя оплаченную помощь ближнему своему.

Ведьмак со Звонарем переночевали в поселке новичков, а поутру отправились на Большие Болота, к Доктору и Катерине. Шагая за Ведьмаком вдоль знакомой железнодорожной насыпи, Лешка думал о своей «гимназистке». Точнее, о том, что за последнее время почти не вспоминал об оставшейся у Доктора жене. Ему было неловко, словно возвращался не из похода по смертельно опасным местам, а после пьянки с друзьями-товарищами, закончившейся снятием девочек со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая дурную супружескую измену. Хотя, по сути дела, так оно и было, он изменил своей женщине с Зоной, и Зона была добра к нему. А как это — изменить женщине с женщиной, он не знал, потому что других женщин под Чернобылем не было, разве что официантки в кабаке «Barba Negra», что в «Затоне». Лаборантки и практикантки с «Янтаря», разумеется, в счет не шли, хотя бы потому, что любили Лешку из женского любопытства, который стыдливо называли научным интересом, а кроме того, все это было задолго до встречи с Катериной. А то, что «до», как известно, не считается.

От наемников, погибших возле тоннеля, ведущего на Большое Болото, почти ничего не осталось. Всю органику, даже кости, сожрали мелкие и крупные твари Зоны. Кучкой бесполезного железа валялось изуродованное оружие, разрозненные детали экзоскелетов да позеленевшие под кислотным дождем стреляные гильзы. И все-таки Звонарь старательно обошел место, где сила Зоны в считанные секунды превратила группу здоровых и хорошо вооруженных мужчин в кучу кровавой слизи. Поминать наемников, конечно, не стоило, но помнить об их судьбе было не лишним.

У входа в тоннель Лешка достал из рюкзака «планетарий» и активировал артефакт. Радужная линза, прикрывавшая черную пасть тоннеля, послушно вывернулась и выбросила их с Ведьмаком на Большое Болото.

Болото расстилалось перед ними бесконечное, до самого горизонта, поросшее хилыми перекрученными деревцами, черно-зеленое, рыжее и на удивление спокойное. Только вдалеке, как и прежде, гудела неутомимая землечерпалка снорков-ирригаторов, да в сплошном ржавом ковре ряски, затянувшей бочаги, виднелись неровные прораны открытой воды. Здесь кто-то жил, но почему-то, почуяв сталкеров, поспешил спрятаться, хотя должен был действовать совсем наоборот — радостно броситься встречать гостей, все-таки какой-никакой, а обед.

Дом Доктора стоял на краю Болота, там, где оно становилось озером, на поросшем прозрачным березняком пологом берегу. Из кирпичной трубы поднимался дымок, а на окнах белели кокетливые занавески из парашютного шелка. Когда-то военные от большого ума сбросили в Зону парашютный десант. Что стало с десантниками — достоверно неизвестно, бойцы словно растворились в едком воздухе Зоны, даже к обжитым местам не вышел никто, а вот две приданные десанту БРМД на грузовых парашютах снесло прямо на Большое Болото, на дне которого они и закончили свой боевой поход. Парашюты, однако, сталкерам удалось выудить, и пара густо простроченных капроновыми нитками грязно-белых куполов досталась Доктору — для медицинских, так сказать, нужд. На бинты простеганный шелк грузового парашюта не годился, доктор как умел сварганил из него белый халат, чтобы, значит, соответствовать профессии, а теперь вот нашел еще одно применение. Хотя раньше на окнах докторского дома никаких занавесок не наблюдалось, а таких вот, с фестончиками и рюшами, — и вовсе представить себе было невозможно. Слабо было Доктору освоить такую вот сугубо женскую технологию, да и незачем. На стропях, растянутых между вбитыми в землю кольями, сушилось белье, причем мужские и женские вещи висели вперемежку.

«Ничего удивительного, — успокоил себя Звонарь. — Катерина оклемалась и взялась за хозяйство. Надо же хоть как-то отблагодарить Доктора. В конце концов, неизвестно, чем бы кончилась ее жуткая беременность, если бы не он».

На душе, однако, стало исключительно погано. Наверное, потому, что никто, кроме его самого, Лешки-Звонаря, в случившемся виноват не был.

Ведьмак тоже заметил занавески, а может быть, и еще что-нибудь, потому что покосился на Лешку и сказал:

— Ты вот чего, парень, ты, главное, не психуй. Зона дала — Зона взяла. А Доктор мужик обстоятельный, не то что мы с тобой, перекаати-поле.

А Звонарь почему-то успокоился и уже принял предполагаемую измену как данность. Более того, он почувствовал громадное и стыдное облегчение от того, что он снова один. Хотя и горечь тоже присутствовала, но где-то глубоко, и не так чтобы очень сильно саднило, ныло слегка — и все.

В сенях их встретила похудевшая, какая-то совершенно незнакомая Катерина. Поздоровалась одинаково что со Звонарем, что с Ведьмаком, и пригласила в дом. Доктора не было, ушел по делам, так что пришлось подождать. На столе между тем появилась бутылка разбавленного медицинского спирта и немудрящая закуска. Кое-какие овощи Доктор выращивал на огороде позади дома, и хотя черныбыльский кабачок по размерам не уступал хорошему астраханскому арбузу, а на вкус напоминал крабовые палочки, хозяин утверждал, что все его уродцы не просто съедобны, а чрезвычайно полезны, порукой чему служит несокрушимое здоровье самого огородника. Здоровье у Доктора было действительно хоть куда, кроме того, закуска ведь не настоящая еда, закусывать можно чем угодно.

— Я, пожалуй, пойду прогуляюсь, — сказал Ведьмак после первой рюмки. — Чего-то меня на свежий воздух тянет. Может, грибов каких поищу или еще что. А вы тут пока побеседуйте, давно ведь не виделись.

Интересно, каких это грибов он хотел поискать на черныбыльском болоте?

Расстались Звонарь с Катериной не так уж и давно, только Катерина была почти все время без сознания, так что, может, и действительно давно.

Женщина села напротив Лешки, подняла на него глаза, и сталкеру стало не по себе, словно в колодец «пси» заглянул. Чужого в ее взгляде было столько, что куда там какому-нибудь снарку или полтергейсту.

— Зачем ты пришел? — спросила она незнакомым голосом. — Уходи, сталкер, нечего тебе здесь делать. Свободен.

Звонарь молчал, потом, глупо улыбаясь, выдавил:

— Да мы вроде как того... женаты...

— Да уж, женаты. — Совершенно незнакомая женщина смотрела на него с какой-то усталой ненавистью. — Цирк вы устроили с женитьбой, а не свадьбу, потешились, называется. Дети вы тут все, злые, глупые романтические дети-убийцы. А детям не полагается жениться и тем более заводить собственных детей.

— Тебе Валентин подарок передал, — сказал Звонарь, понимая, что пора уходить, и протянул Катерине артефакт.

Она повертела сверкающее чудо в руках, пожала плечами и положила на стол.

«Надо только захотеть», — вспомнил Лешка. Значит, не захотела, потому что ничего не произошло.

— Ты остаешься с Доктором? — спросил он. — Здесь, на Большом Болоте?

— Остаюсь, — ответила женщина. — Он здесь единственный взрослый мужчина, он занят настоящим делом, а вы — в бирюльки играете. И доиграетесь в конце концов. — Потом помолчала и добавила: — Ты его видел?

— Видел, — ответил Лешка. — Он наш сын и он тебя любит.

И тут Катерина заговорила, захлебываясь, торопясь, невнятно, она говорила, что ребенок должен быть маленьким столько, сколько ему от природы положено, что ребенок должен расти, а родители стареть, и что если все по-другому, то это неправильно, потом она

заплакала и затихла. Звонарь осторожно обнял ее, понимая, что это уже ничего не значит. Ничего.

— Ты меня обманул, — всхлипывала она, — обманул...

— Может, тебе все-таки вернуться? — мягко спросил он. — Валентин обещал, что ты все забудешь. А еще он сказал, что найдет тебя там, снаружи. Он собрался уходить из Зоны.

Катерина только головой замотала. Потом резко отстранилась и жестко сказала:

— Тебе пора идти. Скоро вернется хозяин, и вы все старательно будете делать вид, что ничего не случилось, и пить водку. А я так не хочу. Я хочу, чтобы ты понимал — случилось. Меня у тебя нет. Уходи.

Звонарь вышел на крыльцо. На ступеньках сидел Ведьмак и курил.

— Ты же бросил? — удивился Звонарь.

— А я и бросил, вот смотри, — ответил Ведьмак и действительно выбросил сигарету. — Ну что, пойдём, что ли?

Они успели отойти от дома Доктора метров на сто, когда на крыльце появилась женщина. На ней был знакомый оранжевый комбинезон, перепопсанный подпсумками, за плечами кургузая FN2000 с подствольником.

— Подождите, — издадека крикнула она.

Сталкеры остановились.

— Вы веь прововать его идете, — поьодя к ним, сказала Катерина. — Я поьоу с вами. Все-таки сын.

И пошла рядом, сухая, жилистая женщина неопределенного возраста, решительная и жесткая, совсем не похожая на прежную девочку с Кордона, так что Лешке было даже не больно, а просто неуютно, словно сгусток абсолютной чуждости маячил у плеча. И поэтому он старался на нее не смотреть, но все равно все время чувствовал, что она рядом. Так молча они дошли до линзы и вышли из Болота к знакомой насыпи.

12

Они нашли Валентина в бункере Сидоровича. Старый барыга открыл запертую дверь и с порога пожаловался:

— Ну и сынок у тебя, Звонарь, на него не угодишь. Оружие ему, видите ли, не требуется, патроны тоже. Комбинезон «Заря» или даже «Берилл» его не устраивает, фасон, значит, не тот. А того, чего ему надо, у меня и нет. Не пользуется такой товар спросом в здешних краях, вот и не держу.

— А что ему надо? — спросил Звонарь.

— А то, в чем люди в большом мире ходят. Нормальные люди, — проворчал Сидорович. — Он, видите ли, туда погостить собрался, вот и требует соответствующий прикид.

Звонарь подумал, что совершенно не представляет, как сейчас одеваются нормальные люди там, вне Зоны, в Большом мире. Это было так давно, что напрочь забылось, словно никогда и не было. Потом вспомнил студенческие годы и сказал:

— Найди ему какие-нибудь джинсы, свитер и кожаную куртку. А на ноги и берцы сойдут. У тебя же где-то была миротворческая обувка, вот ее и давай.

И спустился за торговцем вниз, в бункер. Ведьмак с Катериной остались снаружи, Ведьмак — потому что нечего ему там было делать, а Катерина... Катерина, похоже, просто боялась увидеть рано повзрослевшего сына. Боялась, что увидит чужого.

Валентин стоял посреди бункера в одних трусах. За несколько суток, прошедших с их последней встречи, он сильно изменился. Теперь это был мускулистый поджарый юноша с длинными, схваченными ремешком, как у хиппи, рыжеватыми волосами и ясными синесерыми глазами на узком породистом лице.

— Привет, пап, — поздоровался он. — Видишь, я уже совсем вырос, так что пора уходить. Вот только одежду подходящую подберу и поьоу. — И добавил, словно извиняясь: — Пора мне, пап, вот такие дела.

Сидорович вынырнул из глубин бункера с кучей тряпок и высокими армейскими ботинками на липучках.

— Меряй, — пропыхтел он, вываливая одежду на прилавок. — Повезло тебе, что у старого Сидоровича все есть, даже то, о чем он сам не знает.

— Как ты намерен отсюда выбраться? — спросил Лешка. — Зона оцеплена, следовая полоса, спираль Бруно, собаки и солдаты, пулеметчики на вышках, а где дороги или хотя бы направления, там еще броне-заслоны. Плюс миротворческие войска. Полоса отчуждения шириной километра три, не меньше. Или вы с Сидоровичем уже все решили?

— Ничего мы не решили, — вмешался Сидорович. — Конечно, пройти можно, иначе чего ради я бы тут торговал, только каждый проход надо готовить. Время подходящее выбрать, место, опять же. Кому надо — заплатить, кого надо — припугнуть или просто пристрелить. Непростое это дело, недешевое и небыстрое. Я ему говорил, только твой сынок и слушать меня не захотел. Видишь, говорит, дядя Сидорович, дорога? Она ведет наружу, правильно? Ну и что, отвечаю я, мало ли что куда ведет. Ты по этой дороге и трех шагов не сделаешь, потому что во-он там майор Зазыкин со своими срочниками и крупнокалиберными пулеметами и двумя БМП, он тебя за просто так наружу не пропустит. Но с майором ладно, с ним еще договориться можно, только за майором Зазыкиным находится база военных сталкеров, там сплошь контрактники-профессионалы, спецназ Зоны, с ними хрен договоришься, хотя если хрен большой, то тоже можно. А вот за ними миротворцы из Албании, это и вовсе звери, похуже мутантов, только с «монолитовцами» и можно сравнить. А он мне — это, говорит, ничего, что профессионалы, с профессионалами даже проще, они знают, на что идут. Так что ты за меня не беспокойся, пройду как-нибудь. И знаешь, Звонарь, я почему-то поверил, что пройдет. Настолько поверил, что даже попросил Зазыкина с его бойцами до смерти не убивать, дела у меня со здешним блокпостом, понимаешь?

— А он? — Звонарь с удовольствием смотрел на сына. Эх, какой сталкер бы из него получился, да, видно, не судьба. А какая судьба уготована «сталкеру наоборот» — трудно сказать. Никто ведь не пробовал, потому что раньше в Зоне никто не рождался и наружу за хабаром не хаживал.

— А он сказал, что постарается, но не обещает.

Валентин тем временем облачился в новенькие джинсы, футболку с изображением не то кровососа, не то какого-то рок-идола и толстую кожаную куртку-косуху.

— Может, хоть бронежилет под куртку подденешь? — безнадежно спросил Сидорович.

Валентин помотал головой и закинул за плечи вещмешок. В мешке что-то круглилось, словно там были яблоки. Только не яблоки там были, чутьем матерого сталкера Звонарь чуял, что там были артефакты. Снарядился сынок по-своему, и, видимо, неплохо.

— Ах да, чуть не забыл. — Валентин неожиданно засмеялся и лихо вывалил содержимое мешка прямо на стойку перед ошеломленным торговцем. — Это вам за все хорошее.

Сидорович обалдело глядел на рассыпавшиеся по обитой оцинкованным железом стойке «каменные цветки», «кристаллы», «ломти», «золотые рыбки», «пузыри» и «брызги», бледная рожа торговца понемногу наливалась красным. Потом он сорванным голосом сказал: «В расчете», пробормотал что-то насчет неограниченного кредита как для Валентина, так и для всей его родни до двенадцатого колена включительно, и принялся трясущимися руками убирать нечаянно свалившееся на него богатство в сейф.

— А как же ты? — спросил Лешка у сына, когда они поднимались по ступенькам к выходу.

— А... — махнул рукой Валентин, — я, пап, сам себе артефакт, мне никакие приспособления не нужны.

Помолчал немного и спросил:

— Мать пришла?

— Пришла, — кивнул сталкер.

— Напрасно она здесь осталась, — качнул головой Валентин. — Ты-то пришел в Зону по своей воле, а вот она — нет.

— Не по воле я пришел, а по дурости. А она, может, еще и уйдет. — Звонарь сощурился от яркого света. — Тебя только проводит и отправится домой в этот... Сосновый Бор.

Валентин с сомнением сказал: «Может быть», и вслед за отцом выбрался из бункера.

— Зачем ты осталась, мама? — сказал он, подходя к маленькой женщине. — Не надо было тебе оставаться.

Женщина всхлипнула и обняла сына. Звонарь, чтобы не мешать, отошел к стоящему неподалеку Ведьмаку.

— Ну что, вот и все, Ведьмачина, — сказал он, — у тебя покурить не найдется?

Ведьмак достал сигареты и сунул Звонарю, дескать, бери, у меня еще есть, а потом, я все равно бросил.

— Кто его знает, все или не все, — буркнул он. — Жизнь, она длинная, жаль только, что короткая.

И тут вдалеке, со стороны большого мира, раздалось мерное уханье вертолетных роторов.

Они заходили на поселок новичков с двух сторон, две пары штурмовых «Аллигаторов», К-52, с торчащими из броневого нароста на угловатых фюзеляжах скорострельными автоматическими пушками, с сигарами НУРС на скошенных вниз пилонах, с уже выдвинутыми из брюха пусковыми модулями управляемых ракет «Атака-В». Заходили на цель, наклонив граненые бронированные головы с фасеточными глазами кабин пилота и стрелка, угрюмые и безжалостные, готовые уничтожить любую цель. А целями здесь были все. Потому что кто-то в большом мире очень не хотел, чтобы сын Лешки-Звонаря вышел из Зоны.

Сталкеры бросились врассыпную, ища укрытие, понимая, что из автомата это чудовище не возьмешь, только группка людей так и осталась стоять на улице опустевшего поселка да Васька-Мобила ошалело палил из дробовика в перемолотое винтами небо.

Из темного зева бункера показалась багровая от натуги лысина Сидоровича. Мироед, сопя, выбрался из своей норы, волоча зеленую тубу ПЗРК «Игла-М», вылез на открытое пространство, умело пристроил трубу на плечо, включил режим захвата цели и замер, ожидая сигнала. В головке самонаведения ракеты лопнула ампула с жидким азотом, охлаждая матрицу инфракрасного приемника. Потянулись отвратительно долгие секунды беспомощности и ожидания, пока матрица охладится и почувствует тепло цели. Наконец приводы повернули карданный подвес с оптоэлектронным модулем самонаведения, загоня отметку от цели в центр матрицы, и система щелчками в наушниках сообщила, что цель захвачена. И только тогда торговец выстрелил. Стартовый факел запалил траву за спиной стрелка, ракета метнулась из тубуса, неприятно взвыла и пошла на цель, изгибая траекторию гигантским серпом. Но и в «Аллигаторах» сидели явно не новички, потому что все четыре вертолета мгновенно отстрелили целые фейерверки тепловых ловушек, и траектория полета «Иглы» переломилась, ракета зарыскала, потом зацепила ложную цель, пошла за ней вниз, к земле, и взорвалась где-то за блокпостом.

— Вот теперь, похоже, все, — спокойно сказал Ведьмак.

А Сидорович бросил пустой тубус пусковой установки и кубарем скатился вниз, в родимую нору, кажется, было слышно, как грохнула стальная дверь.

Валентин некоторое время с любопытством смотрел на приближающиеся вертолеты, потом поднял ладони и хлопнул, словно в театре, торопя начало представления.

И ведущий первой двойки пропал. На его месте вспухло небольшое морозное облачко, влетев в которое ведомый качнулся, словно его дернули вбок, но удержался и совсем уже было выправился, но Валька хлопнул в ладоши еще раз, и ведомый тоже пропал. Из образовавшихся на месте вертолетов тучек сыпались снежинки, словно взорвалась новогодняя хлопушка с конфетти. Валентин посмотрел на отворачивающую в сторону вторую пару и засмеялся:

— Пошел я, пап. А то они тут совсем рехнулись. Еще учудят чего-нибудь. Вы за меня не бойтесь, все, что надо для жизни в большом мире, я знаю. Я много чего знаю, почти все,

что знали погибшие здесь люди. Сталкеры, ученые, солдаты. Ты лучше себя побереги, а то знаешь...

И не договорил.

— С таким способностями... — начал было Ведьмак, но Валька его прервал:

— Такое я могу только здесь, дома, чем дальше от дома, тем меньше у меня всяких-разных способностей. Так что там, снаружи, я стану обычным человеком.

Помолчал и добавил:

— Почти.

Потом обнял мать, махнул рукой Лешке с Ведьмаком и зашагал в сторону притихшего блокпоста.

Скоро юноша казался восклицательным знаком на старой асфальтовой дороге, ведущей из Зоны, потом точкой, а потом и вовсе пропал из виду.

Звонарь вслушивался во внезапно наступившую тишину, каждую секунду ожидая треска пулеметной или автоматной очереди, буханья гранатомета или сухого щелчка пистолетного выстрела, но все было тихо.

— Он тебе не сказал, когда вернется? — тихо спросила Катерина.

— Нет, — ответил Звонарь. — Не сказал. Мне кажется, он не вернется. И я понимаю почему. Там ему будет интересней, так же как мне когда-то было интересней здесь. Тебя проводить?

— Не надо, меня Доктор встретит у тоннеля. А до тоннеля я уж как-нибудь доберусь сама.

Звонарь пожал плечами. Чего там прощаться, попрощались уже.

Кордон медленно погружался в прохладный прозрачный вечер, все, кому было пора в путь, — ушли.

«Наверное, и мне пора, — подумал Звонарь, — но я пока что подожду. Всегда, как бы ты ни торопился, можно найти время, чтобы чуть-чуть подождать, затормозиться, посидеть у костра, полюбоваться на закат, поиграть на гитаре. Давно я не играл что-то, а ведь зря, наверно...»

Он еще долго стоял на шоссе и смотрел на дорогу. Потом, когда уже совсем стемнело, выбросил сигарету и отправился домой. В Зону.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПЬЯНЫЙ ЗОМБИ

*Опускается солнце за Припять,
И над «жаркою» воздух дрожит,
Если Зомби как следует выпить,
То примнится ему, что он жив.*

*Что сидит у костра на Кордоне,
В теплых пальцах сжимая стакан,
И внимательно слушает Зону,
А в обресе — картечь да жакан.*

*Заиграет разрядами поле,
Словно снегом неведимой зимы,
И покажется Зомби, что вспомнил,
Для чего он пришел в этот мир.*

*Он встряхнет своей флягой неполной
И поймет — надо выпить еще,
Ведь ему надо выпить, чтоб вспомнить,
Чтобы вспомнить, откуда пришел.*

*А над Припятью ходят зарницы,
И кружит «карусель» у моста,
Чтобы вспомнить, придется напиться,
Только как, если фляга пуста...*

*«Карусель» — она пусть себе кружит,
«Карусель» ничего не вернет.
Он в кармане нащупает «душу»
И за памятью к людям пойдет.*

*Ведь за память и душу не жалко,
Вот костер, и кончается лес...
Новичок в необмятой кожанке,
Весь затрясся и вскинул обрез...*

*Опускается солнце за Припять,
И над «жаркою» воздух дрожит,
Если Зомби как следует выпить,
То примнится ему, что он жив.*

Лешка-Звонарь. «Пьяный зомби»

1

В Зоне дул ветер. Он жалобно свистел в колючей проволоке, которой здесь хватало, наждаком проходил по бочагам с черной радиоактивной водой, валил с лап слепых псов на растрескавшемся бетоне шоссе, швырял пригоршни песка, так что кровососы в стеллсе были видны, как облепленные мошками куски пустоты.

К вечеру ветер наконец уgomонился. Перестал мотаться над железнодорожным полотном «жгучий пух», замолчала тонко зудящая колючка, пробившаяся между старыми, выкрошенными временем бетонными шпалами. Зона притихла, словно перед выбросом, хотя, судя по всему, никакого выброса не ожидалось. Лешка-Звонарь находился в зоне уверенного приема ПДА, так что предупреждение о выбросе принял бы. Да и мелкая живность вела себя пристойно, вороны вон летали вальяжно, прямо как транспортники на авиакосмическом салоне. Интересно, кроме ворон, в Зоне что-нибудь пернатое выжило или нет? Хотя, возможно, вороны изначально мутанты, и ни первая, ни вторая катастрофа им нипочем? Или среди ворон тоже существуют сталкеры. Вороны-сталкеры — это что-то новенькое, и какого рожна им надо в Зоне? Уж скорее сороки... А нам какого рожна здесь надо?

С такими вот глубокими мыслями Лешка-Звонарь, оттопав по железнодорожной ветке несколько километров, выбрался наконец к мосту через приток Припяти. Чего его занесло в этот малопосещаемый угол Зоны, он и сам не знал, топал себе, топал вдоль железнодорожной насыпи без особой цели, вот и притопа. На той стороне реки железнодорожная ветка продолжалась, а вот от моста мало чего осталось. Торчали из черной воды покрытые какой-то подозрительной шевелящейся коростой бетонные быки, да наверху вопреки всем законам физики протянулась пологая лесенка рельсов, кое-где соединенных меж собой шпалами. И не провисала, вот ведь дело какое! На чем держалась — непонятно, но держалась, напоминая веревочные мосты через пропасти из старых фильмов про Индиану Джонса.

Лешка подумал, что по рельсам можно перебраться на другой берег, а там места незнакомые, нетоптанные, глядишь, что-нибудь интересное и отыщется. Тем более что под основанием моста на том берегу явственно виднелось что-то вроде бункера, а в бункерах

много чего любопытного можно найти. Впрочем, визит на ту сторону можно было отложить на завтра, а сейчас стоило побеспокоиться о ночлеге, сторожевую будку какую-нибудь отыскать или лучше вышку. Но вышки в зоне прямой видимости как-то не наблюдалось, оставалось только развести костерок и коротать ночь впотьмах, положившись на защитные артефакты, благо, в запасе у сталкера была пара «бубликов». Что такое «бублик»? «Бублик» это такая гравитационная аномалия с дыркой посередине, потому и называется «бублик». А получается она из одноименного артефакта, который перед употреблением следовало должным образом активировать, то есть стукнуть по нему чем-нибудь тяжелым. Или сжать в ладони посильнее, одновременно умудрившись самому заскочить именно в дырку, а не то проваляешься всю ночь при утроенной силе тяжести — где уж там поспать, кости бы поутру в кучку собрать, и то хорошо. Слабенький артефактик, и аномалия так себе, слабенькая, но часов на шесть хватает, а потом она сама собой рассасывается. Он всяческой вредоносной мелочи, ну, там, тушканов, слепых псов, защищает почти на сто процентов, а вот мутировавший кабан с разгона запросто может прорваться, тяжелый он, зараза, черномышский кабан, хотя и вполне съедобный, если, конечно, правильно приготовить. Кровососы тоже в «бублик» не лезут, опасаются, лицевые щупальца у них нежные, чувствительные. Да только хитрые они, кровососы, могут ведь и подождать, пока «бублик» на нет сойдет. Насчет химер Лешка не знал, но химеры на болотистых, поросших камышом берегах встречаются редко, так что не стоило и думать о грустном. Но самое главное — «бублик» защищал от людей и прицел сбивал, а некоторые люди бывают поопаснее иных мутантов.

И тут Лешка услышал странный, но очень знакомый звук. «Вжик-вжик», потом пауза и снова «вжик-вжик». Не один, стало быть, он на этом берегу.

Стараясь не шуршать жесткой травой, он выглянул из зарослей камыша и метрах в десяти сразу за насыпью обнаружил расположившегося у костра сталкера. Был сталкер беловолос и костляв, одет в ладно пригнанный, хотя и весьма потрепанный комбинезон «Берилл-5» с откинутым капюшоном и занят вдумчивым точением длинного узкого клинка. Настолько вдумчивым, что не замечал ошибающегося буквально в двух шагах зомби. Сталкера Лешка узнал сразу — еще бы не узнать!

— Ведьмак! — заорал он. — Откатись в сторону, сейчас я мертвяка сниму. Да не вскакивай, а то картечью зацепит!

И вскинул дробовик.

Ведьмак, однако, Лешку не послушался, а наоборот, поднялся во весь рост и как бы даже нарочно заслонил зомбика от Лешки.

— погоди палить, — крикнул он в ответ. — Свой это.

И зомбик тоже что-то простонал, вроде бы даже дружественное. И даже ручкой сделал нечто наподобие приветствия.

Лешка даже ошалел слегка. Потом вспомнил, как прорывался через заводик, что возле «Янтара», и как зомби его не трогали, и решил, что всякое в Зоне бывает. Хотя в тот раз он вместе с зомбиками под огнем был, вот и не трогали, за своего принимали. Во всяком случае, так он объяснял себе. Но здесь-то ничего подобного не было. Вот Ведьмак, а рядом с ним зомби, и ничего, сплошная толерантность и взаимопонимание. Лешке даже подумалось, грешным делом, что сам Ведьмачина в зомбики угодил, только не похоже это было, выглядел старый товарищ вполне живым, да и какой из Ведьмака зомби? Силен Ведьмак и физически, и духовно, да и чудинка у него имеется особенная, тут любой контролер обломится.

А Ведьмак приглашающе махнул рукой, мол, милости прошу к нашему шалашу, и в котелке что-то вкусно булькало, так что Лешка плюнул на все сомнения и двинулся к костерку. Хотя SPAS-12 на всякий случай держал наготове.

А зомбик снова изобразил клешней что-то приглашающее и даже хрипло библикнул, как древний автобус, от чего Лешку слегка передернуло.

— Ты его не опасайся, — сказал Ведьмак, когда с приветствиями было покончено. — Это неопасный зомби, можно сказать, мирный.

— Ну ты и даешь, Ведьмачина, — поежился Лешка, присаживаясь напротив. — Всякое о тебе рассказывают, если бы я тебя не знал как облупленного, то, глядишь, и поверил бы. Но чтобы сталкер с зомбяком скорешился — этого я о тебе даже и не слышал. Где ты эту гнилую заразу подцепил и как тебе удастся с ним ладить?

Зомби деликатно держался шагах в двух, хотя почти и не вонял, но все-таки рядом с ним было как-то не по себе.

— Тебе сказано, сторожить, — сказал Ведьмак, строго зыркнув на беспокойного упокойничка, — вот и сторожи себе. Дай старым друзьям поговорить.

Зомби потоптался на месте, потом протянул руку и требовательно замычал.

— На вот. — Ведьмак налил в кружку водки и протянул зомби. — И до утра больше не проси, алкаш черныбыльский!

Зомби ловко уцепил кружку, с хлюпаньем всосал водку черным ртом, утерся рукавом замызганной брезентухи, почти по-человечески крякнул и заковылял прочь от костра. Метрах в десяти он уселся на обломок железобетонной опоры и на некоторое время затих. Усваивал алкоголь, а может быть, медитировал, кто его знает.

— Бдит, — с удовлетворением заметил Ведьмак. — Он хороший сторож, тем более что никто его во внимание не принимает, ну, зомби и зомби, мало ли их тут шляется, а он в случае чего тревогу поднимет. Никому он здесь не нужен, ни слепым псам, ни кровососам, кровь в нем порченная, да и вообще... Но посторонних чует за версту, непонятно только чем, глаза у него почти высохли, рецепторы давно сгнить должны, но ведь чует же, проверено! Так что можно спать спокойно.

— Где ты его откопал? — любопытствовал Звонарь. — Почему сразу не пристрелил? И с какой такой радости он тебя слушается?

Между тем зомби наскучило сидеть сложа руки, он покопался в куртке и извлек из внутреннего кармана немного помятую губную гармошку. Тут Лешка и вовсе прибалдел — неужели этодохлое чучело еще и играть умеет?

Чучело между тем поднесло гармошку к губам, и над берегом радиоактивной речки поплыли заунывные всхлипывания, в которых с большим трудом можно было узнать «Bad Boy Blues». Но все-таки можно было!

— Вот. — Ведьмак вытащил из рюкзака банку консервов, бутылку водки и пару чистых кружек. — Не бойся, я ему в отдельную посуду наливаю, хотя и уверен, что он никакой не заразный. Вот, — продолжил сталкер, — из-за этой самой гармошки я его и не срубил сразу. Иду, понимаешь, себе по Свалке, надо было мне по одному деликатному дельцу на барахолку заглянуть, должок с местных взыскать, воспитательную работу кое-какую провести, вдруг слышу — кто-то на губной гармозе пиликает. Да так жалобно, понимаешь ли... Подошел — смотрю, а прямо посреди радиоактивной лужи на крыше притопленного «Запорожца» сидит вот это самое чучело, рядом полупустая бутылка водки и стакан, а он знай себе наяривает. А вокруг лужи трое Йодиных бандюков лежат удушенные. Потом поднял бутылку, взболтнул, увидел, что там почти ничего не осталось и спрашивает, меня: «У тебя выпить что-нибудь есть?» Гляжу, а это натуральный зомби.

— Так вот прямо и спросил? — усомнился Звонарь. — По-человечески?

— Так прямо и спросил, — кивнул Ведьмак. — Ну, не совсем членораздельно, конечно, но где ты слышал, чтобы у пьяного еще и с дикцией полный ажур был? Во всяком случае, я его прекрасно понял, а выпивки у меня было навалом, таскать устал, а бросить жалко. Схрон бандитский я как раз перед этим нашел, да и забрал все, что там было. Ну, я с ним и поделился. С тех пор уверовал он в меня, как в маму родную. Так за мной по пятам и ходит. Я его к делу приспособил, он же ни «пси», ни «электры» не боится. От «электры» он, по моему, даже подзаряжается. Артефактов мне натаскал в благодарность за выпивку. Вот только надо следить, чтобы его в «жарку» или еще куда-нибудь не занесло, сгорит, боюсь. С мозгами-то у него не очень, сам понимаешь, да и к боли нечувствителен. А вообще он не дурнее любого другого алкаша, даже лучше, потому что помалкивает и лишних вопросов не задает.

— А если водки не будет? — любопытствовал Звонарь. — Что тогда?

— По правде говоря, я об этом как-то не задумывался, — честно признался Ведьмак. — До сих пор водки в Зоне было навалом. Хотя интересно, откуда она здесь в таких количествах берется? Старые запасы давно должны были кончиться, а вот не кончаются никак. Надо будет при случае у Сидоровича спросить, хотя старый черт, наверное, не скажет. Коммерческая тайна. А сейчас давай спать, Юрик — его Юриком зовут, я у него старый студенческий билет видел, — посторожит, ему-то спать не требуется. Завтра двинусь на ту сторону, не был я там ни разу. Составишь компанию, а, Звонарь?

— Составлю, — кивнул Лешка. — Вдвоем всяко веселее.

— Когда я был молодым, я частенько говорил, что лучшая компания для тебя — это ты сам. Вот и договорился... — зачем-то сказал Ведьмак. Потом помолчал и добавил: — И чего его сюда занесло, студента этого, Юрика? Жил бы себе и жил, ан нет, тянет их на приключения, придурков. Небось на тачку решил заработать, вот и двинул в Зону. Или от армии косил. Э-эх!

Они выпили по глотку, помолчали немного и задремали чутким сном сталкеров.

А над черной, глухо ворчащей рекой разносились всхлипывающие звуки губной гармоники. А слова — слова Лешка-Звонарь знал давно.

*I'm just a bad boy, long long ways from home.
I'm just a bad boy, long long ways from home.
But I ain't got nobody to bury me when I'm dead and gone.*

2

Утром Звонарь с Ведьмаком проснулись от каких-то странных получленораздельных звуков. Зомби Юрик стоял у прогоревшего за ночь костра, настырно мычал и тянул к ним правую руку, похожую на сведенную судорогой рачью клешню. В руке была зажата облупленная эмалированная кружка. Гармошку он сунул в свободную ячейку болтавшегося на тощих бедрах патронташа, и неведомым образом попавший в Зону «Хеннер» весело сверкал на утреннем солнышке никелированным боком, словно неведомый артефакт. Впрочем, возможно, это и был артефакт, потому что где только не носило зомби Юрика вместе с его гармошкой, пока алкаш-упокойник не встретил на своем пути щедрого Ведьмака. А Зона, как известно, меняет людей и предметы, мертвое и живое, так, что подчас и не разобрать, где что и чем оно было раньше.

Впрочем, может быть, и нигде особенно этого Юрика не носило, известно ведь, у зомби короткая жизнь и недолгая смерть.

Ведьмак извлек из рюкзака початую бутылку водки, скаречно посмотрел на свет, встряхнул и налил кружку примерно до половины. Юрик довольно гукнул и, бережно прижимая к себе кружку, заковылял в сторону насиженного обломка железобетона.

— Деликатный, — прокомментировал Ведьмак. — Не хочет опохмеляться на глазах у людей. Эх, студент, студент! Сидеть бы тебе сейчас в общаге, пить портвешок да вермут, лекции прогуливать, девчонок охмурять, блюз играть на гармозе своей, ежели взгрустнется, в общем — жить. А ты вон чего... Сирота чернобыльская.

Студент уселся спиной к ним, по ныряющим движениям кудлатой головы можно было догадаться, что водку он пьет не абы как, залпом, а смакуя, маленькими глоточками. Эстет, однако! Нечем ведь вкус почувствовать, а туда же!

Неяркое солнце Зоны поднялось уже довольно высоко, когда сталкеры наконец собрались в путь. Пройти по разрушенному мосту для опытного сталкера в принципе несложно, если только где-нибудь на середине дороги его не поджидает какая-нибудь пакость вроде гравитационной линзы или одностороннего телепорта, способного зашвырнуть человека в каменный карман или, того хуже, в тоннель, заканчивающийся тупиком. Выхода из таких аномалий, как правило, нет, один вход, да и тот находится черт знает где. Лешке как-то раз довелось видеть солдата-дезертира, угодившего через такой вот телепорт в обрушенный тоннель под автомобильным мостом, что неподалеку от

железнодорожного полустанка. Самым страшным было то, что место оказалось людное, сталкеры проходили мимо тоннеля, перекрытого на входе прозрачной линзой аномалии, по несколько раз в день, но сделать ничего не могли. Несчастный дезертир сначала пытался расстрелять невидимую стенку из автомата, потом попробовал пробиться внутрь тоннеля, а когда не получилось и кончились силы — перерезал себе вены десантным ножом, потому что патронов в автомате у него уже не было. Наверное, из этого дезертира со временем получился бы неплохой сталкер, да, видно, не судьба.

— Ну, что, Ведьмак, двинулись, что ли? — недовольно спросил Лешка. Раздражал его этот неправильный зомбяк, непонятно чем, но давил на нервы, и все тут. — Слышь, Ведьмачина, сказано же, кому в путь — тому пора! Уже полдень скоро, а мы с тобой все на месте топчемся. Или может быть, этого твоего, как его, Юрика подождем? Пока бедный студент выпьет да закусит, пока посидит на дорожку, пока песенку сыграет, а там, глядишь, уже и вечер наступит.

— Юрик останется здесь, — твердо сказал Ведьмак. — Во-первых, мост он не перейдет, зомби, конечно, высоты не боятся, но и с координацией у них, сам понимаешь, дело обстоит не очень хорошо. А вброд ему тоже не пройти, глубоко здесь, если и не сгинет, то фонить будет — мама не горюй. Так что придется Юрику нас здесь подождать. Авось дождется, ну а если нет — то вольному воля, спасенному рай, похмеленному — покой. А во-вторых — горючка кончается. У меня водки осталась всего одна бутылка, а без своевременной похмелки Юрик может выкинуть неизвестно что. Как, впрочем, и любое запойное существо. Мне кажется, что контролеру и зомбировать его не удалось до конца, потому что пьян был в стельку. Юрик, разумеется, а не контролер.

— Знаешь, я тут подумал, что твой зомбяк может оказаться полезным. — Лешка покосился в сторону блаженно медитирующего на солнышке Юрика и добавил: — Ну, хотя бы в качестве отмычки. Вдруг «трамплин» или «карусель» неразряженная попадется, вот тут и пригодился бы твой ручной зомби. Он же за бутылкой куда угодно полезет, натуральный алкаш.

— Сказал же тебе, кончилась водка, — сердито ответил Ведьмак. — Да и все равно не пройдет он по мосту. Разве что ты его на закорках понесешь.

— У меня в рюкзаке для такого дела пара пузырей найдется, — гнул свое Лешка. — А с мостом что-нибудь придумаем, веревку протянем от берега до берега, чтобы держался. Руки-то у него почти целы, вон как в стакан вцепился! Тебе, Ведьмак, чего, в самом деле его жалко, что ли? — неожиданно догадался Звонарь. — Ну, ты даешь, брат-сталкер! Зомбяка пожалел. Он же дохлый давным-давно!

— Никакой он не дохлый, — неожиданно ошетинился Ведьмак. — Не дохлее нас, во всяком случае. Просто его Зона сжевала, сглотнула, переварила и вывалила, а нас с тобой — нет. Так только, погрызла немного. Так ведь все еще впереди, можешь не сомневаться, все там будем. Кто бюрером, кто кровососом, кто зомбяком...

Зомби между тем извлек из патронташа губную гармошку, зачем-то вытер ее о рукав брезентухи, поднес к губам и принялся наигрывать что-то тягучее и печальное, щемящее блюзовыми интонациями, так что Лешка смягчился и сказал:

— Да мне-то что, мне разве жалко. Пусть себе живет твой зомбяк, если и в самом деле не совсем дохлый.

Ведьмак подошел к зомби и принялся ему что-то втолковывать. Музыка смолкла. Юрик тискал в неловких руках губную гармошку и невнятно мычал в ответ, наверное, бывший студент не хотел расставаться с такими щедрыми товарищами. Потом все-таки понял, что от него хотят, ссутулился, словно сломался, и, скособочившись, побрел к своему насиженному месту.

Ведьмак вздохнул, достал из рюкзака последнюю бутылку водки, скovyрнул колпачок, подошел и аккуратно поставил водку рядом с Юриком. Тот даже не обернулся, только гармонику к черным губам поднял и снова принялся ее терзать.

Лешка подумал, тоже достал из рюкзака бутылку, по примеру Ведьмака свернул крышку, но открывать не стал и осторожно опустил в щель между полуразрушенными плитами. Кому надо — найдет.

Ведьмак одобрительно кивнул, и они вдвоем стали подниматься на железнодорожную насыпь.

А гармоника внизу все тосковала да всхлипывала, пока ее звуки не растворились в шуме ветра на верхотуре и плеске темной воды, набегающей на торчащие обломки быков внизу. Потом повисшее над рекой железнодорожное полотно кончилось, и перед сталкерами открылась иссеченная протоками речная пойма с языками серого и черного песка на небольших пляжиках и какими-то полуразрушенными строениями вдалеке, но немного музыки все-таки осталось в безумном пространстве Зоны, не совсем музыки, а так, скорее ее тени. Потом звуки Зоны съели и тень. И не стало ничего, кроме Ее Величества Зоны, рассеченной ржавыми рельсами, уходящими к горизонту.

И все-таки где-то на том берегу дул в свою губную гармонику пьяный зомби, бывший человек, бывший студент Юрик, который надеялся, что хотя бы после смерти сможет кого-то согреть.

*Well I'm the cat that scratches and I'm like a dog that bites.
I'll be your box of matches, baby, when you need a light.¹¹*

3

Звонарь с Ведьмаком шагали вдоль железнодорожного полотна, справедливо полагая, что стальная колея уж куда-нибудь, да приведет. Через пару километров на путях обнаружился старый рабочий поезд, состоящий из мотовоза и платформы с установленным на ней краном-гуськом.

Неожиданно с платформы ударил ручной пулемет, и сталкеры залегли под насыпью. Кем бы ни был неизвестный пулеметчик, но стрелком он оказался аховым. Пули летели куда угодно, звонко щелкали по рельсам, тупо стукались в сложенные по краям насыпи шпалы, чертили стремительные неровные пунктиры в уже начавшем темнеть небе, но ни одна очередь и близко не легла к распластавшимся под насыпью сталкерам.

— Еще один пьяный зомби на наши головы, — прокомментировал Лешка-Звонарь. — Только этот, насколько я понимаю, за выпивку убить готов. Хотя, может, он боится, что бутылки разобьются, поэтому и палит в белый свет, как в копеечку. Надеется, что мы бросим рюкзаки и свалим отсюда куда подальше.

— Очень похоже, что он и не хочет в нас попасть, — пробурчал Ведьмак. — Просто старается отогнать подальше, дает понять, что здесь нам делать нечего. И никакой это не зомби, а натуральный бюрер, причем не один, а целая толпа.

— Еще светло, а на свету бюреры почти ничего не видят. А на платформе — это фантомы, — объяснил Лешка. — Бюреры умеют создавать фантомы, а еще они владеют телекинезом, только на близких расстояниях, но мы от него далековато. Вот он и лупит из пулемета, пусть и вслепую.

— Фантомы, говоришь? — Ведьмак зарядил в подствольник гранату ВОГ-25. — Ну, за пулеметом-то лежит явно не фантом, призраки не могут нажать на спусковой крючок. Так что...

Он не договорил, быстро поднялся для стрельбы с колена и выстрелил. Граната прочертила над насыпью изящную дугу и взорвалась в центре платформы. А Ведьмак уже послал ей вдогонку еще одну и еще...

¹¹ Я — всего лишь плохой мальчик, далеко-далеко от дома.

Я — всего лишь плохой мальчик, далеко-далеко от дома.

И у меня нет никого, кто похоронит меня, когда я умру.

Я — как кошка, которая царапается, я — как собака, которая кусается.

Я буду твоим коробком спичек, детка, когда тебе нужен будет свет.

— Удобная штука эти фантомы, — сказал он. — Убьешь бюрера, и всех их сразу как ветром сдуло! Сразу ясно, что не промахнулся. Так что вперед, путь свободен! Тем более что этот бронепоезд, похоже, пытается от нас смыться, а мне, честно говоря, изрядно надоело идти пешком.

Мотовоз набирал ход медленно. Запрыгнув на ходу в кабину машиниста, Звонарь обнаружил там еще одного с ног до головы перемазанного тавотом бюрера, который, увидев сталкеров и оценив их преимущество в численности и вооружении, немедленно скатился на насыпь и дал деру. Бежал бюрер, неловко переваливаясь на коротких ногах, оставляя многочисленные фантомы, которые тоже куда-то бежали, но при этом оставались на месте. Фантомы быстро пропадали, вместо них появлялись новые, которые тоже быстро-быстро перебирали коротенькими ножками. Разобрать, какой из бегущих бюреров настоящий, не было никакой возможности, поэтому сталкеры решили не тратить патроны и занялись управлением мотовозом.

Мотовоз, низко гудя дизелем, катился по рельсам в глубь территории. Рельсы перед ним блестели, видимо, этой железнодорожной веткой довольно часто пользовались. Скорее всего те же бюреры.

— Интересно, куда мы все-таки едем? — задумчиво сказал Ведьмак, закуривая.

— Полагаю, до ближайшей станции, — ответил Звонарь. — Должна же здесь быть хоть какая-то станция. Вот и посмотрим, что там да кто. А вдруг какую-нибудь неизвестную сталкерскую группировку отыщем. Не может быть, чтобы здесь ни одного сталкера не было.

Но ни до какой станции сталкеры не доехали, потому что впереди снова мелькнула приземистая фигура бюрера, навалилась на рычаг перевода стрелки, и рабочий поезд, лязгнув на стыке, круто свернул влево.

Лешкин дробовик грохнул, гулко застучал АК-47 Ведьмака, но фигура уже пропала, оставив после себя дюжину неуклюже перебирающих короткими ногами фантомов.

— По-моему, нам пора сходить, — заметил Лешка. — Что-то не нравится мне, куда мы едем. Уж не в гости ли к бюрерам-железнодорожникам? Не знаю, как ты, Ведьмак, а я бюреров не люблю, особенно тех, которые с разными машинами возятся. А уж если они на поездах по Зоне разъезжают, да еще и с пулеметом, то мне это и вовсе не нравится. Вдруг среди них не все такие криворукие и слепощарые, как наш пулеметчик?

Но сойти они так и не успели, мотовоз все быстрее катился под уклон. Звонарь дернул стоп-кран, зашипело, поезд словно споткнулся, но продолжал неотвратимо ползти к черной дыре тоннеля, куда и нырнул, даже не сломав предупредительно поднятый полосатый шлагбаум.

Тоннель оказался настолько узок, что прыгать теперь было попросту некуда. Поезд почти остановился, теперь он управлялся словно бы сам собой. В кабине ни с того ни с сего стали поворачиваться рукоятки, опустился какой-то рычаг, под полом отвратительно заскрипело. Звонарь навалился на рычаг и с трудом вернул его в прежнее положение, мотовоз зарычал и пополз чуть быстрее. Теперь сталкеры намеревались проскочить тоннель, но под реборды мотовоза полетели стальные башмаки, обрезки арматуры и прочая дрянь, посыпались искры, впереди открылась большая тускло освещенная пещера, и поезд со скрипом встал.

— Ну, вот и приехали, — констатировал Ведьмак. — Прав ты был, Звонарь, главное — вовремя сойти, а все остальное — судьба.

Пещера была полна бюреров. Воняло здесь ужасно, но сталкерам в этот момент было не до воню. По периметру пещеры шли грубо сваренные из арматурных прутьев клетки, в которых находились люди. Точнее, людьми этих грязных, безобразно растолстевших существ, прильнувших к стальным прутьям, назвать было трудно, но все-таки это были самые настоящие люди, а не мутанты. На некоторых сохранились лохмотья сталкерских комбинезонов, на других и того не было.

— Это ферма, — прокричал Ведьмак в ухо Звонарю. — Я слышал раньше, что бюреры разводят людей, как скот, но не верил. Теперь вот верю.

— Зачем им столько людей? — спросил Звонарь. — Они их что, едят?

— Видимо, едят, — ответил Ведьмак. — А еще для размножения. У бюреров есть женщины, но большинство мужчин бесплодны. Вот они и отлавливают сталкеров — на племя, так сказать. Мне что-то такое Сахаров рассказывал, когда я ему первого дохлого бюрера с «Юпитера» приволок.

— Ну, уж хрен им, — решил Звонарь и швырнул под потолок пещеры световую гранату.

От вспышки перед глазамиплыли багровые круги, но сталкеры успели прикрыть глаза, а не ожидавшие такой подлости бюреры — нет. Вокруг летали самые разные предметы, раздавался какой-то щебет и гомон, словно Звонарь с Ведьмаком попали на птичий базар. Сталкеры спрыгнули с подножки мотовоза и опрометью бросились обратно, туда, где маячил ровный полукруг выхода из тоннеля. Обернувшись, Ведьмак бросил за спину еще одну гранату, на этот раз Ф-1. В пещере раздался возмущенный визг, снова ударил пулемет, но сталкеры уже выбрались наружу.

— Уже стемнело, — сказал Ведьмак. — В темноте они нас живо прищучат, так что надо искать какое-нибудь высокое место. Лазать по деревьям эти твари, слава богу, еще не научились, а телекинезом нас не возьмешь, у меня повышенная сопротивляемость к «пси», да и у тебя, как я заметил, тоже. Вот, держи на всякий случай. — Он вынул из контейнера артефакт «колючка» и протянул Звонарю.

— Смотри, — дернул за рукав напарника Звонарь, — ты искал высокое место? Как говорится, мечты идиотов сбываются в первую очередь, вон оно, высокое место, куда уж выше!

Километрах в двух от выхода из тоннеля бюреров, посреди совершенно нетронутого на первый взгляд поселка, торчала черно-желтая одноногая мачта с набалдашником на макушке, скорее всего вышка какого-нибудь телеретранслятора. И вокруг этого самого набалдашника дрожал и радужно переливался этакий здоровенный прозрачный пузырь. Вроде мыльного, только уж очень большой. В сгущающейся темноте в этом пузыре отчетливо виднелись постоянно меняющиеся цветные картинки, говорящие головы, дрыгающие длинными ногами девицы и прочая чепуха. Телевидение, одним словом.

— Не нравится мне это, — пробурчал Ведьмак, — но делать нечего, как говорится, «Добро пожаловать на шоу». Надеюсь, нас не пригласят в нем участвовать, а то я за себя не ручаюсь.

И они побежали к ретранслятору.

В цоколе вышки обнаружилась вполне себе сохранившаяся телестудия с работающими старинными выпуклыми телеэкранами, составленными в стенку, движковым пультом и даже несколькими громоздкими, выкрашенными черной молотковой эмалью телекамерами на массивных треногах.

Что самое странное, так это то, что все это архаичное хозяйство, похоже, работало. Казалось, телеоператоры, дикторы, осветители и прочая телевизионная публика просто отлучилась ненадолго в местный буфет, оставив аппаратуру включенной, и вот-вот вернется.

Звонарь с Ведьмаком походили по странной студии, стараясь не наступать на змеящиеся по покрытому линолеумом полу кабели, полюбовались на исчерченные цветными полосами экраны, Звонарь даже щелкнул по подвешенному на журавле микрофону, от чего по студии прокатился недовольный гул, и ничего не нашли.

Только в стенке, там, где операторская вплотную примыкала к шести метровой стальной трубе вышки-ретранслятора, обнаружилась овальная задраенная дверь, ведущая внутрь. Навалившись на рукоятку, Ведьмак открыл дверь, и они вошли в круглое стальное помещение, уходящее вверх на всю высоту вышки. На бетонированном полу валялся всяческий мусор и пахло почему-то нехорошо. В центре красовался круглый люк с откинутой стальной крышкой. Из освещенного багровым отверстия слышалось низкое гудение.

В это время в операторской, а может быть студии, что-то заквакало, запищало, потом наступила тишина, и в этой насыщенной электричеством тишине хорошо поставленный дикторский голос произнес:

— Граждане независимой Чернобыльщины! Мутанты и сталкеры, военные и гражданские, живые и мертвые! На нашем канале информационно-аналитическая передача «Новости Зоны». — После чего голос сменил интонацию на менее официальную, скорее даже развязную, и сообщил: — Сейчас мы прервемся на короткую рекламу, после чего «Новости» продолжат свою работу. Оставайтесь с нами.

Заиграла веселая музыка, на фоне которой жизнерадостный детский голосок принялся рассказывать бородатый анекдот про сталкера и кровососа. Закончился анекдот предложением в массовом порядке использовать в пищу исключительно натуральные продукты, способствующие очищению организма от радионуклидов.

Кому была адресована бредовая реклама, сталкерам или кровососам, так и осталось непонятным.

И тут что-то страшно надавило на мозг, пытаюсь вывернуть его наизнанку, но не вывернуло, а только вспорол, так что думать стало нечем, и больно было думать, и двигаться больно, а когда наконец давить перестало, в багровом провале люка зашевелилось что-то непонятное, но очень опасное, и полезло наружу. Потом звонко лопнула граната, брошенная Ведьмаком в люк, и все смолкло, только в ушах еще долго звенело надсадно и тонко.

Ведьмак вытолкнул опешившего Лешку-Звонаря из студии и буквально поволок на себе подальше от ретранслятора.

— Погоди, — орал Лешка, — там в полу люк имеется, может быть, в подвале что-то есть!

— Есть, еще как есть, — приговаривал Ведьмак, таща за собой упирающегося сталкера. — Кубло там ихнее, вот что там есть.

— Какое еще кубло? — спросил Лешка Ведьмака, когда они, отдуваясь и кашляя, остановились в небольшом овражке.

— Контролерское, — ответил Ведьмак. — Вот какое. Думаешь, от кого контролеры произошли? От мартышек?

— Ну... — Лешка замялся, — мутанты — они и есть мутанты, зачем им от кого-то происходить?

Потом понял и осекся.

— Вот-вот. — Ведьмак пошарил в рюкзаке, чертыхнулся, не найдя бутылки, и вопросительно посмотрел на Лешку.

Звонарь сунул руку в кофр с гитарой и извлек значенную бутылку «Казаков».

— Последняя, — сообщил он.

— Пей, — приказал Ведьмак.

Потом выпил сам.

— Все мутанты в Зоне произошли либо от людей, либо от животных, попавших под выброс, — объяснил Ведьмак, когда они наконец пришли в себя. — По крайней мере я так думаю, но и не только я. Лебедев, между прочим, тоже так считает, и Сахаров тоже. Судя по всему, здесь в момент второй катастрофы находились какие-то телевизионщики или кто-то в этом роде, короче, журналисты. А по моим наблюдениям, контролеры именно из таких типов и получают. Из журналистов, политологов, пиарщиков и прочей человеческой нечисти. А еще из замполитов да некоторых особо приближенных к власти попов. Так что здесь их самое кубло, и взять его можно только взрывчаткой или напалмом, да и то, я думаю, навряд ли. Только вот какое дело, Звонарь, со взрывчаткой у нас что-то бедновато. И огнеметов, к сожалению, не имеется. Так что давай, брат-сталкер, сматываться отсюда поскорее. Нехорошее здесь место. Тут, похоже, даже твоя музыка не поможет, не трогает их никакая музыка. Побрыкаешься, конечно, но в конце концов и сам оглохнешь. Мне кажется, это не совсем то, чего бы тебе хотелось.

Звонарь вспомнил зомби Юрика и согласился.

— А почему все-таки с нами ничего не случилось? — спросил он спутника, когда вышка осталась далеко позади и стала похожа на булавку с круглой головкой, воткнутую в

порыжевшую мятую шляпу. — Ведь, если тебе верить, мы же прямо в центр мутагенного излучения вляпались?

Сталкеры сидели возле мирно горящего костерка, никаких особо опасных монстров вокруг не наблюдалось, так, набежала пара черныбыльских кабанов, но их сразу же пристрелили. Один из кабанов, который помоложе, можно сказать, подсвинок, сейчас жарился на вертеле, соответствующим образом дезактивированный, то есть щедро промытый остатками водки из запасов Звонаря.

— А не годимся мы с тобой в контролеры, наверное, — ответил Ведьмак. — И в зомби тоже не годимся. Так что приходится оставаться людьми. И в жизни, и в смерти. Такие вот дела, брат-сталкер. Ну и граната, конечно, помогла. В таком деле без гранаты не обойтись, сам понимаешь.

И Лешка снова признал, что граната против тварей, так и норовящих забраться тебе в мозги, чтобы прокомпостировать их на нужный манер, — очень неплохое средство.

Вертел с насаженным на него подсвинком крутили по очереди. Так и бодрствовать было легче, и подсвинок прожаривался равномернее. Тем не менее мясо под обугленной коркой даже утром оказалось почти сырым, хотя и вполне съедобным.

— Ну его, — сказал Ведьмак. — Пусть его бюреры жрут, а нам пора обратно. Что-то не по душе мне местные хуторяне, собирайся, брат-сталкер, нас за мостом Юрик ждет, соскучился, наверное. Все-таки пьяный зомби с губной гармошкой куда симпатичнее местных тварей, так ведь?

И Звонарь не мог с ним не согласиться.

Из похода за железнодорожный мост Звонарь с Ведьмаком вернулись живыми, и уже это было хорошо, а что не повезло — ни серьезных артефактов в заброшенных бункерах и тоннелях за мостом, ни складов с оружием не обнаружилось, — так бывает. Впрочем, и аномалий незнакомых тоже не попадалось, а если нет аномалий, то и артефактов тоже нет.

— Пошагали отсюда, — сказал Ведьмак. — Нам еще до моста топать и топать, больше в местные бункеры соваться, наверное, не стоит, снаряжение у нас не то. Потом как-нибудь вернемся, только, сдаётся мне, ничего нового мы здесь не найдем. — И добавил: — Небось студент мой похмельем мается, что ему два-то пузыря? Хотя на пару дней ему должно было хватить, как раз к нашему возвращению и прикончит.

Обратно они возвращались той же дорогой — по рельсам, натянутым над отравленной рекой. Только вот зомби-алкоголика Юрика на берегу не обнаружилось. Бутылки остались, одна наполовину пустая, другая, как была, непотая, полная, только открытая, так что водка выдохлась, и пришлось ее вылить.

— Уковылял куда-то. — Ведьмак устало присел на камень. — И пить не стал, надо же! Может, водка плохая была, как ты думаешь, а, Звонарь? Плохая была водка или хорошая?

— Классик говорил, что плохой водки не бывает, — машинально ответил Лешка. — Только хорошая и очень хорошая. А классикам положено доверять.

— Значит, не в водке дело, — заключил Ведьмак и задумчиво почесал небритый подбородок.

— Ты чего это? — удивился Звонарь. — Соскучился по своему зомбяку, что ли? Ты это брось, Ведьмачина, в Зоне хандрить не полагается, Зона печаль чувствует. Одна печаль — печаль, две — уже забота, а три — беда...

— Да нет, — Ведьмак помолчал, катая носком берца пустую бутылку, — это у меня так... фантомные боли в душе. А ты помнишь, что он за музыку играл?

— Блюз, — сказал Лешка. — Про пацана одного, который был все-таки не совсем плохим, а просто невезучим. Только поздно это выяснилось, к сожалению.

— Бывает... — Ведьмак опять принялся пинать ни в чем не повинную бутылку, потом спросил: — Можешь сыграть?

Лешка молча расчехлил гитару.

Потом они посидели немного, наконец Ведьмак поднял пустую бутылку и с размаху зашвырнул ее в реку.

Мертвая река сглотнула стеклянную искру без всплеска, словно погасила.

— Помянули, — сказал Ведьмак, — и будет. Ты куда сейчас?

— В Росток подамся, наверное, в «100 рентген» заскочу, а там Зона подскажет, — немного подумав, ответил Лешка, понимая, что Ведьмак просто хочет побыть один.

— Ну а я попробую на «Юпитер» сунуться. Там, говорят, ребята из «Свободы» что-то интересное нашли. Не то лаз какой-то, не то, наоборот, вышку... в общем, схожу посмотрю.

— Кто говорит? — спросил Лешка.

Но Ведьмак не ответил. Он поднялся и зашагал вдоль насыпи.

Некоторое время они шли молча, потом Ведьмак махнул на прощание рукой и свернул в сторону Свалки. Лешка остался один.

Нескладный какой-то поход получился.

Через неделю, продав по дешевке хабар из схрона бармену Тедди из «100 рентген», Звонарь неожиданно для себя самого спешно засобиравшись на Кордон.

Нынешний Лешка-Звонарь не любил Кордон. Не любил туда возвращаться, но все равно возвращался, потому что нужно же куда-то вообще возвращаться бродячему человеку. Самым обжитым местом в Зоне был, конечно же, городок сталкеров на Востоке со знаменитым баром «100 рентген», только время от времени сталкера так и тянуло на Кордон, туда, где когда-то был у него дом, и с этим поделаться ничего было нельзя. Фантомные боли в душе, как сказал Ведьмак.

Кордон давно оправился от налета наемников, сгоревшие дома дожгли в кострах, а сами сталкеры переселились в уцелевшие — их пока хватало.

На окраине Зоны было все как обычно. Зеленая сталкерская молодежь хвасталась друг перед другом будущими подвигами и грезилась, какими героями они вернутся домой, в мыслях даже не допуская, что скорее всего не вернется никто, что билет в Зону — это для большинства из них билет в одну сторону.

У поворота к лагерю новичков Лешку остановил молодой парень в кожаной куртке и с громадным револьвером на поясе.

— Эй, Звонарь, погоди маленько, — окликнул он. — Музыку не купишь?

— Какую еще музыку? — недоуменно спросил Лешка.

— А вот, гляди. — Сталкер запустил руку в карман новенькой кожанки и вытащил слегка помятую губную гармошку. — За дюжину патронов к «кольту» отдам. Можно и деньгами. Патроны у Сидоровича имеются, только дорого берет, кровосос пузатый.

— Где взял? — в упор спросил Лешка.

— Зомбьяка одного малахольного завалил, — с гордостью сказал новичок и напыжился. — Представляешь, из старого обреза и сразу наповал. Сидит, понимаешь, себе зомбьяк на камушке возле трубочки, что под шоссе, и в гармошку дудит. Я подошел — он меня даже и не заметил, так увлекся этим делом. Ну, я, конечно, не растерялся, да ка-ак шаракну дуплетом в башку — он кувырк, а гармошка аж в кусты улетела. У него еще и «огненный шар» был, я на него вот эту классную пушку выменял, только, жаль, на патроны не хватило. Возьми гармозу, а, Звонарь? Недорого отдам. И меня выручишь, и тебе радость.

Лешка полез за пазуху, вытащил смятый комок денег и не глядя сунул сталкеру.

— Ты вот что, — сказал он. — Встретишь Ведьмака, это сталкер такой, весь седой, с саблей, его ни с кем не перепутаешь, в общем, ты того... не вздумай ему про этого зомбьяка ляпнуть что-нибудь. Расстроится Ведьмак сильно. А в расстройстве он человек опасный. Понял?

— Не очень, — признался сталкер. — Но если ты так говоришь, я буду молчать. А кто он такой, этот Ведьмак? Псих? А сабля у него откуда? И что ему за дело до какого-то зомби?

— А вот это, братец, не твое щенячье дело, — буркнул Лешка и добавил: — Получил, что хотел? Чего тебе еще надо? И помни, что я тебе сказал, а то, боюсь, худо тебе придется.

Новичок недоуменно пожал плечами, сунул деньги в карман куртки и направился к костерку, вокруг которого сидели такие же, как он, молодые, не обмятые Зоной парни. Скоро оттуда послышалось здоровое молодое ржание, потом кто-то забренчал на гитаре и громко заорал про силиконовое сердце. Песню с той стороны. Совсем зеленые, значит...

Звонарь поморщился и почапал в бункер к Сидоровичу. Там по крайней мере было тихо, и выпивка имелась.

А губную гармошку он потом забросил в аномалию, ту самую, что возле Агропрома. Почему-то ему показалось, что так будет правильно.

I'll be your box of matches, baby, when you need a light.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. МАМИНЫ БУСЫ

*Разве плохо по земле пройти пешком,
Без ботинок, без сапог, босиком?
Только чтоб нигде коварное стекло
Твоих ног босых в траве не стерегло.
Что же сделать, чтоб шагать ты мог легко
По траве и по тропинке босиком?
Надо просто по земле пройтись метлой,
И смахнуть с нее все гвозди и стекло.
А на месте свалок, ям и пустырей,
На легко вздохнувшей наконец земле,
Хорошо бы всюду посадить цветы,
Чтоб босые ноги не поранил ты.*

*Разве плохо жить и никогда не лгать,
Чтобы жизнь ко лжи не смела вынуждать?
Чтоб по миру налегке пуститься в путь,
Надо ложь и дрянь с души своей смахнуть.
А на бывших пустырях твоей души,
Там, где было место злобе или лжи,
Хорошо бы всюду посадить цветы,
Чтобы стал от них честней и проще ты.*

Лешка-Звонарь. «Простая баллада»

1

Есть в Зоне один редкий артефакт. Вообще-то в Зоне много чего редкого, но этот артефакт — он особенный. Называется он «мамины бусы» и похож на причудливо изогнутую замкнутую спираль диаметром сантиметров тридцать, усеянную блестящими каплями-жемчужинами. Лебедев, тот самый, который из «Чистого Неба», говорил, что на самом деле это не спираль, а лента Мебиуса, и именно такая топология и определяет удивительные свойства редкого артефакта. Вообще-то ни у Лебедева из «Чистого Неба», ни у Сахарова с «Янтаря» возможности как следует изучить свойства «маминых бус» не было, потому что за всю предыдущую историю Зоны известны всего два случая, когда этот артефакт попадал в руки сталкеров.

Первым, кто нашел «мамины бусы», был совершенно отмороженный сталкер по прозвищу Чудила, который так и не понял, что за блестяшку он вытащил из комплексной аномалии «оно», той самой, которая за заброшенным рабочим поселком к востоку от воинских складов. Что делать с этой сверкающей замкнутой лентой из неизвестно какого металла, сталкер не знал, таскал ее в кармане целый месяц, даже не заметив, что пули, которые непременно разнесли бы буйную Чудилову голову, почему-то пролетают мимо, раны заживают быстрее, чем раньше, и кровь из них останавливается почти мгновенно. Вот гамма-излучение заметил, а поскольку радиации Чудила побаивался, надеясь когда-нибудь

выбраться из Зоны богатым человеком и наплодить кучу маленьких чудильчиков, то постарался от странной штуки поскорее избавиться. В конце концов удачливый, но недалекий сталкер продал артефакт по дешевке какому-то мелкому перекупщику, и первые найденные сталкерами «мамины бусы» отправились за Периметр и навсегда исчезли из Зоны. А Чудила через месяц погиб в перестрелке с бандюками Кукольника на барахолке. Не от радиации погиб, а от заряда картечи, выпущенного с расстояния семь метров в живот. Может быть, если бы он так и таскал «мамины бусы» с собой, тот заряд прошел бы мимо, но... Как говорится, все остальное — судьба.

Если бы в Зону доходили газеты из внешнего мира, если бы сталкеры хоть немного интересовались бы всевозможными сплетнями и жареными фактами из жизни мировой гламурной тусовки, то непременно обратили бы внимание на одно любопытное сообщение. Звезда телесериалов, красавица, эксцентричная светская львица Ребекка Карай буквально растворилась в воздухе непосредственно на вечеринке в собственную честь, устроенной ее женихом, сыном крупного российского олигарха. Вечеринка проходила на двадцатиметровой яхте, совершающей круиз по Средиземному морю. Несмотря на то что поиски с привлечением беспилотных и пилотируемых летательных аппаратов, боевых пловцов и даже специально обученных дельфинов были начаты немедленно, Ребекку, точнее, труп, отыскивали только через два дня. Многие гости на той достопамятной вечеринке запомнили необычное ожерелье, украшавшее в злополучный вечер лебединую шею безвременно утонувшей теледивы. Когда скандальный телерепортаж о трагически закончившейся вечеринке увидел один из специалистов по изучению аномальных явлений, он заподозрил, что драгоценности, которыми неосмотрительно украсила себя тщеславная и эксцентричная теледива, скорее всего есть не что иное, как неизвестный науке артефакт, добытый в непосредственной близости от Чернобыльской АЭС. Специалист нажал на соответствующие рычаги, надавил на нужные педали и заполучил-таки артефакт для изучения. Дальнейшая судьба артефакта и изучавших его специалистов неизвестна, потому что ученые нечасто появляются на экранах телевизоров, а если и появляются, то непременно чтобы сообщить какую-нибудь очередную гадость, за что, собственно, широкая публика их и недолюбливает.

Но сталкеры телевизор не смотрели, светской жизнью не интересовались совершенно, да и газеты в Зону попадали редко. Впрочем, ученые с «Янтая» по своим каналам получали информацию извне, так что о существовании «маминых бус» они были осведомлены и предлагали вольным сталкерам за артефакт очень даже приличные деньги.

Во второй раз «мамины бусы» дались в руки только через год, и отыскал их никому доселе не известный военный сталкер-сапер по фамилии Сапрыкин. Точнее, не отыскал, а снял с высохшего трупа какого-то бедолаги, подорвавшегося на минном поле возле электроподстанции на востоке Затона. Сапер очень удивился, обнаружив посреди минного поля один-единственный труп, обыскал покойника и, согласно приказу, все необычное сдал под расписку в хозчасть. На этот раз российские ученые получили-таки объект для своих исследований, но результаты последних были немедленно засекречены, хотя кое-какая информация все-таки просочилась в Зону. Может быть, кто-то из яйцеголовых проболтался, но скорее всего утечка была организована специально. Сталкеры не станут целенаправленно искать артефакт, о свойствах которого им почти ничего не известно. Ну, повышает выносливость, жрать не так хочется, кровотечение останавливает, от пули помогает увернуться, полезная штука, но не уникальная. Если попадется случайно — очень хорошо, а нет — так и не надо. А вот артефакт, позволяющий, пусть ненадолго, переместиться в прошлое, — это да! Это штука занятная. Ведь в далекие восьмидесятые здесь, на берегах Припяти, была совсем другая жизнь. От Кордона до самой ЧАЭС можно было пройти без единого выстрела, не встретив ни кровососа, ни стаи слепых псов, ни даже паршивого тушкана, а значит, и в центр Зоны можно было попасть без особых проблем. А потом артефакт сработает на возвращение, и вот ты уже рядом с «Монолитом», как говорится, проси чего хочешь! Так по крайней мере представлялось наивному большинству нынешних обитателей Зоны. То, что и ЧАЭС, и другие стратегические объекты и в те далекие времена

бдительно охранялись военизированной охраной, сталкеры как-то не брали в расчет и поэтому рьяно охотились за редким артефактом по всей Зоне.

Лешка-Звонарь неторопливо шагал по незнакомой местности. Свалку и Темную долину он проскочил довольно успешно, чутье на опасность у него было уникальное, и Зону он чувствовал не хуже, чем свою гитару. На этот раз Лешка намеревался выйти к реке Припяти, отыскать на берегу какое-нибудь подходящее плавсредство — гребную лодку или, на худой конец, ботник — и попытаться добраться до города по реке. До сих пор никто из сталкеров на подобные авантюры пускаться не рисковал, аномалий и на реке достаточно, чтобы гробануться, но Лешка очень надеялся, что ему повезет. Тем более что на реке имелись желтые бакены, установленные с неведомой целью странным существом, Бакенщиком. Что Звонарь искал в центре Зоны? Трудно сказать... После ухода Валентина за Периметр, во внешний мир, туда, к центру Зоны, отправилась его бывшая жена, одна, практически без снаряжения, ушла — и пропала. Не то по собственной воле, не то Зона позвала — кто знает. Но Лешка в глубине души верил, что Зона была милостива к «девочке с Кордона», к его Катерине, и вернула ее домой, в родное ей время и место. Иногда ему казалось, что и сам он может уйти вслед за своей бывшей женщиной. Уйти туда, где никаких Зон еще и в помине не было, в мир, в котором, как ему казалось, люди живут долго и счастливо, в мир, который он помнил смутно, как нечто теплое и уютное, но ведь помнил же...

Он благополучно обошел мощный заряженный «трамплин». Накрапывал дождь, и аномалия обозначала себя висящим в воздухе мутным водяным туманом, из которого вверх летели каскады капель.

«Дождь в дожде, — подумал сталкер. — Надо же, жутковато, а красиво!»

Судя по показаниям детектора «Перун», в «трамплине», там, где дождевые потоки веером взлетали вверх, болталась парочка артефактов, может быть, даже весьма редких, «каменный цветок» или даже «ночная звезда». Присмотревшись, артефакты можно было даже увидеть без всяких приборов — два тускло светящихся пятнышка, прыгающих в водяном тумане. В другое время Лешка непременно рискнул бы и попробовал вытащить артефакты из аномалии, но сейчас ему было не до этого. В просветах между скрюченными ветками осокорей-мутантов показалась горькая река Припять.

Через несколько минут сталкер вышел к полуразрушенному дебаркадеру-пристани. Рядом с пристанью чернели покосившиеся дома давным-давно заброшенного поселка, в темных развалинах что-то искрило и вспыхивало. Сталкеру поселок был без надобности, и он, осторожно ступая по трухлявым сходам, поднялся на ржавый дебаркадер. Недалеко, метрах в шести от причала, из темной воды торчала обтекаемая рубка какого-то некогда стремительного судна, от рубки и до самых причальных кранцев дебаркадера, изготовленных из автомобильных покрышек, наперегонки плясали маленькие молнии — здесь действовала аномалия «электра». Казалось, кроме обычного дождя, от которого серая поверхность реки выглядела муаровой, словно покрытой молотковой эмалью, здесь идет еще и другой дождь — электрический.

«Ракета» или даже «Метеор», — подумал Лешка, — на таком судне по реке до города минут пятнадцать-двадцать. Ну, в крайнем случае полчаса... Жаль, что по Припяти не бегают больше ни «Ракеты», ни «Метеоры», ни даже речные трамвайчики. Ну, да ничего не поделаешь, придется поискать какую-нибудь лодку. Однако должны же у местных жителей быть какие-то лодки. Дерево, конечно, давно сгнило, а вот стеклопластик или плакированный дюраль должен сохраниться. Эх, отыскать бы лодочную станцию, раньше ведь на реках этих лодочных станций было полным-полно, в принципе там можно и мотором разжиться. Хотя сомнительно, чтобы в Зоне нашелся хоть один работающий лодочный мотор, да и с бензином будут проблемы. Ладно, мы уж на веслах, если повезет, то через денек-другой будем в городе, лишь бы лодчонку какую найти...»

В каплеобразной рубке затонувшего судна на подводных крыльях что-то подпрыгивало и переливалось молочного цвета огоньками. Лешка направил на рубку «Перун» — так и есть,

в рубке находился артефакт, причем весьма мощный. На этот раз сталкер решил-таки достать блестящую штуковину из аномалии — вдруг что полезное!

Звонарь нацепил на пояс «снежинку». До рубки от края дебаркадера было метров шесть, плечевое расстояние для любого прыгуна в длину, только спортсмены не прыгают в боевых комбинезонах «СЕВА», так что на всякий случай стоило подстраховаться. Гитару, оружие и прочие пожитки сталкер аккуратно сложил у корней ближайшего осокоря, оставив себе только нож и старый «Кольт 11–45». Потом коротко разбежался и прыгнул. «Электра» ударила по летящему над ней сталкеру маленькой жгучей молнией, так что ноги сразу онемели, и Лешка грудью рухнул на выпуклое стекло рулевой рубки. Некоторое время он так и лежал, уцепившись за низкий поручень на крыше, потом подтянулся, переполз через выгнутую крышу и, свесившись вниз головой, заглянул в панорамное лобовое стекло. На поверхности темной воды, наполовину заполнившей тесное помещение, танцевала изящно изогнутая спираль, переливающаяся молочно-белыми огоньками.

— Ага, — сказал Звонарь сам себе, вытащил револьвер и несколько раз ударил рукояткой тяжелого «кольта» по гладкой поверхности лобового стекла.

Стекло побелело, хрустнуло, пошло мелкими трещинками, но не рассыпалось. Тогда сталкер пробил в стекле дыру и руками стал выдирать покрытые трещинами прозрачные куски, склеенные между собой какой-то липкой субстанцией.

«Умели же когда-то делать лобовые стекла, — со злостью подумал он. — Ну, ничего, ломать — не строить, справимся...»

Наконец в образовавшуюся дыру удалось просунуть руку, сталкер нащупал теплую, словно живую спиральку и вытащил ее из рубки.

— «Мамины бусы», — удивленно воскликнул он. — Надо же! Теперь я состоятельный человек, только вот на хрена мне это нужно — понятия не имею!

Звонарь встал на выпуклую крышу рубки и приготовился прыгнуть обратно на дебаркадер. Действие «снежинки» заканчивалось, упругая сила уходила из мышц, внизу бесновались голодные электрические разряды аномалии, но прыгать все равно было надо.

«Ну, не подведи, друг севка!» — мысленно сказал он комбинезону, повесил с таким трудом добытый артефакт на шею и прыгнул.

Чертова аномалия словно только того и дожидалась. Она шарахнула сталкера уже не одной, а доброй дюжиной длинных ветвистых разрядов, оглушенный Лешка грудью ударился о край дебаркадера и рухнул в Припять.

«Вот зараза, — успел подумать он, погружаясь в ледяную воду, — немного недопрыгнул, а теперь все, каюк, теперь никакой «антирад» не поможет».

2

— Живой! — услышал Лешка откуда-то сверху. — Чуть было не утоп, но гляди-ка, живой!

— Откуда же он взялся-то? Да еще в форме! Форма чудная какая-то, тропическая, что ли? И бусы на шее болтаются! Небось девке своей купил, да вот не донес.

— Прапор какой-нибудь, наверное, из стройбата. Они на той стороне что-то строят. Выпил лишнего в поселке, да в воду-то и упал. Еще немного — и замерз бы, вода-то еще холодная, апрель на дворе!

— Да не было его на дебаркадере! Он с того берега приплыл! Я сам видел... И не прапор это, не похож он на стройбатовца, скорее отставник какой-нибудь. Шрам у него на щеке видал?

— Может, «афганец»? — предположил кто-то. — Или империалистический шпион?

На дебаркадере засмеялись. Похоже, в шпионов тут не особо верили.

— Эй, солдатик, ты давай поднимайся, а то неровен час милиция или патруль военный, вставай... Ты в Афгане служил? Я угадал? Ну, ничего, у меня вон тоже сын в Афгане, дай-то бог, чтобы живым вернулся. Вставай, солдат, вставай...

Лешка открыл глаза. Он лежал на железной, покрытой пупырышками заклепок палубе дебаркадера. Было холодно, воды под ним натекла целая лужа. Над ним на фоне неправдоподобно синего весеннего неба, неба, какого никогда не бывает в Зоне, вырисовывались темные силуэты человеческих голов. Немного придя в себя, он начал различать лица. Лица были самые обыкновенные, но в то же время совершенно другие, чем те, к которым Звонарь привык за годы, проведенные в Зоне. Это были нормальные человеческие лица, не то, чтобы красивые, не то чтобы очень уж доброжелательные, но не такие, как в Зоне. На этих лицах отсутствовало выражение постоянной готовности, отсутствовали напряжение и страх, это были лица мирных людей, живущих в мирное время и никогда не переживавших ни одной серьезной катастрофы.

— Оклемайся, солдат? Ну, вот и хорошо, вот и славно, — сказал какой-то щедедушный дедок с удочками и выцветшим брезентовым рюкзаком за плечами. — Накось, глотни маленько, а то простудишься, у меня еще осталось с рыбалки.

И протянул Звонарю початую полулитровую бутылку с мутной белесой жидкостью, заткнутую пробкой, скрученной из газеты.

В это время на дебаркадере резко и часто заколотила рында, и народ дружно потянулся к кассе.

— Оставь себе, — махнул рукой на прощание дедок, — а я побежал, — видишь, «Ракета» чалится, а мне днем кровь из носу надо в Припяти быть, а то моя старуха мне такое устроит... Ну, выздоравливай, служивый! Бывай!

И бодрой трусцой направился на посадку.

Лешка встал, держа в руке бутылку, с восторгом мальчишки глядя, как «Ракета», погасив скорость, легла грудью на волну, потом опустилась на брюхо и стала медленно подползать к причалу. Минут через пять пристань опустела, судно мощно заурчало двигателями, грузно вырулило на фарватер, разогналось, поднялось на крыльях, словно встало на цыпочки, и быстро побежало в сторону Припяти. Уже сам факт, что по Припяти ходят пассажирские суда из времени, которое Звонарь с полным правом мог назвать «вчера», показался сталкеру чудом.

Лешка вытащил затычку и отхлебнул едкой жидкости, отдающей свекольной бардой, — самогонка была что надо, ядреная и прожигала насквозь. Сталкер слегка согрелся, потом отхлебнул еще и наконец обрел способность хоть что-то внятно соображать.

Место было то же самое, а вот время — другое. Это-то как раз было совершенно понятно. Видимо, когда он неудачно прыгнул с рубки «Ракеты» и грохнулся грудью о дебаркадер, «мамины бусы» сработали и забросили его в прошлое. Никакой катастрофой здесь даже и не пахло, ни первой, ни тем более второй, так что время определенно было до 1986 года. Солнышко пригревало по-весеннему, но воздух еще не прогрелся по-настоящему, было довольно зябко. В том, что вода в реке, мягко говоря, прохладная, Лешка убедился лично, когда барахтался у дебаркадера, значит, здесь действительно была весна. Сталкер посмотрел вокруг и понял — и в самом деле весна!

Лешка уже забыл, какая она бывает, настоящая весна, потому что в Зоне — как в Космосе, всегда царит Вечная Осень, даже когда по календарю полагается быть весне. Здешний мир, похоже, покамест с календарем был в ладах.

Над Припятью с резкими жалобными криками летали чайки, время от времени выхватывая из воды рыбью мелочь, а в небе над низким, поросшим ивняком берегом бубенчиком разливалась какая-то мелкая птаха.

«Жаворонок, наверное», — подумал Лешка. Ему очень хотелось, чтобы это был жаворонок.

Он подошел к давешнему осокорю, тому самому, под которым спрятал оружие и гитару, но, как и следовало ожидать, под корнями еще молодого деревца ничего не было. Лешка похлопал по карманам комбинезона и разгрузки. Оказалось, что свой револьвер он утопил в Припяти, остался только нож на поясе, полностью разряженная «снежинка» да «мамины бусы» на шее. Ну и там, всякая мелочь, вроде пары «бубликов» в контейнере комбинезона. Револьвер было жалко, хороший был револьвер. Кроме того, в кармане

комбинезона обнаружилась намокшая пачка денег, советских десяток — именно таких, какие ходят в Зоне, — сумма оказалась довольно внушительной — полторы тысячи рублей. Лешка попытался вспомнить, много это во времена до 1986 года или мало, толком не вспомнил и решил, что, во всяком случае, достаточно. Так что с деньгами проблем не было, другое дело — документы. В Зоне никто никакие документы не требовал, разве что военные или наемники, да и те, как правило, сначала стреляли. Тем не менее паспорта или военные билеты у сталкеров все-таки имелись, только хранились они в тайниках, потому что таскать их с собой не было ни малейшего смысла. Лешка родился в восьмидесятом, так что наличие паспорта с датой рождения и московской пропиской его все равно не спасало. Не полагалось в этом году, в 1986 году, Лешке никакого паспорта, в лучшем случае — свидетельство о рождении.

Что ж, придется обойтись без документов, решил сталкер. Авось пронесет, времена сейчас, похоже, не слишком строгие. Помнится, тогда еще была какая-то не то перестройка, не то ускорение... А, да ладно, разберемся.

Он упрятал «мамины бусы» под комбинезон. Разряженный почти полностью артефакт потускнел. Бусинки больше не светились, только в одной чуть тлел слабенький молочный огонек. Сталкер еще раз огляделся, с наслаждением вдохнул терпкий весенний воздух и, хлюпая мокрыми берцами, неторопливо направился в сторону небольшого поселка, примыкающего к дебаркадеру. В поселке почти наверняка, найдется какой-никакой магазинчик, в котором можно купить еду и выпивку, а может быть, и гражданскую одежду, хотя расставаться с комбинезоном Лешке страшно не хотелось. Привык, да и мало ли что... Кроме того, следовало поточнее определиться во времени, чтобы к тому моменту, когда артефакт зарядится и выбросит его обратно в Зону, оказаться в нужном месте — рядом с четвертым блоком АЭС.

На ходу он допил остатки самогона и развернул затычку, скрученную из газеты. Газета называлась «Чернобыльская правда», и была она датирована 24 апреля 1986 года. Учитывая, что дед отправился на рыбалку как минимум вчера, сегодня должно быть 25-е. Значит, до первой чернобыльской катастрофы оставалось чуть меньше суток.

Лешка привычно посмотрел на экран ПДА. Экран был чист, как совесть новорожденного младенца. Правильно, никакой спутниковой навигации в эти времена не существовало и существовать не могло. Во всяком случае, для широкой публики. И тут сталкера словно прострелило — он вдруг понял, что должен сделать, а еще понял, что времени для этого у него практически нет.

Звонарь опрометью бросился назад к дебаркадеру. Окошечко кассы было закрыто, и сталкер заколотил в него что было сил. Окошко, визгливо скрипнув петлями, отворилось, в нем показалось недовольное женское лицо с размазанными губами.

— Ну чего стучишь? — сварливо спросило лицо. — Обед у меня, не видишь, что ли?

И окошко захлопнулось.

— Когда следующий рейс на Припять? — заорал Лешка.

— Чего орать-то? Вон там, на стенке, расписание висит, — неласково пробубнила кассирша из-за фанерки. — Возьми да прочитай. Читать, что ли, не умеешь?

Из расписания выходило, что следующая «Ракета» отправится на Припять в четырнадцать тридцать. Сколько было сейчас, Звонарь точно не знал. Сталкеры определяют время по ПДА, а ПДА здесь не работал, то есть время-то он показывал, но насколько это время соответствовало местному, было неизвестно. По солнышку выходило, что сейчас было часов десять-одиннадцать.

Лешка снова стукнул в окошечко. На этот раз с максимальной деликатностью.

Окошко снова открылось, кассирша, вытирая жирные губы матерчатой салфеткой, спросила:

— Ну, чего тебе еще надо?

— Сколько сейчас времени? — спросил сталкер. — Понимаете, у меня часы промокли, предыдущий рейс я уже пропустил, а мне срочно в Припять надо.

— А, так это ты чуть было не утонул, — почему-то обрадовалась кассирша. — Сейчас десять тридцать пять по-местному.

И добавила ни к селу ни к городу:

— Пить надо меньше, солдатик. Такой молодой, а уже почти законченный алкоголик. Вот позвоню куда надо, пусть тебя в комендатуру заберут. У меня зять такой же, как ты, только на губу попал — и понеслось...

— Спасибо, до свидания, — сказал Звонарь, решив, что историю о не в меру пьющем зяте он дослушает как-нибудь в другой раз, тем более связываться со склочной бабой не хотелось, еще, чего доброго, вызовет милицию в самом деле. — Извините, мне пора.

Сейчас следовало все-таки пойти в поселок, прикупить кое-что из еды и одежды, побриться, привести себя в порядок и на следующей «Ракете» отправиться в Припять.

Лешка не знал, что он сможет сделать, чтобы предотвратить катастрофу, не имел ни малейшего представления, кому звонить, с кем и как разговаривать. Он вообще не знал, как нужно себя вести в этом полузабытом, беззаботном и обреченном мире, но оставаться безучастным тоже не мог. И пусть ему некуда будет вернуться, пусть в будущем не станет никакой Зоны и никаких сталкеров, зато будет другая жизнь. Жизнь, в которой многие мертвые останутся в живых, жизнь, в которой ему, Лешке-Звонарю, скорее всего не будет места, но и это его не пугало. «Мамины бусы» подарили ему шанс исправить что-то в этом мире. И пускай в новом мире далеко не все будут счастливы, счастья на всех, да еще даром, не бывает, пускай, но горя в нем все-таки станет немного меньше. И не надо ничего просить у «Монолита», он все сделает сам.

Во всяком случае, попытается сделать.

3

В маленьком магазинчике было прохладно, скучно и пусто. Пусто почти в прямом смысле этого слова. За спиной скушающей продавщицы — полной женщины в неряшливом белом халате — громоздились пирамиды, составленные из банок с консервами из морской капусты и неизменного «завтрака туриста». На дальнем плане маячили темные бутылки с уксусом, ящики с ломаным печеньем и слипшейся белой карамелью, похожей на кладку муравьиных яиц. Все это жалкое изобилие как-то не вдохновляло, разве что морской капусты Лешка купил сразу десять банок — в Зоне такие консервы считались деликатесом, кроме того, высокое содержание йода в водорослях благотворно влияло на щитовидную железу, с которой у многих схвативших приличную дозу радиации были проблемы. А вот «завтрак туриста» надоел сталкеру до тошноты еще в Ростове, поэтому он взял несколько банок альтернативных бычков в томате, буханку замечательно вкусно пахнущего серого хлеба и спросил пару бутылок водки.

— Водки в свободной продаже нет, — скучным голосом сообщила продавщица, с достоинством одергивая халат. — Вы разве не знаете, гражданин, что водка отпускается только по талонам? А талоны теперь будут только в следующем месяце. Да и не местный вы, я местных алкашей всех до одного знаю, а талоны выдаются только по месту постоянной прописки. Вам все понятно?

Талонов на водку у Звонаря не имелось, местной прописки тоже, поэтому он решил не заморачиваться с водкой, в конце концов, радиоактивный фон, судя по показаниям счетчика, вмонтированного в ПДА, здесь был совершенно ничтожным, так что ни водка, ни «антирад» не требовались. Это, конечно, если не думать о завтрашнем дне.

В отделе промтоваров картина была не менее удручающая. Здесь Звонарь приобрел дешевый бритвенный станок, пачку лезвий «Аврора» и несколько кусков подозрительно пахнущего индийского мыла. Оглядев практически пустые полки с обувью и вешалки с несколькими костюмами, при виде которых в памяти зашевелилось полузабытое словечко «шевиот», сталкер решил обойтись старым комбинезоном и берцами, естественно, почистив и то, и другое.

В секции промтоваров сталкер купил неплохие механические часы марки «Полет» и нацепил их на левое запястье. Часы стоили смешную сумму — сорок рублей. Лешка купил их еще и потому, что в часах был встроенный механический календарь, на котором слегка оживившаяся продавщица по просьбе щедрого покупателя выставила время и дату.

Было 11 часов 43 минуты 25 апреля 1986 года.

Он вышел из магазина и направился мимо аккуратно покрашенных заборов в сторону Припяти. У одной из полуоткрытых калиток стояла благообразного вида старушка в капроновом платочке и сиреневой, домашней вязки, кофте. Старушка, завидев сталкера, оживилась, принялась делать приглашающие движения ручками, лучиться морщинками, в общем, всячески демонстрировала готовность к общению. Лешка даже опешил от такого гостеприимства и остановился.

— Здравствуйте, — осторожно сказал он.

— Самогончики не надо ли, милоч? — ласково пропела старушка. — Если что, так у меня и картошечка отварная имеется с укропчиком и лучком. Картошечка горяченькая, только что сварила. С маслицем, с зеленым лучком, с укропчиком. А укропчик да лучок свеженькие, пахучие, прямо с грядки. У меня тут парничок, так что скоро и огурчики будут. Бери, солдатик, не пожалеешь, а то вас там, в Афганистане, говорят, кормили неважно, вон ты какой худой.

Звонарь купил пару бутылок самогонки и миску отварной картошки, которую старушка вывалила в старую газету и аккуратно завернула. Похоже, полиэтиленовые пакеты здесь были редкостью. Впрочем, так и должно было быть, откуда взяться полиэтиленовой таре в то экологически чистое время? Да неоткуда! Кроме всего прочего, у приветливой бабки удалось сторговать старый, выгоревший почти добела, но еще крепкий брезентовый рюкзак, куда и были сложены покупки. Обошлось все это удовольствие в сотню, причем, судя по радостному виду старушки-предпринимательницы, сумма эта была для нее весьма и весьма значительной.

На деньги Лешке было наплевать, зачем они ему, деньги? С рюкзаком за плечами, в котором постукивали консервные банки и позвякивали бутылки с самогоном, он почувствовал себя уверенней и быстрым шагом отправился на бережок, чтобы искупаться и привести себя в порядок перед поездкой в Припять.

Чуть повыше пристани-дебаркадера обнаружился небольшой аккуратный песчаный пляжик. Узенькая, шага два длиной, полоска мелкого речного песка, укрытая с боков ивняком, выходящая на покрытую тонкой, словно сияющей изнутри свежей травой лужайку. Красноватые прутья ивняка тоже были щедро сбрызнуты яркой зеленью, пахнущей терпко и свежо. Здесь было просто чудо как хорошо! Стаи мальков паслись на мелководе, время от времени делая поворот «все вдруг», словно иголки в магнитном поле.

Лешка разделся до трусов и, ежась и вставая на цыпочки от холода, полез в чистую прозрачную воду. Если бы вчера кто-нибудь предложил ему искупаться в Припяти, Звонарь, пожалуй, воспринял бы данное предложение не иначе как пожелание поскорее отправиться на тот свет, и здорово бы обиделся. А сегодня — пожалуйста! Впрочем, в Лешкином случае понятия «вчера» и «сегодня» потеряли свой изначальный смысл.

Лешка намылился, чувствуя, как привыкшее к затхлости защитного комбинезона тело начинает дышать, впитывая в себя солнце, весеннюю свежесть и горьковатый запах ивы. Он побрился, морщась, потому что вода была холодная, а лезвия «Аврора» хотя по остроте соответствовали форштевню знаменитого крейсера, но для бритья годились весьма условно. Потом сталкер собрался с духом, ухнул в ледяную воду с головой и поплыл размашистыми саженками прочь от берега. Оказывается, плавать он не разучился, и это Звонаря почему-то очень обрадовало.

Выбравшись на берег, он как мог прополоскал и проветрил пропахший потом бронекожухом, почистил берцы, переоделся в свежее белье, купленное в том же магазине, наскоро перекусил и расположился на отдых, ожидая, пока «СЕВА» просохнет.

Он сидел у маленького костерка в синих трикотажных тренировочных штанах и дурацкой голубой майке, жевал отварную картошку с пахучим постным маслом,

посыпанную лучком и укропом, поддевал ножом коричневых бычков из открытой банки и чувствовал, насколько же это хорошо — жить! Мир был открыт во все концы, казалось, у него не было пределов в пространстве и во времени, но это только казалось. Предел во времени у этого чудесного мира существовал, и до этого предела оставалось уже меньше десяти часов. Всего-то ничего по меркам мироздания. Лешка посмотрел на часы — два часа дня. Сталкер, ежась от прикосновения мокрого подбоя, влез в непросохший комбинезон, зашнуровал берцы, упаковал остатки провизии в рюкзак, привычно проверил, на месте ли нож и артефакты, и бодрым шагом направился к пристани. Чего-то все-таки в его экипировке не хватало, что-то было не так, Лешка сначала не понимал чего, а потом понял — не хватало гитары и оружия. Особенно гитары, без нее сталкер чувствовал себя незащищенным.

Что же, придется потерпеть, подумал Звонарь. Терпеть-то недолго, а там — или — или. Или катастрофы не случится и сталкер-музыкант Лешка-Звонарь перестанет существовать, или она все-таки случится, а поскольку я буду находиться в самом эпицентре, то результат получится тот же самый. Да ладно, лучше Зона снаружи, чем Зона внутри. В любом случае после мне будет все равно. Может, оно и к лучшему, вырастет шестилетний пацан Лешка каким-нибудь знаменитым музыкантом, будет играть свою музыку на стадионах и площадях, а то и в концертных залах, и люди будут ему благодарны. Это будет совсем другая музыка, другая жизнь и другая судьба. Бей-Болт так и останется учителем, он ведь очень хороший учитель, а хороших учителей мало... А Ведьмак — кем станет Ведьмак, Лешка так и не додумал, потому что не знал, кем был Ведьмак в той, другой жизни, а еще потому, что пора было идти на дебаркадер покупать билет.

Окошечко кассы на дебаркадере было уже открыто, у кассы даже скопилась небольшая очередь. В основном здесь стояли люди пожилые, среди которых выделялась девушка в джинсах и кедах. На девушке была синтетическая дутая куртка красного цвета, в руках у нее болтался полиэтиленовый пакет с изображением молодой Аллы Пугачевой. Судя по всему, в пакете были книги. С девушкой следовало познакомиться, хотя бы потому, что города Звонарь не знал, а ему непременно нужно было попасть на местное радио или хотя бы в редакцию газеты. К девушке подошел высокий длинноволосый парень с дешевенькой семирублевой гитарой за плечами, приобнял и что-то шепнул на ухо. Девушка засмеялась, а Лешка подумал, что хорошо бы, если бы удалось хоть на пять минут заполучить гитару. Гитара всегда выручала Лешку. Когда нечего было сказать или кончались патроны и нечем становилось стрелять — он брался за гитару.

Он купил билет и еще с полчаса простоял на дебаркадере, поджидая «Ракету», глядя на мутноватую после паводка воду и стараясь ни о чем не думать. Прежде чем налаживать контакты с этим миром и городом, с ним следовало слиться. Вот Лешка и сливался. Только не очень-то, честно говоря, получалось.

Маленькая белая соринка показалась из-за речной излучины, потом соринка стала похожа на паучка, бегущего по воде, паучок рос, обретая хищные очертания стремительного судна, и наконец «Ракета», погасив скорость, мягко ткнулась боком в кранцы пристани.

Матросы с молодецким грохотом сбросили на палубу дебаркадера деревянные сходни, и посадка началась.

Наконец судно отвалило от причальной стенки, выбралось на фарватер, разогналось, напряглось, преодолевая пик сопротивления, и поднялось на крылья. Лешка стоял в открытом проеме в средней части судна и смотрел на проплывающие мимо зеленые берега. Вода упругими прозрачными струями обтекала погруженные в нее белые плоскости, за кормой вытянулся длинный зеленовато-пенный бурун, а впереди виднелся город Припять.

На ветру во влажном комбинезоне Лешка озяб и отправился отогреться в носовой салон. Здесь шум двигателей ощущался скорее как ровный низкий фон, он не мешал разговаривать и слышать друг друга. Парень с девушкой сидели у панорамного окна, парень играл на гитаре и пел. Песня была смутно знакома, кажется, «Поворот» «Машины времени», девушка и немногочисленные пассажиры слушали и даже подпевали.

Лешка присел неподалеку, хода до Припяти осталось всего ничего, так что если он хотел наладить какие-то контакты, то следовало поторапливаться.

— Можно? — дождавшись, когда песня закончилась, спросил он у парня, протягивая руку к потертому грифу.

Парень пожал плечами, мол, валяй, дядя, чего там, тряхни стариной, что там пели в твоё время? Сбацай, посмеши народ!

Лешка взял гитару и быстро проверил строй. Конечно же, инструмент не строил, в некоторых позициях аккорды звучали немного фальшиво, но выбирать было не из чего.

Парень посмотрел на Звонаря с интересом и даже некоторой опаской. Этот странный дядя в камуфляже, судя по хватке, играть умел. И откуда он такой взялся?

Лешка некоторое время просто наигрывал какую-то простенькую блюзовую импровизацию, привыкая к чужому инструменту и размышляя, что же такое можно спеть этим людям, чтобы их ненароком не спугнуть. Потом решился-таки и спел «Гадину».¹²

— Круто, — честно сказал парень. — Панк-рок в чистом виде! А чья это песня?

А девушка промолчала, и Лешке стало немного обидно, хотя чего там обижаться, старый стал Звонарь, уже под сорок скоро, да и Зона лет прибавляет, а не наоборот. Плюс сто рентген, это же сколько будет, если пересчитать в годы?

— А другое что-нибудь можно? — спросил парень.

Лешка решился и заиграл блюз «100 рентген», песню, время которой ещё не наступило и, дай Бог, никогда не наступит.

— Какие страшные у вас песни, — неожиданно сказала девушка. — Как будто потемнело всё вокруг. Вы воевали в Афганистане? Хотя о чём я говорю, Чернобыль — это же не Афганистан, это здесь, но я чувствую, вы все равно где-то воевали... Я прошу вас, не пойте больше!

— Хорошо, — ответил Лешка. — Но знаете, я никогда не был в Припяти, а мне непременно надо попасть на местное радио. Мне необходимо выйти в эфир. Сегодня, потому что завтра будет уже поздно. Вы мне не поможете?

— Я там работаю, — девушка повернула к нему юное пухлогубое лицо, — только ваши песни все равно никто в эфир не выпустит, впрочем, можете поговорить с главным редактором. Только я думаю, это всё бесполезно. Мы недавно получили последний альбом Виктора Цоя, так наш редактор даже его в эфир не выпустил. Вот Аллу Пугачеву или Валерия Леонтьева можно. Но вы же не Валерий Леонтьев?

Она неохотно улыбнулась.

— Да уж, — обращаясь неизвестно к кому, пробормотал Лешка. — Не Леонтьев, это точно! Знать бы ещё, кто он такой, этот Валерий Леонтьев.

4

Редакция местного радиовещания располагалась на первом этаже типовой «брежневки» неподалёку от кафе «Восток» в одной секции с редакцией газеты «Чернобыльская правда». У подъезда несколько молодых людей, по виду явно журналистов, смолили ядреную погарскую «Приму» и захлеб обсуждали последнее выступление генерального секретаря КПСС.

— Представляете себе, — горячился тощий прыщавый юнец в джинсовом костюме с тройной строчкой. — Свободная пресса! При Брежневе и Черненко мы даже и мечтать о таком не могли! А вы говорите «сельпо», «комбайнер»... Да пусть это будет хоть трижды сельпо, но если в ассортименте этого сельпо имеется такая замечательная штука, как свобода слова, — я за сельпо!

Звонарь молча прошел мимо, журналисты неодобрительно покосились на его поношенный камуфляж, кто-то презрительно бросил вслед:

— Мы их туда не посылали...

Хотя Звонарь об Афганистане мало что знал, давно это было, но ему захотелось дать в морду прыщавому. Захотелось так сильно, что аж сердце свело. Но сталкер сдержался, не

¹² Текст Вадима Забашкина, музыка Алексей Молокина.

время и не место, вот в Зоне бы... В Зоне бы этот тощий дровича не прожил бы и пяти минут. Впрочем, такие в Зону не идут. Лешка отвернулся, чтобы журналист не увидел его лица, вошел в подъезд и двинулся по узкому коридору, в конце которого обнаружилась дверь в кабинет главного редактора местного радиовещания. Секретарши на месте не оказалось, поэтому Звонарь постучал и, услышав раздраженное «Да», толкнул дверь.

В кабинете главного редактора рядом с портретом Ленина висел портрет Горбачева. Лешка напрочь позабыл этого говорливого, вечно журчащего, как неисправный унитаз, человека, так что некоторое время соображал, кто это рядом с Лениным, а потом вспомнил, но воспоминание это так и осталось пустым — никаким. Зона съела почти все воспоминания о жизни во внешнем мире, но кто такой Ленин, Лешка все-таки помнил отчетливо и очень хорошо представлял себе этого маленького жутковатого в своей целеустремленности человечка, словно тот был одной из тварей Зоны.

Главный редактор оказался крупным костлявым человеком в сером костюме, несвежей кремовой рубашке и полосатом, как колпак Буратино, галстуке. Лешку он выслушал внимательно, хотя время от времени делал рукой движение, словно намеревался срочно куда-то звонить, но обстоятельства не позволяли.

— Скажите честно, — обратился он к Лешке. — Вы ведь воевали? Были ранены, контужены, и вот теперь вам всюду видятся всякие катастрофы, взрывы, аварии, вы не стесняйтесь, я все понимаю, сам когда-то служил...

— Я не воевал, — ответил Звонарь. — Я всего-навсего прошу поверить мне сегодня. Потому что завтра, когда вся страна убедится, что я говорил правду, будет слишком поздно. Выйдите в эфир и сообщите жителям города, чтобы начали немедленную эвакуацию. А еще лучше — обратитесь к руководству АЭС, пусть они остановят четвертый энергоблок. Именно четвертый, потому что это там произойдет авария.

— Вы, надо полагать, крупнейший специалист в области атомной энергетики? — задрал зародыши брежневских бровей главный. — Может быть, вы разбираетесь в атомных реакторах лучше, чем те, кому по долгу службы положено в них разбираться? Вы понимаете, что при Сталине за распространение панических настроений вас немедленно бы арестовали? Сейчас, слава Богу, плюрализм, перестройка и социализм с человеческим лицом, и только поэтому я слушаю весь этот бред. Извините, но не сообщать о вашем появлении в компетентные органы я просто не могу, меня и так за один только разговор с вами могут из партии вычистить. Хотя это вы понимаете? Впрочем, надеюсь, в вашем случае до ареста дело не дойдет, вас отправят на принудительное лечение, и через пару месяцев все ваши страхи исчезнут. Впрочем, вы ведь не буйный, правда? А законы сейчас гуманные, так что скорее всего вас вообще никто не тронет. Не до вас сейчас, дорогой товарищ, страна на переломе, не до вас... перестройка... ускорение... А засим прощайте, голубчик, извините, у меня сегодня очень много дел.

Когда дверь за беспокойным посетителем закрылась, редактор помедлил немного, потом решил, снял телефонную трубку и позвонил домой.

— Настюша, — сказал он в трубку, — ты вот что, собери детей и немедленно уезжай с ними к матери в Киев. Да, шестичасовым. Ничего не спрашивай и ничего никому не говори. Я же сказал, немедленно... потом объясню. Целую.

Он положил трубку. Некоторое время сидел, обхватив голову мохлявыми руками, потом снова снял трубку и набрал короткий номер.

Лешка вышел из редакции местного радиовещания словно оплеванный. Он зло стрельнул сигарету у прыщавого журналиста, разглагольствовавшего теперь о преимуществах свободного рынка перед плановым хозяйством. Разговаривать с писателями было не о чем, да и не больно-то приняли бы они в свой разговор отставного демобилизованного военного, каковым они посчитали Звонаря. Тем не менее сторонник свободы слова и коммерции сбился, закашлялся, с ненавистью посмотрел на сталкера и поспешно ретировался в редакцию.

Лешка отлично понимал, что попытка предупредить местных через средства массовой информации была наивной и заранее обреченной на провал, но не попытаться он не мог.

Теперь следовало где-нибудь уместиться и спокойно обдумать сложившуюся ситуацию. Повертев головой, он обнаружил шагах в ста от редакции вывеску кафе «Восток» — стандартной стекляшки, в которой наверняка найдется чем перекусить и, может быть, даже что выпить. Самогонку, которая булькала у него в рюкзаке, Звонарь решил приберечь — мало ли что? Может быть, придется этой ночью хватануть дозу, вот тогда-то и понадобится бабкина самогонка.

Выбор в кафе был небогатым, но еда была горячей и вполне съедобной, а спиртное хоть и неофициально, но купить все-таки было можно, хотя и с лютой коммерческой наценкой. Водку наливали в чайники и подавали на столы, пили посетители из чашек. На знамени сухого закона, вздернутом над страной, стремительно расплывалось винное пятно, точь-в-точь как на лысине ее разговорчивого лидера.

Пообедав и выпив сто грамм дрянной водки, Звонарь задумался о том, что же делать дальше. Да взрыва оставалось около семи с половиной часов. Получалось, что никто из обладающих правом выхода в эфир и хоть какой-то властью его и слушать не хотел, да, собственно, а чего он ожидал? Так что оставалось только одно — взять четвертый энергоблок штурмом, силой пробиться к пульту управления реактором и любой ценой заставить дежурную смену заглушить его. Затея выглядела мало того что невыполнимой, она явно была совершенно бредовой, но другого выхода из сложившейся ситуации Лешка не видел. Можно, конечно, позвонить в городскую администрацию, в милицию, директору электростанции, первому секретарю горкома, наконец, но Звонарь прекрасно понимал, что это не поможет. Сочтут сумасшедшим, контуженным или, того хуже, паникером и провокатором. Но делать никто не станет решительно ничего. Как полагается, люди считали себя бессмертными до самой смерти.

Он расплатился с симпатичной моложавой официанткой, которая, судя по заинтересованным взглядам в сторону седоватого нестарого мужчины в полувоенной форме, ничего не имела против ветеранов, и пошел гулять по весеннему городу, потому что штурмовать реактор лучше всего было поздним вечером. А еще, поскольку никакого внятного плана штурма у Лешки не имелось, да и быть не могло, следовало полностью выкинуть из головы все. И Зону, и Катерину, и сына, и друзей, прошлое и будущее — все. Нужно почти умереть и заново родиться, впустив в себя это время и этот город, чтобы было за что умирать, если придется.

По всему городу цвели яблони, щедро кропя сизый асфальт мелкими белыми лепестками, словно знали и прощались. Он шел по городу-смертнику, который пока что не знал, что он смертник, среди возвращающихся с работы легко, по-весеннему одетых людей, которые не знали, что некоторые из них умрут сразу, а другие заболеют и умрут и что уже завтра все они лишатся своих домов и превратятся в беженцев. И все это случится следующей ночью. Он готов был кричать им «Бегите!», но они, занятые своими маленькими заботами, маленькими счастьями и несчастьями, все равно не стали бы его слушать. Этот весенний город был невинен, он пока еще не знал, каким бывает настоящее зло, хотя и с самого рождения носил его в своем сердце.

Лешка прошел по пешеходному мосту над водозаборным бассейном и вышел на площадь перед проходными электростанции. Здесь было красиво. Из изящно выгнутого административного корпуса выпорхнула стайка девушек в длинных юбках-спиралях, весело болтая о чем-то на ходу, просквозила мимо Лешки, щедро обдав ветерком молодости, и сталкер внезапно почувствовал себя очень старым. Он был старше их на целую жизнь, а может быть, даже и на целую смерть.

Звонарь выбрал скамейку, на которой не было таблички «осторожно, покрашено», потрогал рукой, убедившись, что краска уже не липнет, присел и принялся приглядываться к комплексу зданий АЭС. В сам реактор ему лезть было ни к чему, это сталкер хорошо понимал. Самостоятельно заглушить реактор он все равно не смог бы — просто не знал, как это сделать. Оставалось любой ценой прорваться в центр АЭС к пультам управления энергоблоками и заставить дежурную смену выполнить его указания. Пусть даже и под дулом автомата.

Только вот беда, автомата у Лешки не было. Да что там автомата, даже паршивенького ПМ и то не было. Так что оружие еще предстояло раздобыть, причем по возможности никого не убивая и не калеча.

«Насколько у нас все проще, — подумал сталкер, — нужен автомат — подхватился, пошел, да и купил у того же Сидоровича. А если купить нельзя — снял с убитого».

И тут же понял, как же все-таки жизнь в Зоне необратимо изменила его, сделав навсегда чужим нормальному человеческому миру. Миру, в котором не надо покупать оружие, чтобы выжить. В котором гибель человека, с которым вчера пил водку, трагедия, а не досадная норма.

Он понимал, что, даже если его план спасения Припяти и удастся, в памяти страны, в памяти миллионов людей, да что там — в памяти всего человечества он навсегда останется чудовищем, террористом-неудачником, человеком без совести и чести, уж пресса, неудержимо стремящаяся к свободе словоизвержения, постарается его представить именно таким. А настоящие виновники неслучившегося взрыва останутся, как всегда, ни при чем. И, не ведая ни ответственности, ни элементарного человеческого стыда, начнут готовить очередной дурацкий и смертельно опасный эксперимент, который закончится катастрофой. Пусть не здесь, пусть в другом месте, но самонадеянные идиоты не успокоятся, пока не добьются своего. Вот только не завтра, уж Лешка постарается, чтобы завтра этого не случилось.

Он встал с лавочки и снова отправился бродить по чистенькому весеннему городу. До полуночи было еще много времени, и следовало провести его с пользой.

Шансы на героизм выпадают куда как редко. А вот шанс на счастье отдельно взятому человеку выпадает гораздо чаще. Разовый шанс, и мало кому удастся им воспользоваться. Героем себя Звонарь не считал, он просто намеревался сделать то, что считал необходимым, хотя уверенности в том, что у него это получится, не было никакой. Но это был не повод, чтобы оставаться сторонним наблюдателем.

5

День понемногу превращался в мягкий, осиянный пылью золотого света вечер. Над ослепительно-розовой кроной райской яблони тяжело, как перегруженные транспортные вертолеты, кружились майские жуки. Мальчишки пытались сбить их на лету, бросая кепки и бейсболки, и азартно орали что-то свое, мальчишечье, звонкое и непонятное взрослым.

«Как полагается, он мнил, что вечен», — всплыло в памяти неизвестно чье стихотворение, всплыло и пропало, но фраза мягко опустилась на город и, похоже, навсегда стала его частью. Навсегда — это совсем ненадолго, так ведь? Звонарь шагал по широким улицам, вглядываясь в прохожих, казалось, он словно что-то искал, но на самом деле он просто старался запомнить этот вечер, вобрать его в себя и сохранить, потому что в любом случае это был последний день и последний вечер мирного мира. Все остальное, получалось, — судьба.

Лешка сам не заметил, как оказался на берегу Припяти около новенького широкоформатного кинотеатра «Прометей». Здесь толпился народ, в основном это были молодые парни и девушки, в кинотеатре повтором сегодня шел «Сталкер» Тарковского. Лешка удивился совпадению, потом попытался вспомнить, кто такой Тарковский, кажется, это был какой-то знаменитый кинорежиссер, хотя скорее всего снятый им «Сталкер» не имел ничего общего ни с настоящими сталкерами, ни с реальной Зоной. И если Лешке этой ночью вопреки всему удастся совершить задуманное, никто никогда так и не узнает, какая она, настоящая Зона. На миг сталкеру показалось, что среди молодежи тонким светлым силуэтом промелькнула Катерина, но только показалось. Не было здесь Катерины и не могло быть. Просто многие девушки этого мирного времени были чем-то похожи друг на друга, вот и показалось.

Он посмотрел на часы. Было без пятнадцати семь. До взрыва реактора оставалось пять с небольшим часов.

Лешка уже понял, что купить в Припяти оружие нечего было и думать. В принципе пистолет, конечно, можно было отобрать у местного милиционера или изредка встречающегося на улице военного патруля. Но сталкер не был уверен, что в кобурах добродушных дядек в милицейской форме находится именно оружие, а не пирожки с капустой, а патрульные — те, как правило, ходили по городу тройками, причем пистолеты имелись только у офицеров, у солдат, кроме штык-ножа, никакого другого оружия не было.

Звонарь еще немного погулял на набережной, остро ощущая, что он здесь совершенно чужой. На реке один за другим загорались красные и белые огоньки бакенов. Время желтых покамест не наступило. Лешка вспомнил Бакенщика, взгляделся в испятнанную цветными прыгающими бликами темную воду — нет, показалось... вздохнул и неторопливо направился обратно к ЧАЭС.

Охрана АЭС, как он заметил еще раньше, состояла в основном из пожилых дядек и молоденьких девчонок с древними наганами на боку. Ничего, наган, в сущности, неплохое оружие, были бы только патроны. Лешке доводилось стрелять из нагана, когда он на земснаряде сцепился с бандой Фиксатого. Спуск вот только тяжеловат, а так — вполне достойный револьвер, и точность у него на уровне, если, конечно, ствол не разболтан. Вообще-то убивать сталкер никого не собирался, револьвер ему был нужен только в качестве аргумента при разговоре с дежурной сменой. Если, конечно, другие аргументы не подействуют, а они скорее всего не подействуют. Лешка задумался, как бы ему отобрать у кого-нибудь из охраны револьвер, да так, чтобы никому не навредить, и, к великому своему сожалению, ничего путного не придумал. Точнее, отобрать оружие у любого охранника или даже военного для опытного сталкера, каким был Звонарь, не составляло особого труда. Сталкеры пользуются для усиления собственных физических и психических возможностей различными артефактами. «Ночная звезда», например, может отклонить пулю. А скажем, «золотая рыбка», наоборот, — притянуть. «Душа» и «светляк» способны восстановить физическое здоровье даже после серьезного ранения. Неразряженные «мамины бусы», даже если их не активировать сильным ударом, оказывают комплексное воздействие — и пули отклоняют, и кровотечение останавливают, и много чего еще. Звонарь вытащил артефакт из-под бронежилета и осмотрел. Теперь мягким белым светом светились уже две бусинки, это означало, что артефакт понемногу заряжается. Когда загорятся все бусины, сталкера перебросит обратно в его время. Потом Лешка посмотрел на счетчик Гейгера, вмонтированный в ПДА. Счетчик давно потрескивал, но раньше сталкер не обращал на него внимания. Раньше щелчки были довольно редкими, значит, уровень радиации пока что для организма серьезной опасности не представлял. Теперь щелчки перешли в почти непрерывный треск. Неподалеку от АЭС «мамины бусы» быстро восстанавливались и теперь довольно сильно фонили.

Лешка огляделся, осторожно, чтобы не звякнуть, извлек из рюкзака бутылку самогона, вытащил зубами затычку и от души хлебнул жгучего пойла. Потом быстро, чтобы никто не заметил, убрал ополовиненную бутылку обратно в рюкзак. Отношение к спиртному в этом времени было явно неадекватным, а с местными представителями закона и бдительной общественности связываться не хотелось. И времени на это не было, да и вообще — нельзя! Общественность в лице двух сухоньких бабушек-резвухек покосилась на сталкера неодобрительно, после чего снялась со скамейки напротив и шустро засеменила прочь от злостного нарушителя сухого закона. Учитывая возможность общественного резонанса на совершенный Лешкой только что аморальный поступок, место дислокации следовало немедленно сменить. И сталкер снова отправился бродить по улицам.

На самом деле единственным серьезным основанием для успеха Лешкиного плана было то, что после длительного пребывания в Зоне, непосредственного контакта с аномалиями и мутантами каждый выживший сталкер сам становился немного мутантом. Зона не только ломает кости в «каруселях» и «трамплинах», не только испаривает мозг «пси», сжигает в «жарках» и «разломах». Она еще и медленно, но верно переинформирует человека под себя. И вот уже нервные импульсы быстрее передаются мышцам, сами мышцы меняются, становятся эластичными и упругими. Вырабатывается особая, присущая только

опытным сталкерам способность «быстрого» зрения. Появляются иные, совсем уж нечеловеческие чувства, как у того же Звонаря, умеющего «слушать» пространство. Каждый опытный сталкер в той или иной степени — существо Зоны, хотя сам этого и не ощущает. Конечно, речь идет только о сталкерах выживших. Об остальных — либо хорошее, либо ничего. Лешка-Звонарь в Зоне выжил. Только он был здесь не для того, чтобы убивать или калечить.

Он неторопливо шел по погружающемуся в весенний вечер городу. Здесь все было другим, непривычным, и сталкеру даже не верилось, что уже завтра ничего этого не будет. Не будет клумбы с роскошно-парчовыми маргаритками, вместо живого и чистого аромата цветущих яблонь и вишен, щедро сыплющих лепестками на вечерний чуть влажный после легкого дождика асфальт, здесь будет пахнуть опасностью, тяжелым мужским потом, страхом, мужеством и радиацией. Вы думаете, что гамма-излучение никак не пахнет? Для сталкера и гамма, и нейтронное излучение имеют свой запах, резкий, как нашатырь, или колючий, как запах сгоревшего пороха... Мнил, что вечен...

Далеко отходить от ЧАЭС не имело смысла, все равно часов в десять-одиннадцать он должен начать, потому что не знал, сколько времени потребуется дежурной смене, чтобы заглушить реактор четвертого энергоблока. И уж тем более не знал, сколько времени понадобится, чтобы прорваться к пульта управления реактором и заставить энергетиков из дежурной смены выполнить его требования. Не было у сталкера и музыканта Лешки-Звонаря опыта захвата заложников, террорист он был неопытный, никудышный, можно сказать, потому что в Зоне террористам просто нечего было делать.

Но и слоняться вокруг проходной АЭС тоже было неосмотрительно. Какой бы несерьезной ни была охрана объекта, внешний вид сталкера — защитного цвета комбинезон «СЕВА» с вшитым бронежилетом, высокие берцы на липучках — не мог не вызвать подозрение. Да что там внешний вид! Повадка у Звонаря была другая, он по-другому двигался, по-другому смотрел, он был сталкером, человеком пока что не случившегося Чернобыля, у него был другой запах мысли, какого не было пока что ни у кого, потому что звезда Полынь, под которой рождаются сталкеры, еще не взошла над этим беззаботным краем.

Не торопясь он добрал до городского парка, где медленно вращалось колесо обозрения и ухали тяжелые круговые качели с радостно орущими любителями острых ощущений, выбрал лавочку в дальней аллее, там, где потише и потемнее, и стал ждать.

Мимо проходили люди, те, кто помоложе, спешили в глубь парка, откуда слышались хриплые вздохи настраиваемой бас-гитары и вертлявые арпеджио синтезатора, те, кто постарше, понемногу потянулись к выходу. Разом вспыхнули сдвоенные галогенные фонари, и там, где их не было, сразу сгустились тени. По освещенной главной аллее прошли два милиционера в форме и с дубинками-демократизаторами на поясах, с ними был какой-то штатский в клетчатой рубашке и дешевых джинсах, наверное, внештатник. На сидящего на скамейке человека в армейской одежде они особого внимания не обратили — не пьян, да и ладно. Пистолеты в кобурах у милиционеров имелись, только вот место, чтобы их отобрать, было уж очень неподходящее — народа много. Решив, что в парке оружием разжиться скорее всего не удастся, разве что в сгустившейся темноте попадется какой-нибудь местный отморозок, да и у того скорее всего ничего страшнее самодельной финки или заточки не сыщется, Звонарь поднялся и неторопливо направился к выходу из парка.

У выхода, за памятником, очень натуралистично изображавшим модель атома Бора, которую куда-то, наверное, расщеплять, несли на протянутых руках двое, мужчина и женщина, судя по халатам — молодой ученый с лаборанткой, сталкера, оказывается, ждали.

— Гражданин, ваши документы, пожалуйста, — потребовал невысокий человек, одетый в плохо отутюженную темно-серую пиджачную пару, и перед лицом Звонаря мелькнула небольшая книжечка с золотым тиснением. Мелькнула и сразу же пропала, словно мотылек порхнул ядовито-алыми крылышками. Кто-то невидимый, вынырнувший откуда-то сбоку, из темноты, не тратя лишних слов, ткнул сталкера в бок твердым.

«А вот и оружие, — машинально подумал сталкер. — Само пришло!»

Он неторопливо поднял вверх руки и позволил усадить себя в немедленно подкатившую к входу в парк «Волгу». Он еще успел заметить, что стрелки купленного недавно «Полета» показывали 21 час 35 минут. Самое время было начинать.

6

Лешку наскоро обыскали, забрав нож, «мамины бусы» и ПДА, так что из артефактов у него остался только «бублик», который сталкер зажал в руке. Артефакт был похож на популярный в эти годы у молодежи Припяти резиновый кистевой эспандер, каким качки тренируют пальцы, и, видимо, не вызвал подозрений. А может быть, его просто не заметили. «Бусы» никакого интереса у обыскивавших сталкера сотрудников не вызвали, а вот нож и ПДА — те да! Особенно ПДА. На данный момент таких приборов в мире не существовало, а если где-то и имелся прототип, то он был надежно укрыт от непосвященных. Еще большее изумление вызвал у агентов вшитый в комбинезон кевларовый бронежилет.

— Надо же, настоящий диверсант! — почти изумленно сказал серый пиджак. — Да еще, похоже, и ненормальный. — Он покрутил в руках ПДА. — Приборчик-то, похоже, самопальный, интересно, что бы это могло быть?

— Разберемся, — неопределенно отозвался второй. — Если псих — то в психушку, а если диверсант — к стенке. Ты, кстати, с этой коробочкой поосторожней, вдруг там взрывчатка, пусть саперы сначала проверят. Ну, поехали, — сказал он водителю, — только ты особо не гони, поаккуратней, мало ли что...

Агенты сели на заднее сиденье, плотно зажав сталкера с обеих сторон, хотя наручники почему-то надевать не стали. Возможно, не хотели привлекать внимание случайных прохожих. Но когда машина тронулась, «пиджак» извлек откуда-то стальные браслеты и резко скомандовал:

— Руки перед собой, гнида! Перед собой, я сказал!

Вот теперь следовало действовать быстро. В правой руке Лешка сжимал мягкое полупрозрачное кольцо «бублика» — артефакта, генерирующего слабенькую гравитационную аномалию, которую сталкеры обычно использовали для защиты от мелких тварей Зоны. Черная машина двигалась куда-то в сторону АЭС. Это было хорошо, потому что сталкеру именно туда было и надо. Пистолет второго сотрудника спецслужбы, небольшого росточка, остроносенького, с едва обозначенными залысинами, по-прежнему упирался сталкеру между ребер.

А вот это уже было плохо. Лешка приготовился получить пулю в бок, напрягся и резко сжал кулак с артефактом.

С этими можно было все. Как правильно сказал Валентин, они знали, на что подписывались. Хотя в данном случае, конечно же, ни черта они не знали, да и откуда им было знать-то?

Три «же», это, конечно, немного. Немного для сталкера или пилота истребителя, для тренированного парашютиста-десантника, но для рядового сотрудника госбезопасности три «же» — вполне достаточно. Впрочем, три «же», если они наваливаются внезапно, нехорошо ни для кого — ни для водителя, ни для агентов, ни даже для пилота, если бы таковой в машине был. Всплеск гравитации вышибает из легких воздух, ребра трещат, а неудачно подвернутая рука или нога и вовсе может сломаться. Единственным, кто оказался готов к гравитационному удару, был Лешка-Звонарь. Волна повышенной гравитации скатилась с его тела, словно на голову вылили тонны полторы теплой, в температуру человеческого тела, воды, сдавила на мгновение, ударила в барабанные перепонки и схлынула. Лешка умел обращаться с «бубликом», и позаботился о том, чтобы оказаться в центре временной гравитационной аномалии. Агентам и водителю черной «Волги» пришлось значительно хуже. Лысоватый все-таки успел выстрелить, но руку дернуло вниз гравитационной волной, и пуля ушла в мягкую обивку сиденья, даже не задев сталкера. Через секунду лысоватого бросило на водителя, потому что неуправляемая машина внезапно пошла юзом и врезалась в постамент монумента, установленного напротив проходной ЧАЭС. Другого агента, того

самого, что первым подошел к Лешке, гравитационным ударом бросило на дверь, прижало, он пытался извернуться и достать пистолет из наплечной кобуры, но Звонарь успел раньше. Удар пистолетной рукояткой при трех «же» — штука очень серьезная, агент всхлипнул и сполз под сиденье. Двери служебной «Волги» сорвало с петель и распластало по асфальту.

«Редактор, сволочь, заложил, больше вроде некому, — подумал Лешка, забирая пистолет у потерявшего сознание агента. — Впрочем, он и не мог не заложить. Зато теперь мы при оружии».

Он снял наплечную кобуру с лежавшего без сознания «пиджака», достал пистолет и переложил его в карман комбинезона. Потом обыскал обоих агентов и забрал реквизированные при обыске «бусы» и ПДА.

— Ну вот, моя дорогая, и мы не хуже других, — ласково пропел сталкер, надевая на агентов наручники, предварительно пропустив цепочку сквозь рулевое колесо. Для водителя наручников, к сожалению, не нашлось. Лешка поискал какую-нибудь веревку, приговаривая: «Что же вы так бедно живете, товарищи?», не нашел, сорвал с обоих агентов галстуки и связал водителя. В качестве кляпов пришлось использовать носки безопасников. Это, конечно, было не очень гуманно, но Звонарь старался не перепутать и затыкал каждый рот именно теми носками, которые носил его обладатель. Хуже всего пришлось водителю, носки, похоже, он стирал гораздо реже, чем менял масло в двигателе своей «Волги». Сделав свое черное, но благородное дело, сталкер, кряхтя от напряжения, спрятал под комбинезон свой ПДА и тихо тлеющие «мамины бусы» и через рассыпавшееся в крошку лобовое стекло выполз наружу. Бусин на артефакте горело уже три.

Выбравшись из уткнувшейся изуродованным капотом в бетонный постамент памятника Прометею машины, сталкер стряхнул с бронекостюма осколки стекла и решительно зашагал в сторону ЧАЭС.

Добычей Звонаря стали выдавший виды ПМ и пафосный, с увеличенным боезапасом, «Глок 18»,¹³ оба заряженные, плюс по дополнительной обойме к каждому стволу. Особисты, судя по всему, шутить не собирались.

ПМ был, конечно, привычнее легкого, изготовленного большей частью из композитов австрийского красавца, но по боевым качествам начисто проигрывал огнестрельному пижону. В Зоне ни один сталкер от такого пистолета не отказался бы, шутка ли, тридцать один девятимиллиметровый патрон в обойме, плюс возможность стрельбы очередями, плюс малый вес! Звонарь сунул стволы в карманы комбинезона. Надевать наплечную кобуру он не стал — не привык. Да и костюм «СЕВА» — это вам не пиджак, быстро пистолет не достанешь. Ладно, сойдет и так, решил сталкер. Шагая в сторону светившихся в наступивших сумерках проходных АЭС, он подумал, что агентов, если уж быть последовательным, надо было пристрелить и водителя тоже, да вот рука не поднялась. Неважный из Лешки получался террорист.

Он подошел к проходным в пятнадцать минут одиннадцатого. Учитывая, что агенты скоро очухаются, выползут из аномалии, созданной «бубликом», и непременно вызовут подмогу, действовать следовало быстро. Сначала Звонарь хотел прорываться через проходную силой, с боем ли, нет ли — это другое дело, во всяком случае, охрану следовало обезоружить, а уж потом двигаться дальше. Но на площади перед стеклянными дверями проходных он вдруг почувствовал, что здесь можно обойтись без демонстрации оружия и тем более без стрельбы.

Каждый музыкант, да что там, каждый художник в самом широком смысле этого слова, человек, транслирующий свои эмоции другим людям, публике, в какой-то мере обладает способностями контролера, хотя и использует их не напрямую, а опосредованно — через музыку, картины или книги. Лешка был сталкером и музыкантом одновременно и здесь, у проходных ЧАЭС, почувствовал, что для взятия под контроль человека ему не так уж и

¹³ Специально для нужд спецподразделений армии и полиции австрийская фирма «Глок» создала вариант модели пистолета GLOCK17, имеющий возможность ведения автоматического огня, названный модель 18. Переключатель режимов огня находится на затворе, максимальный темп стрельбы около 1200 выстрелов в минуту. Калибр 9х19-мм «Парабеллум», емкость магазина 10, 17, 19, 31.

нужна музыка. Подарки Зоны бывают странными, большей частью ничего хорошего они человеку не приносят, но сейчас неожиданно осознанные способности оказались весьма кстати. Взять под контроль всю охрану, а тем более всю дежурную смену АЭС сталкер бы, конечно, не смог, а вот с одним человеком вполне могло получиться. Он неторопливо, словно заходит сюда каждый вечер, отворил двери и подошел к турникету, справа от которого имела стеклянная будочка со скучающей девушкой-вахтером. На грубом ремне, косо перечеркивающим девичью талию, висела брезентовая кобура с торчащей из нее потертой револьверной рукояткой. Впрочем, девушка не совсем скучала. Время докучного дежурства она коротала за чтением. Увидев Звонаря, девушка отложила книгу в сторону — на обложке значилось «Дж. Р. Р. Толкиен. «Хоббит. Туда и обратно», и повернула к сталкеру милое, в весенних конопушках лицо. Звонарь дернул за один из выступающих из кассы пропусков шпенок, внутри что-то негромко щелкнуло, загудела подача, и в руках у вахтерши оказалась пластиковая карточка пропуска. Звонарь напрягся, пытаясь дотянуться до разума девушки, дотянулся и словно выпал из реальности — на миг перед ним мелькнули какие-то грациозные, как будто бесполое остроухие существа, огненнородные карлики с топорами, потом всплыло и нависло строгое мужское лицо — и пропало. Девушка не глядя протянула сталкеру пропуск и тихо сказала: «Проходите». Лицо у нее было отрешенное, словно у пьяной или влюбленной.

«Беги, дуреха, — мысленно взвыл Звонарь, ощущая, как разум девушки выскальзывает из слабого пси-захвата его разума. Впервые в жизни сталкер почувствовал контролерам, вынужденным именно таким образом добывать себе пропитание. — Беги отсюда подальше!»

Но девушка никуда не побежала, напротив, она сладко застонала, словно увидела хороший сон, и потянулась к сталкеру через турникет. И тогда Лешка скрутил в себе все скверное, что в нем было, в отвратительный грязный жгут и изо всех сил хлестнул им по счастливому конопатому лицу. Девушка вскрикнула, выскочила из своей прозрачной кабинки и бросилась прочь от этого страшного места. Ее каблучки простучали по площади перед проходными, тонкий силуэт мелькнул в свете ночного фонаря и пропал. Некоторое время сталкер приходил в себя, размышляя о том, что контролерам и в самом деле нелегко приходится добывать себе пропитание. Тем более что матерые бойцы-сталкеры не похожи на впечатлительных девиц из военизированной охраны, читающих на работе фэнтези, и в ответ на пси-атаку сразу стреляют.

Теперь оставалось всего-ничего — отыскать пультовую, проникнуть внутрь и потребовать экстренной остановки четвертого энергоблока. Вот это-то и оказалось самым сложным, потому что никакого плана внутренних помещений АЭС у него не было. Наконец Лешка плюнул на условности и просто пошел, следуя за указателями. Может быть, сталкерское пси-обаяние, отточенное годами жизни в Зоне, Действовало на беспечных сотрудников АЭС. А может быть, на добытой Звонарем карточке, обложенной с двух сторон прозрачным пластиком с рубчатыми краями, и впрямь имелись все необходимые «зайчики», «розочки» и «человечки», но пройти к главному корпусу оказалось совсем не так трудно. Но скорее всего тут сработало привычное — «чужие здесь не ходят».

Правильно! Мы и без чужих таких дров наломать можем, что тушить придется долго-долго. И хорошо, если чужие хоть немного помогут. Тушить, в смысле...

Направляясь в сторону пультовой, Звонарь посмотрел на часы — было всего 10:10. Скорее всего охрана уже спустила сторожевых собак, в спокойное время бегающих по узкому коридору огороженного колючей проволокой периметра. Но тому, кто ежедневно встречается с чернобыльскими псами-мутантами, которые даже и не псы вовсе, — тому бояться цивилизованных немецких овчарок как-то не с руки. Да и не успеют они, потому что Лешка уже проскочил караулку и местный турникет и теперь со всех ног мчался вверх по покрытой красной ковровой дорожкой лестнице — туда, откуда, как ему сейчас казалось, через какие-нибудь три часа должен был начаться тот Чернобыль, который он по-настоящему знал.

Ему нужно было в пультовую ЧАЭС, а это должно быть где-то здесь, поблизости.

Наконец он ворвался в круглое помещение со странным, словно бы мозаичным полом и множеством мерцающих экранов на вогнутых стенах. В круглом помещении были люди. Не так уж и много здесь находилось людей, но ни одного из них Лешка-Звонарь не смог бы взять даже под слабенький пси-контроль. И испугать тоже. Потому что все они были заняты делом. Эти люди еще не были напуганы, они еще верили в свою страну, в свою армию, в общем, во многое они еще верили, в том числе и в собственное будущее.

Поэтому сталкеру ничего не оставалось делать, кроме как задрать свой дурацкий «Глок-18» стволом вверх и срывающимся на фальцет хрипом проорать на всю пультавую:

— Я требую, чтобы вы немедленно остановили реактор четвертого энергоблока. Иначе произойдет катастрофа мирового масштаба, весь город погибнет... И ваша страна тоже...

Как ни странно, его никто не испугался, словно бы эти люди были вполне готовы к такому повороту событий. Только один из них, в белой шапочке, белых бахилах, с пластиковым козырьком для защиты от «бета» над глазами, удивленно, но совершенно спокойно сказал:

— А вы, молодой человек, хотя бы понимаете, что такое «остановить реактор»? Это вам не свет в туалете выключить и даже не поезд остановить? Не предусмотрен здесь стоп-кран!

— Но вы же наверняка знаете, как это сделать? — вскипел Лешка, размахивая своим пижонским пистолетом и чувствуя себя и вовсе идиотом.

— Я знаю, а вот вы — нет, — ответил оператор, чем-то похожий на ассистента профессора Сахарова. — И еще я знаю, что сами вы сделать тут ни черта не можете. Так что положите ваши пукалки во-он туда, — он махнул рукавом халата куда-то в угол, — не нервнируйте мне персонал и ждите, потому что за вами скоро приедут.

— Прекратите, — неожиданно мягко сказала какая-то девушка. Лица ее не было видно, лабораторный халат съедал фигуру. — Мы ведь вас действительно туда не посылали, мы ведь и в самом деле ни в чем не виноваты, поймите!

— Куда это вы меня не посылали? — низко и страшно спросил сталкер. — Куда?

— В Афганистан, конечно, — равнодушно пожал плечами ассистент. — Куда же еще?

И тут Лешка сорвался. Он кричал, что именно туда, откуда он появился, его-то как раз и посылали. Посылали, не ведая, что творят, вот эти милые мирные люди в белых халатах, люди с чистыми руками, никогда не знавшими ни тяжести оружия, ни жесткой стали спускового крючка. Он кричал, что если им, этим людям, хотя бы немного дорог их уютный, уравновешенный мир, они должны немедленно погасить реактор четвертого энергоблока или что там еще можно с ним сделать...

А еще сталкер понял, что не сможет выстрелить ни в кого из этих спокойных, уверенных в собственной правоте, незлых, наивных и совершенно обычных людей. Но он еще кричал что-то про весенний город, про Чернобыльскую Зону и Вечную Осень, которая будет на его месте, про Монолит, Саркофаг, Кордон и Росток, про Дикие земли, про стаи слепых псов, бродящих по пустынным дорогам вокруг мертвой Припяти...

И только когда в коридоре затопали тяжелые подошвы спецназа, когда по лицу, локтям и коленям хлестнули грузила кевларовых сетей, он понял, что проиграл окончательно.

«Спеленали, как наемники химеру», — еще успел подумать Звонарь, но шприц со снотворным уже вонзился ему в предплечье, и думать больше не получалось.

7

Нет, ребята, вот что я вам скажу, наемники и «монолитовцы» определенно произошли от этих дочернобыльских гаденышей, только профессионализма да личной пакости в них еще больше прибавилось. Это я могу собственными сломанными ребрами подтвердить, не всеми, к счастью, но двумя-тремя — так это точно. Ну и зубами тоже, опять же, к счастью, не всеми, а только половиной. Но на мой непросвещенный взгляд — и этого многовато. Не могли вот от этих мордovorотов произойти ни бюреры, ни даже кровососы, о всякой там мелкой шушере вроде тушканов да слепых псов я и не говорю. Вот контролеры — эти,

пожалуй, да, эти бы могли, только у нынешних мозгокрутов до настоящих контролеров, выпестованных двумя катастрофами в Чернобыле, прямо скажем, кишка тонка. Да и что контролеру чернобыльскому, по сути дела, нужно? Мясо ему нужно, ну, может быть, кровушки иногда, а подноготная ему твоя абсолютно по фиг, это я точно знаю, мало, что ли, ихней братии в свое время положил? Так что либо это будущие наемники, либо «Монолит».

Вот так примерно рассуждал Звонарь, когда очнулся в темном тесном помещении и приобрел наконец возможность рассуждать. Делать-то было все равно нечего. Не кутузку же свою описывать в самом деле? Чего там ее особенно описывать, обычное казенное помещение, камера без окон с парашей в углу. Можно было, конечно, этот сплав кутузки из дешевого советского триллера с третьеразрядным сортиром назвать «камерой для допросов», но почему-то совершенно не хотелось. Забегая вперед, следует отметить, что у отечественных сортиров через несколько лет наметилось большое будущее. К сожалению, не в достаточной мере реализованное.

Хотя стол с неременной лампой имел место быть. И даже пара привинченных к бетонному полу стульев. Только не ему все эти удобства предназначались.

В камере, как и полагается, находились трое, остальные играли второстепенные роли, так что до поры до времени их можно было не брать в расчет. Двое по долгу службы, третий, так сказать, «по велению сердца». Или судьбы, если кому-то такая формулировка больше нравится.

Выглядели, кстати, все трое главных персонажей примерно с одинаковой степенью паскудства, то есть физических повреждений хватало у каждого из троих. Честно говоря, у каждого из присутствующих в этом крысятнике главных действующих лиц всевозможных травм и увечий хватило бы и на десятерых, наложенные жгуты и повязки впечатляли мало — эти декоративные бантики не для таких случаев.

А вот положение в этой крысятнической иерархии они занимали совершенно разное. То есть двое — один с замотанной бинтами востроносой головенкой и заляпанном кровью и еще какой-то дрянью несвежем костюме и второй, которому, судя по прибинтованной к туловищу правой руке, повезло вряд ли больше, допрашивали третьего, валяющегося на грязном бетонном полу каморки. Руки и ноги третьего были вполне профессионально стянуты за спиной наручниками, кроме того, он единственный в камере не был вооружен. У остальных оружие имелось. Кроме этих троих, в камере находился еще один человечек в грязном белом халатце, судя по всему, врач, с чемоданчиком, полным каких-то мерзко выглядящих и воняющих склянок. На полу уже валялись несколько пустых шприцев. Остальных присутствующих можно было смело не считать за людей, потому что на людей они походили так же мало, как мало походит на нормального сталкера или человека типичный «монолитовец», да еще и в костюме с экзоскелетом. С поправкой на время, разумеется. Этаких «монолитовцев» доисторического периода было двое.

— Да ничего он нам больше не скажет. — Востроносый сморщился от боли в разбитой губе, но все-таки раскурил сигарету. — Михаил Александрыч на него уже две упаковки амитал-натрия¹⁴ извел, а он все про какую-то Зону да Чернобыль, Валентина да Катерину, которая ушла к Саркофагу, другой бы на его месте давно окочился, у него же половина ребер наружу, из почек рассольник можно готовить плюс наркота... А он все живет... Псих, однозначно. Сначала называл себя сталкером, наверное, двинулся на почве фильма, хотя вроде бы взрослый мужик. Я бы лично такие фильмы запретил, а режиссера и авторов сценария отправил на собеседование с кем надо и куда надо. И бросились бы они после разговора по душам, исполненные священного вдохновения и страха, наперегонки сочинять гимны трудовому народу. А эти, нынешние, ничего и не умеют, кроме как сомнения сеять. Сказано же — сейте разумное, доброе, вечное, а они что сеют, паскуды? Только государственный семенной фонд и умеют на стороны разбазаривать. Вон у нашего-то клиента крыша и вовсе съехала. Ну, Доктор, конечно, его полечил немного, чтобы всякая херня не блазилась, он, голубчик, и заткнулся. Только иногда повторяет как заведенный:

¹⁴ Амитал натрия — успокаивающее и снотворное, 5-этил-5-изоамил-барбитурат натрия, производная барбитуровой кислоты.

«Четвертый энергоблок, 1986 года, 26 апреля, 1 час 24 минуты... Четвертый энергоблок, 1986 года, 26 апреля, 1 час 24 минуты...» Потом уходит в отруб и, как заведенный, по-новой: «Четвертый энергоблок 1986 года, 26 апреля 1 час 24 минуты...» Да пьяный он после того дерьма, которое ему наш лечила вколол, вдрабадан пьяный, чего ж тут непонятного? Его протрезвить сначала надо, а уж потом...

— Приказано доставить живым и невредимым в Киев этой же ночью. Так что гони через Горынь-Удрицк, Сорны, Коростень на Киев, к утру должны быть на месте, — наверное, уже не в первый раз, неодобрительно косясь на табачный дым, повторил второй. — Там разберутся. Да и штуковины при нем занятные найдены, сам же видел? А как он нас в машине приложил? Это что, тоже было временное помрачение рассудка? Это у троих-то здоровых тренированных мужиков сразу? А служебную «волжанку» во что превратил? Нет, ты мне скажи, ты видел когда-нибудь, чтобы двери по асфальту словно блины какие и двигун напрочь из амортизаторов вырвало, причем наружу. Сказано, в Центр, на изучение, значит, повезем в Центр. Хотя, конечно, тащиться ночью черт-те куда кому же захочется, но приказ есть приказ. Эх, да будь моя воля, я бы всех этих экстрасенсов...

— А если при попытке? — с надеждой прищурился первый. — Первый раз, что ли? Или вон лечила наш малахольный сейчас вкатит ему еще дозу, да с премиальной надбавкой, — и никакой попытки не надо, сам откинется! А штуковины сдадим, как положено, по описи... И вот еще, курил бы ты что-нибудь поприличней... А то аж тошнит от твоего «Беломора».

— Разговоры при исполнении, — раздался гулкий голос одного из «первомонолитовцев», подкрепленный взмахом «Каштана».¹⁵ — Берите этого придурка за руки за ноги и волоките в «уазик», в отделение, которое с решеткой, цацку ему его бросьте, ну, ту, которая в темноте светится, фонит, короче, а то он, может быть, без радиации сдохнет, я в одной книжке что-то похожее читал. А то и в самом деле жмура привезем, а начальство приказало, чтобы живым. И по возможности не покалеченным. А вы что натворили?

— А это он сам, — начал было «пиджак». — Кто ему велел сопротивляться аресту? Вот и досопровивлялся, так сказать. Да, чуть было не забыл, начальство приказало пса ему в попутчики, да выбирай, какого позлее, Агру, что ли, она уже месяц никого к себе не подпускает.

— Две «Волги» пойдут в сопровождении, поняли? — добавил тот, с «Каштаном». — И чтобы этот, как его, «сталкер», до самого Киева дожил! И не останавливаться, там, пива попить или отлить... Знаю я вас, полевых... Я, между прочим, за него головой отвечаю, а мне моя голова, в отличие от ваших дураловок, оч-чень даже дорога. Не довезем — приеду в Киев один. А как я отмажусь — это вам, ребята, будет уже без разницы. Все поняли? Если все — тогда подъем! А сейчас сверим часы, на всякий случай, товарищи. На моих 1:05. Ну вот, совсем другое дело! А то взялись мне тут разной херней маяться, поехали!

До взрыва оставалось меньше двадцати минут.

В тесную каморку, выгороженную в задней части милицейского «уазика» бросили бесчувственное тело Лешки-Звонаря. Следом швырнули заряженные уже на три бусинки «мамины бусы» — фонило теперь от них довольно сильно. Потом в раскрытую стальную дверцу впихнули огрызающийся комок ярости, зубов, лап и тупых собачьих когтей, который принялся немедленно обнюхивать то, что осталось от бронекомбинезона «СЕВА», потом еще раз обнюхал то, что осталось от самого Лешки, и вдруг неожиданно заскулил и стал царапать лапами запертую дверь. Но неизвестно чего испугавшегося пса уже никто не слышал.

Машины развернулись, разбрызгивая слегка подмерзшую весеннюю грязь с обочин так и недостроенной рокады, и пошли на Киев.

¹⁵ Пистолет-пулемет АЕК-919К «Каштан» разработан на Ковровском механическом заводе в середине 1990-х годов. Калибр — 9х18мм ПМ; вес — 1,65 кг; Длина (приклад сложен/раскрыт) — 325/485 мм; длина ствола — 167 мм; темп стрельбы — 900 выстрелов в минуту; емкость магазина — 20 или 30 патронов; эффективная дальность — 100 метров.

Как всегда в таких случаях, машины шли быстро, не останавливаясь. Навстречу по рокаде попадались какие-то воняющие соляровкой воинские колонны, послушно прижимающиеся к грязной обочине.

У КПП на выходе из запретной зоны их в который раз остановили для проверки документов, но стоило громиле с «Каштаном» только махнуть какой-то книжицей, как караул немедленно вытягивался во фрунт, даже и не подумав поинтересоваться, что везут, кого везут и куда везут. Надо — вот и везут. Видимо, не последним человеком здесь, в причернобылье, был этот великан в синем бронекомбинезе без знаков различия и с нештатным автоматом в руках.

Лешка-Звонарь валялся на рифленом полу автозака практически без одежды, на каждой колдобине его встряхивало, болели ребра и почки, но все это было, по сути дела, чепуха — «мамины бусы» понемногу останавливали кровотечение, сращивали мелкие сосуды, словом — лечили как могли. Пес, забившийся в другой угол того же автозака, тихонько скулил и никаких попыток напасть на полумертвого сталкера не делал. Похоже, пес не чувствовал в Лешке человека, которого нужно охранять, но и хозяина не чувствовал, существом-жертвой здесь тоже не пахло, и от этого псу, тренированному на людей, было страшно. Возможно, ему вспомнилась щенячья молодость, когда на улицах ночных городов отлавливали таких вот голенастых щенков, чтобы определить потом кого на шапку, кого медикам, а кого и на службу...

«Вот если бы у меня был «пузырь» или «светляк», или хотя бы «душа», — подумал Звонарь, — тогда было бы совсем другое дело. Через полчаса я был бы тощий, но здоровый и вполне пригодный к дальнейшему употреблению. — Но ни «пузыря», ни «светляка» не было. А «душа» осталась там, в схроне на берегу Припяти. — Но и этим, которые меня слепили, как слепого кутенка, им, паразитам, тоже досталось немного».

По правде говоря, ни черта им не досталось, кроме неработающего ПДА, в котором, кстати, как ни трудились поднятые по тревоге саперы, ни грамма взрывчатки не обнаружилось. Зато батарейка обнаружилась, «вечная», между прочим, только вот расковырять эту «вечную батарейку» до сих пор еще никому не удавалось, ни Сахарову, ни Лебедеву, ни спецам с Большой земли, а значит — этим и подавно не удастся. А если и удастся, то все остальное, как говорится, — судьба.

Оказывается, здесь существовали разные виды повозок — для людей, для не совсем людей и вовсе для нелюдей. Лешке-Звонарю довелось ехать в повозке второго типа. Кого они возят в третьем типе — не хотелось даже и думать. И странный этот дочернобыльский мир, мир до первой катастрофы, вдруг обернулся к сталкеру другой стороной — жуткой и неудобной, словно у ласкового весеннего вечера с маргаритками на клумбах и майскими жуками вокруг фонарей обнаружилась некая отвратительная изнанка. Грубая, ничем не прикидывающаяся, но целесообразная и эффективная во всем, и если те, кто командовал этой изнанкой, решали, что этой беззаботной весне с той стороны бытия следовало перестать быть, — то так и случилось. И вот с этими-то командирами изнанки Лешка ничего не мог поделать. Даже если бы с ним была вся его команда — Бей-Болт, Ведьмак, оперившийся к этому времени Берет, Мобила... Никто. И тогда Лешке стало страшно за Валентина, который ушел в этот мир, и, кажется, стало понятно, почему он ушел.

А ночь бежала огнями за решетчатыми окошками «уазика», переоборудованного под автозак, да, собственно, какая же это была ночь? Весна, а весной светает рано, так что в просветах решетки на фоне яблочно-зеленого неба то и дело мелькали верхушки деревьев, каких — сталкер разобрать не мог, плохо различал он породы немутировавших деревьев. А вот дорогу чувствовал хорошо, поэтому, когда колонна машин прошла Z-образный поворот за Радаром, понял, что сейчас они выскочат на Барьер, а дальше слева будут армейские склады, а прямо — Росток с его знаменитым на всю Зону баром «100 рентген». Только вот будет это ох как не скоро!

На «маминых бусах» затеплилась очередная бусинка. Теперь уже даже и без отобранных у Лешки часов становилось ясно, что до первой катастрофы осталось всего-ничего.

Лешка попытался сгруппироваться, только как сгруппируешься, если и руки, и ноги стянуты за спиной стальными браслетами — это у них называлось «ласточкой». Теперь он относился к захватившим его в плен существам так же, как к тварям Зоны, а может быть, даже и хуже, потому что твари Зоны просто убивают, как умеют, а этим убить мало — эти убивают не ради высшего знания и власти, даже не ради корысти. Они убивают ради Будущего, которое Звонарю, похоже, никак не могло прийти по душе! Во всяком случае, даже если судить тому немногому, что он о нем узнал.

И тут где-то позади несильно грохнуло, в решетчатые окна автозака брызнуло розоватым светом, машины пошли юзом, прижимаясь к обочине, послышалось мать-перемать, и сталкер понял: «Случилось. Вот оно, 25 апреля 1986 года 1 час 25 минут и уж неизвестно сколько там секунд...»

Во всяком случае, в этот миг прежний мир Припяти, с кинотеатрами, девушками в туфлях на шпильках, детскими площадками, очередями на квартиры, речными трамвайчиками, теплоходами «Ракета» и «Метеор» и прочей мирной ерундой — мир людей, — перестал существовать. А вместо него возник другой мир. С Саркофагом и Монолитом, с «каруселями», «жарками», «разломами», комплексными аномалиями, вольными сталкерами, «фанатиками», наемниками, кровососами, бюрерами, полтергейстами, химерами, стаями слепых собак, плотями, псевдогигантами, чернобыльскими псами, контролерами и навсегда мертвыми реками — вот этот мир стал быть.

И поделаться здесь уже было ничего нельзя.

От мощного выброса энергии из четвертого энергоблока ЧАЭС «маминь бусы» полностью зарядились и сработали, как им и полагалось, выбросив Лешку-Звонаря со всей компанией обратно в Зону. Ту самую, которая единственная оказалась настоящей.

На Барьере, как обычно, продолжалась свалка. Через Барьер шел мощный гон, и для того, чтобы остановить его или хотя бы проредить, сталкерские группировки на время забывали распри и плечом к плечу вставали на пути обезумевшего зверья, прущего из центра Зоны.

Шедшая впереди «Волга» с наспех перевязанными агентами налетела на бруствер, образовавшийся из трупов перебитой стаи слепых собак, и опрокинулась на бок. Двое агентов выпрыгнули из нее, грамотно, как на учениях, прикрывая один другого. Первый был немедленно разорван чернобыльским псом, вышедшим для такого случая из стеллса, второй прожил немного дольше, почти добежав до рухнувшего в подлеске вертолета, где его секунд десять крутила «карусель», разбрасывая окрест кровавые ошметки. Водитель «Волги» упал на дорогу, закрыв голову руками, и поэтому прожил еще несколько секунд. На него налетел чернобыльский кабан, поддел клыками и покатил по шоссе прямо в стаю слепых собак. Стая вскипела и, не обращая внимания на выстрелы сталкеров, принялась рвать свежее мясо, совершенно не пахнущее радиацией. Потом по тварям заработал тяжелый пулемет «долговцев», и гон на время захлебнулся.

«Уазик»-автозак свалился на бок и некоторое время ехал юзом, отвратительно визжа по растрескавшемуся бетону прогорающей дверцей. Приставленный к Звонарю пес был не переставая, к тому же в помещении автозака отвратительно воняло горелым металлом. Наконец машина уткнулась во что-то и встала. Чьи-то руки подняли ее на колеса, и из провонявшего псиной, мочой и горелым железом нутра вывалился известный всей Зоне Лешка-Звонарь собственной персоной. Вид у персоны был, прямо скажем, весьма и весьма нетоварный. Потом из глубины железного ящика вырвался воющий и рычащий клубок, который, не обращая внимания на все попытки его задержать, сразу рванул к Барьеру и вцепился в бороду матерого кровососа. Наконец-то Агра нашла себе достойного противника и расставаться с ним не желала ни при каких условиях. Впрочем, сталкерам было не до нее.

— Кто это тебя так? — спросил Берет, аккуратно отстреливая замки на наручниках, стягивающих руки и ноги Звонаря. — Неужто в «Монолите» был? И где вся твоя снаряга? А гитара?

Лешка лежал на спине и дышал. Единственное, что ему сейчас было надо, — это дышать. Руки и ноги понемногу отходили, минут через пять он уже мог ими шевелить, хотя и не очень целенаправленно, но ведь главное начать, правда?

— На вот, приложи к поясу, — раздался знакомый голос, и Лешка узнал Ведьмака. Под боком зашевелилось, запульсировало живое тело «светляка», и сталкер понял, что будет жить.

— Спасибо, Ведьмачина, — сказал он. — А эти где? Ну, те, которые из последней машины?

Замыкающая «Волга» развернулась с заносом, профессионально, шагах в трех от баррикады, видимых повреждений на ней не было, двери были распахнуты настежь, у передней валялся труп водителя с простреленной головой, опять же, очень аккуратно простреленной — в затылок.

— Ушли за Барьер, — махнул рукой Ведьмак, — вон они, еще видны, если приглядеться. Мы не стали стрелять, патронов и так мало осталось, а им все равно не жить. Либо твари Зоны прикончат — либо «монолитовцы» убьют.

Две мощные фигуры в синих комбинезонах уходили все дальше и дальше. И твари Зоны их не трогали, и стрельба «монолитовцев» вдруг почему-то стихла. В Зоне вообще редко бывает тихо, а тут — на тебе!

— Снайперку! — сказал Лешка страшным голосом. — Что-нибудь дальнобойное. И аптечку со стимуляторами. Коли все, что есть. Быстро... Уйдут.

В таких случаях в Зоне не спрашивают. В таких случаях — делают.

— В-94¹⁶ подойдет? — спросил Берет, подтаскивая почти двухметровую дуру с сошками. — Только патронов всего два. Звон, может, я? Я хорошо стреляю, а у тебя и так почти все ребра переломаны и ключица. Давай я?

— Коли стимуляторы, — вместо ответа скомандовал Звонарь и лег к прицелу.

Первого он достал меж камней, на грани зоны видимости, почувствовал, как 12,7-миллиметровая пуля ломает позвоночник, проходит насквозь, ударяется в камень и уже осколками гранита превращает в клочья то, что еще недавно было лицом.

Потом Звонарь отключился. Наверное, всего на долю секунды, пока второй тубик стимулятора не начал действовать.

Второй успел спрятаться среди тел накатывающегося со стороны Центра зверья. Но Лешка-Звонарь не зря теперь был человеком двух Чернобылей, каким-то новым чувством он отыскал среди маленьких мечущихся сознаний тварей Зоны, идущих на безнадежный штурм Барьера, уверенное сознание существа, идущего против потока, знающего, куда и зачем оно идет, и не боящегося ни пси-излучения Радара, ни фанатиков-«монолитовцев». Смерти это существо тоже не особенно боялось, и все-таки Лешка осторожно, как на учениях, потянул за спусковой крючок, и только когда понял, что попал, — позволил себе потерять сознание. Он бы мог достать этого гада и без винтовки, просто не догадывался.

9

¹⁶ 12,7-миллиметровая крупнокалиберная снайперская самозарядная винтовка В-94 под отечественный патрон 12,7x108, разработана КБ «Приборостроение» (КБП, г. Тула). Обеспечивает поражение защищенной живой силы, легкобронированной техники на стоянках, позволяет вести борьбу со снайперами противника, осуществлять контроль границ, оборону побережий от малых судов, подрыв морских мин. Мощный патрон калибра 12,7 мм позволяет поражать противника на дальности до 2000 м, оставаясь вне досягаемости прицельного огня стрелкового оружия обычных калибров. Основные характеристики: калибр — 12,7 мм; патрон — 12,7x108; масса — 11,7 кг; длина в боевом положении — 1700 мм; длина в слож. положении — 1100 мм; длина ствола — 1100 мм; начальная скорость пули — 900 м/с; скорострельность — 15–20 в/м; емкость магазина — 5 патронов; прицельная дальность — 2000 м.

— К Доктору тебе надо, вот что, — сказал Ведьмак, осматривая раны Звонаря. — К Болотному Доктору, а не на побережье, уж не знаю, какой-то такой редкий хабар ты там спрятал, но только не дойти тебе в таком виде. Хорошо хоть у меня «светляк» оказался, а не то остался бы от прежнего Лешки-Звонаря один звон, да и то вечерний. Да и в любом случае тебе костюмчик нужен какой-никакой, не голому же по Зоне шастать, тебя в таком виде любой встречный сталкер за шнорка примет или за кого похуже. Оружие, опять же... Ну, с оружием на Барьере проблем, к сожалению, никогда не было, так что выбирай на вкус, а вот приличный комбинезон можно либо на Ростке достать, либо «Долгу» кланяться, либо топтать на склады к «Свободе». И все это канителью и долго, а на обмен, как я понимаю, у нас ничего путного нет. Так что придется обойтись тем, что есть. Тут ребята вчера на схрон бандитский наткнулись, так там все, что тебе надо, имеется, только фасончик, сам понимаешь, не твой, плоховато еще у местных бандюков с чувством прекрасного.

— У меня тоже, — пробормотал Лешка.

— Что тоже? — удивился Ведьмак.

— Плоховато с чувством прекрасного, — пояснил Звонарь. — Так что показывай, что там у тебя есть.

Через час, облаченный в черную кожаную куртку-косуху и кожаные же штаны, утыканные дурацкими стальными заклепками где можно, а где и нельзя, в просвинцованном плаще с капюшоном, Лешка-Звонарь был готов пуститься в путь к берегу Припяти. К той самой затонувшей «Ракете», где отыскал, будь они неладны, «мамины бусы», к осокорю, под корнями которого оставил все свое снаряжение, а главное — гитару. С виду — типичный бандюк. С оружием вот только повезло. «Чейзер-13» — хорошая и надежная машина, как раз для таких инвалидов, каким сейчас стал Лешка-Звонарь.

— Слушай, — серьезно сказал Ведьмак, — я, пожалуй, с тобой пойду. Как же ты без меня, подумай сам? ПДА твой, судя по всему, остался вообще между этим миром и тем, так что, даже если отметка от твоего тайника сохранилась, то она уже ни для кого ничего не значит. Дорогу прокладывать придется вместе, одному тебе в таком состоянии просто не справиться, тебе еще неделю в норму приходиться, любой встречный-поперечный примет тебя за бандита, отбившегося от стаи, и шлепнет без лишних разговоров. Да и давненько я в тех краях не бывал, вдруг там что-то интересное обнаружится? В общем — хочешь ты или нет, а я с тобой. Ну, идем, что ли?

— Идем, — устало согласился Звонарь, уже привычно цепляя «мамины бусы» себе на шею и застегивая косуху.

Он и сам понимал, что одному ему скорее всего не дойти до разрушенного дебаркадера, с которого все и началось, и еще понимал, что идти надо, потому что некий круг должен быть совершен, замкнут, и только сделав это, он сможет вернуться к жизни вольного сталкера.

На этот раз они пошли, оставляя слева военные склады, обойдя по краю разлапистую радиационную аномалию, потом свернули влево от Темной долины. Они шли, не встречая почти никого — ни мутантов, ни людей, хотелось бы верить, что Зона от них устала и перестала обращать внимание. Здесь не было заметных аномалий, территория вокруг Припяти-реки казалась необжитой, стайки слепых собак каким-то невероятным чутьем, почувствовав в Лешке-Звонаре человека двух Чернобылей, старались держаться в стороне. А может быть, в этих краях мутантам просто хватало друг друга и у них установилось своеобразное экологическое равновесие. Так ведь всегда бывает, если в естественные процессы не вмешиваются люди. Звонарь с Ведьмаком не вмешивались. А на третий день перехода они наткнулись на свежую стоянку наемников и поняли, что наемники двигаются туда же, куда и они, — к старому дебаркадеру.

Перехватить двух опытных сталкеров в пойме реки непросто, поэтому ждать их лучше всего было там, куда они непременно придут. Откуда наемники узнали, что Звонарь понесет артефакт на старое место, так и останется тайной наемников — у них свои способы получать нужную информацию. Впрочем, возможно, кто-то из сталкеров случайно набрел на схрон с Лешкиной гитарой, взять не рискнул — убьет Звонарь за свой инструмент, из реактора

вылезет, из «карусели» вывернется, а накажет, — но кому надо стукнул. Неизвестно также, кто наемникам заказал Звонаря или артефакт или то и другое вместе. Ясно было только одно: наемников было шестеро — две боевые тройки, вооружены они были серьезно, двигались споро и целеустремленно. Так что схватки около затонувшей «Ракеты» было не миновать. И нетрудно было предугадать, чем эта схватка закончится.

— Вот что, — сказал Ведьмак. — Если мы выйдем прямо на твою стоянку, то перестреляют нас как пить дать. Шесть стволов против двух — такое только в компьютерных стрелялках бывает, да и там перезагрузка предусмотрена. А нам с тобой, брат-сталкер, никакой перезагрузки не полагается. Выйдем к Припяти ниже по течению, километрах в трех от твоего дебаркадера, встанем лагерем, переведем дух, а там, глядишь, появится Бакенщик. Может быть, согласится помочь. Ежели втроем, да с воды — глядишь, что-нибудь и получится.

— А моя гитара? — начал было Звонарь...

— Не нужна наемникам твоя гитара, — жестко ответил Ведьмак. — Им «бусы» нужны. И еще ты сам, потому что ты там побывал, понимаешь?

— Нет, — честно ответил Звонарь. — Я-то им на кой черт сдался?

— В качестве живого доказательства, что мир изменить можно, если очень постараться.

— Но ведь у меня ничего не получилось!

— А если за дело возьмется кто-то, у кого другие возможности, у которого все другое, кто-то, кто на самом деле давно рулит этим миром? Я не имею в виду Зоной, хотя он и Зоной старается рулить, так вот этот кто-то считает, что у него вполне может получиться. И всерьез намерен рискнуть. А для этого ему нужны «бусы» и доказательства, что они действуют. А добровольцы найдутся, вон у него целый «Монолит» добровольцев.

— А этот кто-то — он один или их много? — спросил Звонарь, понимая, что сморозил глупость.

— А ноосфера — это один или много? А если их несколько, этих ноосфер, — это тогда сколько «много»? Хватит, пожалуй, этой всей натурфилософии, ноосфера, к сожалению, почти всегда персонифицирована, — прервал разговор Ведьмак. — Давай выбираться к реке. Вечереет, может быть, Бакенщика встретим. Что-то мне совсем не хочется однажды оказаться в мире, который создадут существа, находящиеся в теплых отношениях с «монолитовцами», я в своем мире живу, и пусть он страшненький, этот мир, но он мой, я к нему привык и надеюсь изменить его к лучшему.

К вечеру они вышли к Припяти. Похоже, раньше здесь были покосы, множество брошенных тракторов и комбайнов усеивали пойму. Кое-где словно мамонты возвышались стога, к удивлению сталкеров совершенно нетронутые, словно и не прошла по ним ни первая, ни вторая катастрофы. И твари Зоны их почему-то не обожрали. Подойдя к одному из таких гигантов, сталкеры услышали странное копошение, видимо, в стогах кто-то жил. Тревожить жильцов ни Звонарь, ни Ведьмак не решились. Живут — и пускай себе живут, хорошо хоть наружу не лезут.

Довольно неплохо сохранившиеся строения, автопарки, ремонтные и заправочные станции смотрелись странно и мертво. Мутантов тут почти не водилось, разве что из зарослей ивы-неумирайки выскочила пара кабанов, да и то не столько с целью напасть, сколько напугать — видимо, там у них было лежбище с поросятами. Бухнул «Чейзер» Звонаря, мокро просвистела гурда Ведьмака, и все было кончено.

— Зря ты вылез со своей стрельбой, — недовольно буркнул Ведьмак. — Я бы их и один без шума положил.

— А если бы нет? — спросил Звонарь. — Если бы не положил?

— Вот тогда и стрелял бы, — огрызнулся Ведьмак. — А теперь вот жди гостей со всех волостей!

— С каких еще волостей? — удивился Звонарь. — Тут вроде, кроме нас, и нет никого.

— А вон посмотри, — махнул рукой Ведьмак. — Идут предьяву делать.

И точно, с недалекого хутора появилась цепочка разлапистых фигур в шароварах и высоких шапках и не торопясь, вразвалочку двинулась к сталкерам. На поясах у странных бандюков болтались сабли. Метрах в десяти от сталкеров процессия остановилась.

— Вы кто такие и что здесь делаете? — гаркнул увешанный оружием здоровяк, видимо, старший.

— Путники, — скромно представился Ведьмак. — Идем к Припяти, на омовение, кроме того, у нас там встреча.

— Вот и идите себе, — милостиво разрешил старший, — только оружие, снарягу и хабар оставьте здесь. За проход через земли атамана Корокатыци полагается платить пошлину. А то вы не знали? А в праздники — даже двойную.

— А что сегодня за праздник? — поинтересовался Звонарь.

— День Нэзалэжности, — серьезно ответил бугай. — У нас теперь каждый день праздник, потому как мы теперь каждый день нэзалэжные! Ба! Да ты не тот ли подлюка, который у честных людей ценную бранзулетку потибрил? Тогда тебя надо арестовывать и тащить прямиком к пану атаману, а уж он-то, милостивец, разберет, что с тобой делать. Потому как мы не какие-нибудь антиобщественные элементы, а натуральные самопровозглашенные чернобыльские казаки.

— Ничего я ни у кого не крал, — уперся Звонарь. — Пропустите нас к Припяти, и разойдемся, как мирные люди.

— Не, люди добрые, он таки ничего не понял, — обратился маленький усач к громиле. — Придется объяснить.

И потянул из ножен саблю.

И тут Звонарь увидел то, чего больше видеть не хотел бы никогда.

Ведьмак выступил вперед, его гурда вылетела из ножен мгновенно, так, что никто даже и сообразить ничего не смог. После чего Ведьмак пропал, словно кровосос, ушедший в стеллс. То есть он не совсем пропал, иногда он появлялся рядом с очередным самозванным казаком, возникал словно из воздуха, чтобы хлестнуть клинком и опять пропасть. Наконец он остановился. Казалось, с рук его до сих пор стекал какой-то кровавый мокрый свист. Медленно, словно еще не осознав собственную смерть, падали тела самозванных казаков, тяжело дышал Ведьмак, а у Звонаря почему-то болели руки, словно он только что перетаскал целую поленницу.

— Ты что, озверел? — только и смог он спросить у Ведьмака.

— Мастер меча всегда делает только один удар, сколько бы врагов его не окружало, — каким-то чужим голосом ответил Ведьмак.

Потом они долго молчали.

— Пошли отсюда, — наконец сказал Ведьмак, помолчал и добавил: — Я-то думал, мне это больше никогда не пригодится. Значит, ошибался.

10

Они вышли наконец к темной неласковой Припяти и даже развели небольшой костерок. Время Бакенщика еще не наступило, его время — темнота, а сейчас было светло, и в мутном небе над рекой только-только начали проступать первые, словно больные звезды. Кажется, река не хотела больше отражать небеса, как женщина, которая не хочет, чтобы ее больше любили, одевается в тусклые одежды и избегает отражаться в зеркалах. Наконец, стемнело и на серо-черной воде начали вспыхивать огни бакенов — красный-белый-зеленый-желтый-белый-белый-белый... Где-то вдалеке слышалось тарахтение старенького мотора, всхрипывание страшного чернобыльского пса, по своей привычке уютившегося на носу байды, но ни самого Бакенщика, ни его посуды видно не было. Потом на реку сполз густой желтоватый туман, так что огни бакенов сначала расплылись, а потом и вовсе растворились в нем, все цвета смешались, и река снова стала серой и неряшливой. А может, обманом был этот Бакенщик с его никому не нужными бакенами? Очередной аномалией, издевкой, шуткой Зоны...

Оставалось только ждать утра, чтобы отправиться к находящемуся километрах в трех вверх по течению дебаркадеру с притопленным корабликом на подводных крыльях, а там принять бой с двумя тройками самых отъявленных головорезов Зоны. Впрочем, ничего личного, заказчик всегда прав... Хотя если разобраться — вранье все это, и заказчик, бывает, ошибается, да еще как, и личного в наших поступках до фига, если не больше, только что об этом говорить?

«Мастер меча делает только один удар», — сказал Ведьмак, только не обязательно победный. Чаше бывает наоборот, а то всяческие мастера клинка и пули просто-напросто уничтожили бы этот мир. Впрочем, особого прока расстраиваться тоже не было. Ну и что, что завтра предстоит бой? Мало ли их, этих боев, довелось пережить и Звонарю, и Ведьмаку? А вот гитару было жалко. Что-то не доигранное осталось здесь, в Зоне, и от этого становилось стыдно, как от не отданного долга.

Утром они позавтракали хлебом и салом, добытым из казачьих котомок, и отправились вверх по реке. Что такое три километра для опытного сталкера? Полчаса небыстрым шагом, вот уже показались сгоревшие домики прибрежного поселка, а вот и сам дебаркадер с притопленной красавицей «Ракетой», вот он, знакомый осокорь, под которым Лешка припрятал амуницию и гитару, только встречающих что-то не было видно. И не слышно, кстати. Точнее, встречающие были, только не совсем те, кого ожидали увидеть Звонарь с Ведьмаком.

На единственной уцелевшей лавочке поселка сидела Катерина.

А у дебаркадера, словно челн легендарного викинга, была пришвартована байда Бакенщика.

— Ни фига себе! — только и смог сказать Ведьмак.

На Катерине было то самое светлое платье и босоножки на каблуке. И сама она была та самая «девочка с Кордона», вот только в лице что-то изменилось, не постарело лицо, просто за ним возникла некая глубина, нет, не глубина возраста, напротив, — это была глубина будущего, она чего-то ждала, ждала именно сейчас от Лешки-Звонаря. А Лешка стоял перед ней в своей дурацкой проклепанной косухе с «Чейзером 13» наперевес и никак не мог сообразить, что ему делать. Потом сообразил все-таки, отложил дробовик, расстегнул ворот косухи, выпростал нитку сияющих ровным молочным светом «маминых бус» и осторожно повесил на высокую, с ясной голубоватой жилкой шею.

— Вот теперь все, — сказал он.

— Спасибо, — засмеялась «девочка с Кордона».

— Жаль, что у меня ничего так и не получилось, — вздохнул Лешка. — Вечно у меня ничего не получается или получается что-нибудь не так...

— Но ведь ты пытался, — сказала она. — А это уже немало. А потом, если бы у тебя получилось, то не было бы ни меня, ни Валентина, ни тебя.

— Кто ты? — подумал он, потому что ему так показалось удобней. Слова мешали.

— Пока что не знаю, — честно ответила Катерина. — Наверное, какая-то часть того, что вы называете Зоной или ноосферой. Не самая несимпатичная, судя по тому, как ты на меня смотришь, есть и другие, пострашнее... Я рада тебе помочь и рада тебя видеть, но мне пора. И тебе тоже, вон Ведьмак уже весь извелся, а все делает вид, что ничего особенного не происходит, так ведь, посаженный отец?

Ведьмак буркнул что-то невразумительное, помялся, потом подошел и сказал:

— Ну что, больше, наверное, и не увидимся, правда ведь, дочка?

— Кто знает? — засмеялась Катерина, шагнула в сторону и пропала.

— Эй! — донеслось с дебаркадера. — А меня, стало быть, тут никто вообще в упор не видит?

— А где ты был, когда тебя ждали? — невежливо спросил Ведьмак. — И, кстати, куда ты подевал этих... шестерых?

— Вас, дураков, спасал. Я вот что подумал, — серьезно сказал Бакенщик, — работа у меня тяжелая, ответственная, хозяйство большое, мотор старый, латаный-перелатанный, так почему бы мне не обзавестись бесплатными работниками? Грести они, правда, покамест

толком еще не умеют, но это ничего, на этот случай у меня хороший учитель имеется. И позвал: — Казбек!

Лютая чернобыльская тварь словно материализовалась на носу лайбы, повела красными глазами, и шестеро обтянутых синими комбинезонами спин вздрогнули и напряглись в ожидании приказа.

— Стрелялки ихние я утопил, на случай чего, — сообщил Бакенщик, — так что можете не искать. А то, что ваше, — оставил в целости и сохранности, да еще и от себя кое-что прибавил. А то ты, Звонарь, и не дойти можешь до своего любимого бара «100 рентген». Мы ведь теперь с тобой вроде как братья, оба и в старом Чернобыле, и в новом побывали. Ну, бывайте, еще свидимся, сталкеры!

И скомандовал бывшим наемникам:

— А ну, немочь бледная, весла на воду!

Лобастая тварь на носу тихо рявкнула, лопасти весел не в такт упали на воду и задвигались, оставляя на груди Припяти маленькие вытянутые эллипсы со светящимися водоворотами внутри, а байда понемногу втянулась в туман и пропала в нем, а потом туман начал рассеиваться, а когда наконец рассеялся, на реке остались тихо горящие огни бакенов. Красный, зеленый, белый, желтый, белый, белый, белый...

«Мамины бусы», — тихо сказал Ведьмак.

Под старым, изуродованном выбросами и радиацией осокорем обнаружили Лешкины пожитки в целости и сохранности. Поверх лежал редчайший артефакт «пузырь» — подарок Бакенщика. За «пузырь» у Сидоровича, да что там у Сидоровича, у любого барыги Зоны можно было требовать все что угодно, разве что мертвого не мог воскресить этот невзрачный с виду комочек слизи. И когда Звонарь только прикоснулся к нему кончиками пальцев, «пузырь» сам всосался в его израненное тело, после чего Лешка заснул и проспал целые сутки. И проснулся совершенно здоровым, только заново отросшие зубы зудели да жрать хотелось немилосердно.

Ни Катерины, ни Бакенщика на берегу, конечно, не было.

Зато был Ведьмак, поджаривающий упитанного чернобыльского поросенка, насадив его на лезвие своей гурды. То, что у поросенка уже пробивались две пары маленьких симпатичных рожек, сталкера, похоже, совершенно не смущало.

— Позавтракаем — и домой! — сказал Ведьмак. — А то ты после лечения какой-то уж больно тощий стал.

— Куда домой? — спросил Звонарь.

— Что-что, а уж дом-то мы с тобой сразу узнаем! — подмигнул ему Ведьмак. — Так что нечего расслаживаться, вперед!

— Только помни, Звонарь, — сказал Ведьмак, когда они шли через простреленную кипящими гейзерами раскаленную пустошь, — герой остается героем только пока не отыщет свой дом. Вспомни Одиссея, сына Лаэрта... Хотя откуда бы тебе его помнить!

— А другие варианты имеются? — серьезно спросил Лешка-Звонарь, перекидывая гитару на грудь.

— Имеются, — ответил Ведьмак. — Это когда герой умирает.

— Ну, тогда уж точно я в герои ни ногой, — засмеялся Звонарь. — Да и какой герой может получиться из бродячего музыканта?

— Это точно, никакой, — подтвердил Ведьмак. — А вот и Росток показался. Завернем на огонек, что ли? Интересно, готовит еще Тедди свой «флогистон» или нет?

— А то! — согласился Лешка. — Давненько я не играл ничего для тамошней публики. А играть надо, а то публика тебя забудет.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. БЛЮЗ «100 РЕНТГЕН»

*Блюз «100 рентген»,
Блюз «100 рентген»,*

*Нет дороги назад,
Так держись, старый хрен,
Твои руки в ожогах,
Твое сердце в пыли,
Но лучше Зона снаружи,
Чем Зона внутри.*

*Когда весь мир ослепила
Золотая зола,
Когда героев рожать
Перестала Земля,
Мы сберегли свои души,
Мы в Зону ушли,
Ведь лучше Зона снаружи,
Чем Зона внутри.*

*Блюз «100 рентген»,
Блюз «100 рентген»,
Ты за счастьем пришел,
Так шевелись, старый хрен,
Смотри, летят вертолеты,
И, похоже, ты влип,
Но лучше Зона снаружи,
Чем Зона внутри.*

*Пусть чернобыльский пес
Тихо хнычет в ночи,
Путь пульсирует «гравитации»
И «электры» скворчит,
Мы сберегли свои души,
Когда в Зону ушли,
Ведь лучше Зона снаружи,
Чем Зона внутри.*

*Блюз «100 рентген»,
Блюз «100 рентген»,
Ты за свободой пришел,
Так бери, старый хрен,
У Зоны жесткие руки
И яростный лик,
Но лучше Зона снаружи,
Чем Зона внутри.*

*Блюз «100 рентген»,
Блюз «100 рентген»...*

Лешка-Звонарь. Блюз «100 рентген». Первый вариант.

1

Это последняя история о Лешке-Звонаре, история немного сентиментальная и печальная, как и большинство историй о музыкантах, пьяницах и поэтах. Если ты сталкер, то где-нибудь в кармане твоего комбинезона уж точно лежит флешка с его песнями. И даже

если ты не сталкер, а просто когда-то бывал в Зоне, даже если ты был наемником и сам охотился на сталкеров, то наверняка слышал его «Мутанта», про то, как «маленькая девочка родила мутанта...». А еще — «Гадину», «Перелетный блюз», «Скафандр на двоих», «Пьяного зомби», «Девочку на Кордоне», «Простую балладу» и, конечно же, блюз «100 рентген». Бар так называется, говоришь? Правильно, сынок, именно так бар и называется, «100 рентген», только в песне речь идет не об этом... Впрочем, о чем там идет речь, ты и сам хорошо знаешь, чего там рассказывать. Существует несколько вариантов этой песни, в том числе и не слишком пристойных, так что при случае тебе есть из чего выбрать. Сталкеры, они, как известно, существа грубые, но нежные, ранимые, но суровые. Вот и Лешка-Звонарь не был исключением.

Когда бандюки отобрали у него гитару, надо сказать, не в форме был Лешка, и очень даже не в форме. Музыкант, после того, как очухался, естественно, извлек из тайника старенькую «Гадюку» и в одиночку, имея всего два запасных рожка, положил всю банду, засевшую на старой насосной станции в районе Болот, включая ее главаря Фиксатого.

И по Зоне он ходил в одиночку или с другим чудиком, которого звали Ведьмак, но чаще все-таки один. Бывало, прибьется к какой-нибудь команде, дойдет с ними до одному ему ведомого пункта, а потом сгинет. В лес уйдет или еще куда-нибудь. И нет его несколько суток, а то и неделю. А потом зайдешь в «100 рентген», а он в углу сидит себе, струны перебирает, и рожа конопатая довольная такая. Значит, вернулся с хабаром или с новой песней. Так он сочинил «Неперелетный блюз». Вернулся он тогда без хабара, но живым, только руки сильно тряслись, так что потребовалось два или три стопаря, чтобы он смог взять гитару и изобразить что-нибудь вразумительное.

В Зоне ведь немного летающих тварей. Если, конечно, таковыми не считать боевые вертолеты и ворон. И хорошо, что немного. Тут и от нелетающих-то иногда отбиться трудно, а уж если бы, скажем, кровососы еще и летать умели, тогда и вовсе пиши пропало. Однако в лесах и на болотах полным-полно всякой мелкой и крупной живности, которая некогда была летучей. Но каждой осенью через гиблое небо Зоны на благословенный юг тянутся стаи перелетных птиц. Летят, курлычут, не ведая, что их собратья изменились и жуткие звуки, доносящиеся с земли, и есть ответ на их курлыканье.

Октябрьским вечером Лешка-Звонарь двигался по дороге к военным складам, где в те времена понемногу обживалась группировка «Свобода». В этот раз он прошел через Барьер и двинулся бы дальше, только «антирад» кончился, да и «монолитовцы» лютовали. Так что пришлось возвращаться пустым.

Лешке нравилось бывать в гостях у «Свободы», хотя вступать в группировку он не собирался. Он вообще не любил группировки.

Кроме того, он подозревал, что ни «Долг», ни «Свобода» нигде, кроме как в Зоне, существовать не могут, притянула их Зона навсегда. И его, Лешку-Звонаря, тоже притянула, только вот ходить он хотел там, где ему нравится, и идеями о спасении мира от Зоны или, наоборот, об ее уничтожении больше забивать голову не желал. В Зоне было страшно, но там, снаружи, бывало еще страшнее, уж кто-кто, а он-то это знал доподлинно, ведь и там, и здесь побывал.

Когда он проходил мимо болотца, что неподалеку от складов, в темнеющем небе появилась стая журавлей. Они летели клином, и клин этот снижался, явно намереваясь заночевать на таком удобном с виду болотце. Однако, снизившись, птицы почувствовали что-то неладное, и клин, ненадолго смешавшись в стаю, с курлыканьем стал набирать высоту. И тут в болоте что-то тяжело плеснуло, и десяток темных тварей, расплескивая уродливыми крыльями радиоактивную жижу, взлетели, чтобы догнать бывших сородичей. Зачем — трудно было сказать, может быть, чтобы сожрать, а может, древний перелетный инстинкт тоже погнал их на юг. Они взлетали неумело, как-то косо, совсем не так, как взлетают птицы, но быстро осваивались в воздухе и, сбившись в постоянно ломающуюся, тяжело хлопающую крыльями ленту, пустились догонять улетающий клин.

Лешка не сразу сообразил, что стреляет. Одна из тварей шарахнулась в его сторону, распахнув зубастую пасть, нарвалась на очередь и рухнула на растрескавшийся асфальт,

царапая его острыми перьями. Остальные догнали стаю и принялись за охоту. Должно быть, они владели каким-то хитрым приемом, может быть, телепатически воздействовали на несчастных птиц, а может быть, просто давили ультразвуком, но журавли один за другим падали, становясь добычей бывших сородичей. На сторожевой вышке вспыхнул прожектор, потом с нее же ударил пулемет, кромсая и мутантов, и журавлей. Через несколько минут все было кончено.

Остатки рваного клина уходили на юг, подальше от Зоны, чтобы навсегда вычеркнуть этот проклятый край из своих вековых маршрутов.

Храни Господь летящих над Зоной.

Через полчаса Лешка сидел у костра неподалеку от вышки связи, пил вместе со всеми водку, но петь наотрез отказывался, горло перехватило. Потом в каптерке, с пьяницей-поваром, они говорили о чем-то долго, убедительно и бессвязно, потом уснули, а на другой день, уже в баре «100 рентген» Лешка исполнил свой «Неперелетный блюз».

*Октябрьский вечер. Холодно. Дрожится.
Тускнеет Зона, дело ближе к ночи.
И небеса прострочены, как джинсы,
Крупнокалиберной двухтактной строчкой.
Вот вертолет качнул граненой мордой
И отвалил, взревев предсмертным басом.
На остановке пьяный или мертвый,
И кажется, что пахнет старым мясом.
Еще знобит, но, слава богу, меньше,
Спиртное кончилось, так хоть стрельба согрела.
Мне б женщину... Но в Зоне нету женщин.
И нет детей, им нечего здесь делать.
Зато здесь умереть чертовски просто.
И этой ночью, гулкой и осенней,
Я на забытом Богом Перекрестке
Пытаюсь рассуждать о милосердии.
Но некогда, и я опять стреляю,
Слепые псы выходят на дорогу,
Похоже, Бог меня не понимает,
А может, я не понимаю Бога...
Сменю рожок и зашагаю дальше,
Свинцовый плащ запахивая плотно.
Храни Господь над Зоной летящих
И не забудь о нас — неперелетных.¹⁷*

Сесть ему на хвост пытались, и не однажды, только каждый раз что-то случалось. То гравитационная аномалия ни с того ни с сего флуктуировать начинала, хотя и не положено ей сразу после выброса-то, то собачья стая путь перекрывала, то еще что-нибудь.

Замечено было, что пси-излучение на него не действует. То есть действует, но только когда он не играет, а как заиграет — так и пройти может там, где больше никому хода нет. И если идти за ним след в след, не отставая, то тоже пройти можно. Только договариваться надо, а договориться с Лешкой-Звонарем было непросто. Хотя можно было. Очень он блюз любил и гитаристов хороших, так что если у вас найдется флешка или диск с записями, скажем, Stevie Ray Vaughan, Snowy White или хотя бы Эрика Кlapтона, то считайте, что и договорились.

А вот с бандюками Лешка ладил плохо. И шансон их блатной терпеть не мог, «Гули-гули» всякие да «Централы». Называл блатные песни неприличными словами, и даже

¹⁷ Лешка-Звонарь, «Неперелетный блюз», альбом «Вкус полыни».

колбасило его, как нормального человека в аномалии «пси-поле», если что-нибудь подобное слышал хотя бы издалека.

Всем известна история его недолгой и не слишком счастливой семейной жизни. Пастыри Зоны, которых яйцеголовые научники именуют парой маловнятных слов «разумная ноосфера», нашли ему женщину, они же сделали его сына за год почти взрослым юношей и послали в Большой мир, откуда тот так и не вернулся. Зачем послали — одним им, точнее, ноосфере, и ведомо. Жена Звонаря, Катерина, сначала ушла от сталкера к Болотному Доктору, а потом и от Доктора ушла. Отправилась к центру Зоны, да там и сгинула. Хотя говорят, не совсем напрочь сгинула, потому что по всему обжитому пространству Зоны поползли слухи о женщине, спасающей сталкеров, попавших в ловушки, да только не очень-то в это верится. Звонаря ведь эта женщина в конце концов так и не спасла. Не сумела или не захотела. А может, его-то как раз и не могла. Хотя, впрочем, что и говорить, отличала Зона Лешку-Звонаря от прочих сталкеров, отличала и по-своему хранила, хотя порой в такие места забрасывала, о которых обычному сталкеру лучше и не знать. И с Бакенщиком сводила не раз, да и с Катериной, по слухам, он все-таки встречался, хотя никто не мог сказать, кем теперь стала тоненькая хрупкая «девочка с Кордона». Рассказывают, что даже в старой, той еще, которая до первой катастрофы, Припяти и то доводилось Звонарю побывать, и не только побывать, но и попытаться спасти город, да только мало ли какие байки рассказывают у сталкерских костров глухими черныбыльскими ночами...

Старые сталкеры говорят, что Зона выбирает лучших и убивает худших, только это неправда, Зона не разбирает, она рано или поздно забирает всех, всех растворяет в себе, а уж кому суждено стать зомби, кому кровососом, кому бюрером, кому контролером — вот это, наверное, зависит от человека. Кем стал Звонарь — неведомо, только иногда в сталкерских ПДА слышатся блюзовые аккорды и хрипловатый голос, напевающий что-то очень знакомое, жаль слов иногда не разобрать, но скорее всего это просто флуктуации ноосферы. Хотя у Зоны много голосов, но хочется верить, что среди них существует хоть один человеческий и это голос Лешки-Звонаря. А насчет флуктуаций ноосферы — так все мы в некотором роде эти самые флуктуации, чего уж там стесняться-то. Может, и стал Леша-Звонарь человеческим голосом Зоны, кто знает? В Зоне возможно все — и невозможно тоже. Поэтому вспомним Звонаря, и где бы мы ни находились, на давным-давно обжитом Кордоне, где правит старый байбак Сидорович, в пустом и золотистом, как ореховая скорлупа, Лиманске, где тени фортепьянных арпеджио до сих пор гуляют по пустым улицам, в бесприютной Припяти, на «Янтаре», железнодорожном разъезде или в усеянном ржавыми тушами мертвых сухогрузов Затоне — выпьем за него и за его песни. Тем более что из Зоны ни диски, ни флешки с Лешкиными записями никому еще вынести не удавалось, хотя сулили за них в Большом мире очень приличные деньги. Как же, натуральный бард Зоны, живой звук, никакой фанеры, жизнь на краю жизни, адреналин и все такое. Девочки будут колготки на себе рвать от восторга. Только Зона баба злая и ревнивая, ничего из того, что ей по-настоящему любо, отдавать не хочет, поэтому так ни одной записи наружу и не попало. Пусто было на вынесенных из Зоны флешках и лазерных дисках. Артефакты Зона выпускала, а вот песни о себе — нет. Может быть, этой самой ноосфере песни были дороже артефактов? Артефакты она творит на раз, а вот с песнями не получается...

Так что, братья-сталкеры, выпьем за Звонаря и его блюзы и баллады. Выпьем и вспомним.

2

Трое сталкеров, Берет, Васька-Мобила и прибившийся к ним Бадбой, дежурили у Барьера, вместе с бойцами группировки «Свобода», методично отстреливая накатывающихся волна за волной мутантов. Гон на этот раз оказался слабеньким, мутанты были в основном несерьезные, вялые, все больше слепые собаки да псевдоплоти, но попадались и черныбыльские псы и кровососы, и даже один псевдогигант притопап. С последним пришлось помучаться, псевдогигант тварь тупая, но здоровенная до безобразия, шкура у нее

не хуже кевларовой брони, а вдобавок этот кусок дурного агрессивного мяса еще и невероятно быстро регенерирует. Автоматные пули псевдогиганта не берут, гранаты тоже, а противотанковых орудий в Зону как-то не завезли, пожадничали, наверное. Но реактивный огнемет «Шмель», который «свободовцы» приволокли с военных складов, не подкачал, хотя горящая тварь сразу и не сдохла, а ломанулась прямо на баррикаду, прорвала ее, покалечив троих бойцов, после чего рухнула на дорогу и чадно горела, не переставая при этом корчиться и выть на всю округу. Потом, конечно, догорела и затихла. Внезапно наступило затишье, мутанты куда-то подевались, только псевдогигант вздрагивал и чадил за спинами бойцов, остальные твари пропали, как сгинули. И вот тогда на опустевшей дороге, ведущей от Радара, появился хорошо известный всем сталкерам Зоны Лешка-Звонарь. Ни мутанты, ни понатыканные по всей дороге патрули «Монолита» его, похоже, совершенно не волновали, а мучило его тривиальное похмелье, о наличии которого он сразу и сообщил оцепеневшим от удивления сталкерам. Почему уважаемый сталкер выглядел как непохмеленный вешняковский алкаш, в общем-то понятно, «антирад» кончился, так что пришлось прибегнуть к старинному, многожды проверенному средству от радиации, а именно — водке. А вот как он попал за Барьер, почему его не сожрали местные твари и не пристрелили фанатики из «Монолита» — оставалось неясным. Впрочем, расспрашивать Лешку об этом было занятием бесперспективным — все равно не скажет. Звонарь и раньше-то ходил где хотел, и в основном в одиночку, а когда потерял семью да нашел «мамины бусы» и сходил в старую Припять, так и вовсе отгородился от прочих сталкеров, разве что Ведьмак его мог разговорить, да и то не всегда. И песни свои петь перестал. Иногда напивался до просветления и играл в баре «100 рентген» что-то непонятное, не то плакал, не то грозил, не то молился, не то спорил с кем-то музыкой своей, аж страшно становилось его слушать. А потом, когда трезвел, — снова затаривался патронами и фуражом и уходил в глубь Зоны. Может, Катерину свою искал, может, смерть, а может еще чего — кто его знает. А спросить нельзя. Не принято в таких случаях спрашивать.

Берет, Мобила и Бадбой были с Лешкой не так чтобы накоротке, но все-таки знакомы, вот он и направился к их костерку — похмелиться и передохнуть, прежде чем дальше топать.

Похмелился. А когда Берет, видя, что боец из Лешки, почитай, никакой, посоветовал тому полежать в тенечке и отдохнуть, а то сейчас снова монстры попрут, Звонарь махнул рукой в сторону Барьера и сказал, что цирк на сегодня отменяется, монстров не будет, потому что Радар скис и вышедшие из-под контроля мутанты насмерть сцепились с вышедшими из-под контроля «монолитовцами». Так что можно ни о чем особенно не беспокоиться, а преспокойно выпить еще по граммульке, а потом поспать часиков этак десять. Что и сделал немедленно, то есть выпил и завалился спать в кузове побитого пулями автобуса-«пазика». А сталкеры задумались.

Почему сдох Радар, спорить можно было до бесконечности, впрочем, любая железяка рано или поздно ломается, и, чтобы починить ее, требуются время, запчасти и специалисты. Во вранье Лешка раньше замечен не был, да и с какой такой стати ему было врать? А вот случай такой упускать было нельзя. Потому что там, за Радаром, начинались места, в которые редко кто хаживал, по слухам, там прямо под ногами грудями валялись неслыханной силы и стоимости артефакты, где-то там билось жестокое к одним и щедрое к другим сердце Зоны, и к нему, к этому сердцу, стремился каждый уважающий себя сталкер. Зачем? А зачем, к примеру, люди лезут в горы? Какого рожна, скажите, им понадобилось в космосе? Вот за тем самым и именно такого рожна! Чем Зона не космос?

В общем, сталкеры подхватились, проверили снаряжение, добрали боезапаса, да и двинулись за Барьер. «За зипунами», — как сказал начитанный Берет. Лишних брать не стали, пошли втроем, слаженной и обстрелянной командой, все ребята с Кордона, воспитанники недавно пропавшего Бей-Болта: Берет и Васька-Мобила. Бадбой, правда, прибил к команде попозже, но Бей-Болта заочно боготворил. А потом, когда несколько часов на дороге к Радару не появилось ни одного мутанта, тогда и остальные сообразили что к чему, и за троицей потянулись и другие команды. «Долг», «Свобода», даже бандюки и те подтянулись.

Фонило на дороге все-таки здорово, счетчик Гейгера трещал, как влюбленный сверчок, но идти, однако же, было можно, тем более что «антирадом» запаслись по самые ноздри, да и водки в рюкзаках было аж по шесть бутылок у каждого. Ни кабанов, ни чернобыльских псов, ни контролеров на покрытой выбоинами бетонной дороге не было, живых, разумеется, — не соврал Звонарь. Где-то впереди слышался рваный треск автоматов, уханье гранат и какие-то непонятного происхождения звонкие щелчки, словно лопались металлические мембраны старинных телефонов. Потом стали попадаться трупы. Трупов было много, в основном мутанты вперемежку с «монолитовцами», изредка попадались свободные сталкеры, но таких были единицы, и бог весть как они сюда попали. Судя по всему, грызня здесь шла нешуточная. Волна мутантов, раньше отклоняемая от территории, занятой «монолитовцами», пси-излучением Радара, покатила назад, когда Радар скис, и схлестнулась с фанатиками, которые перед смертью перестали быть фанатиками и не смогли правильно сориентироваться, а значит, почти все, кто оказался на пути повернутого вспять гона, умерли. А оставшиеся в живых держали оборону, пока основные силы «Монолита» уходили в подземелья.

Сталкеры дошли до того места, где дорога делала зигзагообразный поворот. Слева, там, где в небо вздымались решетчатые лопухи антенн, за вытянутыми и разорванными прорвавшимися на территорию Радара тварями Зоны спиралью Бруно, за поваленным сетчатым забором, стреляли и кричали зло и тонко, сорванными голосами, а потом снова и снова стреляли. Потом стволы перегревались, и стрельба прекращалась, слышались только хрипы «монолитовцев» да хряск ломаемых прикладами позвоночников чернобыльских тварей. Идти туда было бы самоубийством, и сталкеры свернули направо, надеясь выйти к Припяти другой дорогой.

Сталкеры прошли вдоль железнодорожных путей, по насыпи над полузасыпанным тоннелем. Колочая проволока и здесь была смята, на этот раз обезумевшими от потери вожakov стаями слепых собак. Некоторые из тварей были еще живы и, издыхая на шипах, скулили жалобно, словно обыкновенные псы. Не растерявший еще юношеской дурости Бадбой хотел было перестрелять их из своего раритетного револьвера, чтобы не мучились, но покалеченных псов было слишком много, сталкер понял, что на всех патронов не хватит, и одумался. И правильно сделал, потому что патроны скоро понадобятся, чтобы стрелять по живым собакам, и зря Берет всю дорогу до поворота посмеивался над старомодным Бадбоевым револьвером, пушка оказалась что надо — сплюсцивающаяся крупнокалиберная пуля рвала чернобыльского пса пополам, сажала на задницу матерого кабана-мутанта, да жаль мало было патронов — один барабан всего и остался. Но Бадбой, не обращая внимания на матерный хрип Берета, вскарабкался на сторожевую вышку, с которой свешивался обглоданный труп «монолитовца», и вернулся с ручным пулеметом Дегтярева. Вот уж воистину тощим мужчинам нравятся большие пушки и крупные женщины!

А потом они долго прятались от прорвавшихся через проволочное ограждение слепых псов в каком-то боксе. Внутри бетонного бокса стоя слепых собак, направляемая лобастым чернобыльским псом-контролером, в ключья рвала матерого кровососа. Сталкеры удачно положили в три ствола почти уже загрызенного взбесившимися тварями кровососа, стаю и пса тоже положили, хотя в конце концов ручной пулемет заклинило. Тощий сталкер ткнул раскаленным стволом в пасть чернобыльского пса, и пока зверюга давилась сталью, разнес в ключья лобастую башку из своей пушки, потратив три патрона из последних шести.

Стальные ворота в бокс запирались байонетными замками, да еще удачно найденный обрезок рельса ловко лег в приваренные к стальной раме скобы, так что взять сталкеров теперь было непросто. Под самым потолком над воротами тянулся ряд узких горизонтальных вентиляционных щелей, забранных частой сеткой, да толку-то от них было — не амбразуры же! А снаружи были и бесновались твари Чернобыля. То один, то другой слепой пес с размаху бился изъязвленным телом в стальные створки, грохотало, раздавался жалобный визг, потом все повторялось снова и снова. Сталкеры соорудили из подручного хлама что-то вроде лесов, чтобы расстрелять тварей через щели — не вечно же здесь сидеть, но это не понадобилось. К вечеру они услышали басовитое чавканье лопастей тяжелых

вертолетов, слитный рев тридцатимиллиметровых пушек, а потом шипение и жирный треск, какой бывает, когда по площадям работают напалмом. Щели над воротами налились багровым жаром, потянуло бензиновой и еще черт знает какой гарью, но бокс находился в стороне от дороги, и их не задело. Потом все стихло, только страшно трещали горящие деревья и гулко лопались цистерны на железнодорожных путях — горел лес вокруг Радара, горели вагоны на дороге — горело все. Неожиданно хлынул какой-то невероятный ливень, так что в бокс устремились потоки мутной, пахнувшей гарью горячей воды, а в верхние окна-амбразуры повалили клубы вонючего пара. Но и ливень кончился. Сталкеры ждали, потому что с территории Радара снова слышались выстрелы и голоса. Кто-то все-таки выжил в этом огненно-водяном аду, переждал в подземных бункерах-убежищах и теперь выполз на волю. Потом снова прилетели вертолеты, но на этот раз бомбить и стрелять не стали, а судя по звуку, приземлились и высадили десант. Через полчаса раздалось хлопанье запущенного дизель-генератора, по потолку бокса заскакали синие сполохи от электросварки, и снова пришлось ждать.

Радар чинили. Наконец вертолеты снялись и улетели, а Радар снова заработал, хотя и не в полную силу, с перебоями, но заработал же! И мир в глазах стал мигать, проваливаясь в черно-белое, но они уже успели выбраться из бункера и уйти достаточно далеко, чтобы собраться с силами и бежать к реке, покуда этих самых сил хватило. Излучение Радара вновь обрушилось на дорогу к городу Припять, и чернобыльские твари снова поперли туда, куда им и полагалось переть, — на Барьер. А сталкеры пошли дальше, по железнодорожной насыпи, огибая недоступную Припять по широкой дуге, оставляя Радар слева в стороне. Вертолеты сработали аккуратно, выжгли часть леса по ту сторону дороги, там еще что-то горело чадно и жарко, залили напалмом подъездные пути к Радару, и теперь внизу, под насыпью, маячили бархатистые, словно нарочно покрашенные тепловозы, решетчатые скелеты товарных вагонов и вздутые, похожие на обугленные лопнувшие сардельки нефтяные цистерны. А на территории Радара сустились выползшие из подземных щелей «монолитовцы». Осмысленно сустились — чинили изгородь, растаскивали дымящиеся груды разнообразного мусора, оставшегося после пожара, убирали обгорелые трупы — в общем, наводили порядок. На бархатных от копоти стальных вышках с прогоревшими настилами снова появились снайперы и пулеметчики. Радар восстанавливался с пугающей скоростью.

И тогда сталкеры поняли, что назад дороги нет, а значит, надо идти вперед, они пошли и шли, пока слева в сизом мареве вечного дождя снова не открылась шершавая от пепла река Припять. Но и на Припять дороги не было, и трое вооруженных, усталых уже до безразличия людей спустились в неглубокую ложину, по дну которой добрались до щитовых металлических ворот с жизнерадостными гипсовыми, крашенными серебрянкой пионером и пионеркой, салютующими Зоне с невысоких бетонных постаментов.

3

— А ну стоять, уроды! — раздался чей-то полужнакомый голос из-за крашенной той же серебрянкой ограды. — Стоять, песьи дети! А ну-ка валите отсюда, пока целы! Кому я сказал, живо!

В подтверждение этих слов за забором отчетливо хлопнуло, и у ног идущего впереди Берета недвусмысленно взметнулся фонтанчик песка.

— Пойдете дальше — стану бить на поражение, — предупредил тот же голос. — Сначала по предплечьям, потом по коленям. Назад, говорю, черти чернобыльские! Нельзя сюда, сдохнете ни за что! Гиблое это место!

Сталкеры остановились. Точнее, остановились Берет с Мобилой, а вот недисциплинированный Бадбой отвалил куда-то в сторону и, как полагается истинному черту чернобыльскому, сгинул.

Между тем невидимый стрелок, не жалея патронов, прочертил перед сталкерами пунктир, который, по его мнению, переступать ни в коем случае не следовало.

— Из «винтореза» стреляет, — прокомментировал Мобила. — И, надо сказать, довольно метко.

— А голосок-то я этот уже где-то слышал, в детстве что ли? — спросил сам себя Берет. — И звук выстрела какой-то уж больно знакомый. Тебе не кажется, Мобила?

— Факт, — подтвердил Мобила. — Голосок тот еще, раз услышишь — до самой смерти не забудешь. Сдается мне, что старина Бей-Болт это собственной персоной. Только странный какой-то он нынче. Может, траванулся чем, а может, просто маразм у него, в конце концов, он уже старенький. Я слышал, он после того, как банду наемников на очистных сооружениях в одиночку кончил, так сразу в отшельники и подался. Вот и отшельничает себе, замаливает грехи на всю катушку. Озверел, поди, без человеческого-то общества, а может быть, просто крыша поехала. Спасать надо учителя.

— Не верю я, чтобы старина Болт в своих учеников на поражение стрелять стал, — задумчиво сказал Берет, демонстративно закинул автомат за спину и неторопливо зашагал в сторону гостеприимно распахнутых ворот.

— Стой, придурок, это ловушка, ни хера вы не понимаете, сопляки, — донеслось из-за забора.

Потом послышалась какая-то возня, кто-то матюгнулся, и между гипсовыми пионером и пионеркой воздвигся изрядно помятый Бадбой. Свой знаменитый револьвер он держал за ствол на манер дубины, скособоченная рожа сияла парой отменных фонарей, но вид у него при этом был весьма довольный.

— Вырубил я вашего дедулю, — гордо сообщил он, — причем аккуратненько, без членовредительства, так что дорога свободна, добро пожаловать в изумрудные поля, джентльмены!

— Идиот, — донесся из действительно изумрудной травы болезненный голос Бей-Болта, — болван, рожа пассатижная! Сила есть — ума не надо. Что же ты, придурок, наделал!

— Ничего, Болт, малец немного перестарался, ты не беспокойся, здесь все свои, сейчас мы тебя немного подлечим, а потом возьмем под белы ручки и отведем, куда хочешь. Хочешь — на Кордон, хочешь — в бар «100 рентген» на Росток, а ежели совсем немоготу от грехов тяжких, то на Болота к Иерею, дьяконом к нему пойдешь, у него как раз пару недель назад дьякона полтергейст сожрал.

— Нет, это поганое место точно заминировать надо было, да только все руки не доходили, да и мин противопехотных, честно говоря, ни одной не нашлось, — сокрушенно проскрипел Бей-Болт, поднимаясь с земли. — Ну, нет мин, да и хрен с ними, но таблички-то установить мог, старый дуралей!

Сталкеры стояли кружком, в меру серьезные, чтобы не обидеть ненароком пожилого учителя, хотя с их точки зрения ситуация выглядела вполне комичной.

Легендарный сталкер, гроза беспредельщиков, воспитатель молодежи Бей-Болт, человек, который когда-то учил их, совсем сопливых новичков, не отличающих черномышского пса от слепой собаки, страшным премудростям жизни и смерти в Зоне, сидел на траве в застиранных трениках и выгоревшей голубой майке. Одной рукой он потирал здоровенную шишку на голове, а другой норовил дотянуться до валяющегося шагах в трех «винтореза». В конце концов до «винтореза» он все-таки дотянулся и, опираясь на него, кряхтя и морщась, принял относительно вертикальное положение.

— Шустрый малец, однако, — огорченно сказал он, осторожно потрогав шишку на затылке. — Эк он меня своей дурой приголубил! Хорошо, не насмерть, а может, и не очень хорошо! Ну что же, господа пионеры, добро пожаловать в ад! Ничего необычного не замечаете? Буколическое местечко, не правда ли? Нравится?

Местечко и в самом деле было ностальгическое. Чистый воздух, какого в Зоне и быть-то не должно, мачтовые сосны вокруг гудят, вытянутые вверх, словно струны небесного контрабаса, рыжая хвоя на дорожках, не ржавая от радиации, а просто прошлогодняя. Речка где-то рядом сама с собой перешептывается, опрятные, похоже, даже свежеевыкрашенные сентиментальной голубенькой краской корпуса дортуаров, спортплощадка с баскетбольными

вышками и сохранившейся сеткой на кольцах, даже водопровод, и тот, похоже, работает. И мутантов почему-то нет ни одного. Ни тебе кровососа, ни бюрера, ни химеры или даже паршивого тушкана, в общем, ни пса чернобыльского. А еще — небо. Нормальное небо над Зоной почти всегда мутное, вспученное, словно больное, а тут — только прошли за ворота, как небо распахнулось неправдоподобной синевой, словно в рекламном проспекте. Какое-то ненастоящее было это небо. И нежно плещущая за резными кронами деревьев река Припять, к которой, кстати, прохода не было, тоже казалась ненастоящей. Но если это была и декорация, то очень правдоподобная — на траве можно было лежать, под солнцем — обгореть, а на воду из небольшого светлого родничка даже счетчик Гейгера не реагировал. Такой благодати в Зоне существовать просто не полагалось, и все-таки она существовала. Существовала вопреки всем законам физики, да бог с ней, с физикой, Зона сама сочиняет себе физические законы вопреки сталкерским инстинктам. А значит, рядом была беда. И нешуточная.

— Ну что, раз так получилось, пойдем к моей стоянке, — грустно сказал Бей-Болт и заковылял в глубь лагеря, опираясь на «винторез».

Возле небольшого коттеджика, в котором некогда проживал какой-нибудь старший пионервожатый со своими фаворитками, горел-прогорал тихий костерок. Над костерком на козлах побулькивал закопченный до черноты котелок, рядом, сдвинутый чуть в сторону, так, чтобы не кипеть, а только не остывать, висел алюминиевый чайник. Пахло тушенкой и еще чем-то совершенно забытым, сгоревшими еловыми шишками и, наверное, детством.

И если бы не разобранный автомат «Вал», детали которого были аккуратно разложены на расстеленной плащ-палатке, не распыленный для проветривания на перилах веранды хорошо знакомый всем обитателям предбанника Зоны, Кордона, тяжелый «монолитовский» костюм с приметными самодельными накладками из кожи псевдогиганта на локтях, коленях и груди, никто и не догадался бы, что в этом с виду райском местечке обосновался известный всей Зоне старый сталкер Бей-Болт.

— Ну, — Бей-Болт поковырял палочкой в догоревшем костре и выкатил из золы с десяток обугленных картофелин. — Располагайтесь, господа пионеры. Угощайтесь, вон картошка испеклась, самая пионерская еда, ложки-вилки и прочие миски у вас должны быть свои, кулеш поспел, если кому мало будет — консервы сами открывайте. А сбрую вашу сталкерскую можете снять, здесь она без надобности, только преть под ней, больше ничего. Эх, жаль, выпить нечего. Водки здесь нет, пионерлагерь, сами понимаете, пионерам водка не положена. Как, впрочем, и курево. Здоровый пионерский быт, мать его ржавь!

— А еще чего нет? — спросил, начиная догадываться, Берет.

— Радиации, привычных аномалий, мутантов, артефактов... Ничего, что есть в нормальной Зоне. Ну и еще будущего. Здесь одно прошлое, да и то без людей. Скоро сами увидите и поймете. Лучше расскажите, как вас сюда занесло, ребятки, и как там дела, на воле, а я послушаю. А вот насчет водочки — это ты правильно догадался, Берет. Под бутылку и разговор веселее.

— Отбегались вы, сталкеры, — с глубоко затягиваясь сигаретой, сказал наконец Бей-Болт. — Не то чтобы совсем кранты вам пришли, нет, поживете еще немного, жратва здесь имеется, лагерные склады вон полны-полнехоньки, тушенка, макароны... а все равно отбегались. Нету отсюда выхода. Вход есть, и даже не один, а вот выхода нет. Такие вот дела-делишки. Аномалия здесь, причем очень редкая. Одни называют ее «полоз». Другие — «росянка», третьи — «ведьмин пузырь». Но в общем-то на самом деле — это задница. Полная то есть жопа. Вход сюда бесплатный, а выхода нет. И когда в нее попадает какой-нибудь растяпа, она начинает стягиваться, пока не стянется совсем. А от сталкера даже шкурки не остается.

— А что остается? — спросил простодушный Мобила.

— Артефакт. Его называют «ведьмино сердце», и добыть такой артефакт практически невозможно.

— Ты чего, в самом деле, Болт? Да неужто мы с тобой отсюда не выберемся? Или тебе команда наша не нравится? — недоуменно спросил слегка захмелевший Васька-Мобила. —

Смотри, вот и Берет здесь, а этот вот тощий кактус — Бадбой, ты его не знаешь, он только прошлой весной на Кордон пришел, когда ты уже того... сгинул, короче. Вообще-то это он тебя по кумполу приголубил. Но ты на него не обижайся, он же как лучше хотел. Кстати, он еще на губной гармошке играть умеет, только все какое-то грустное. Но и стреляет тоже неплохо, и не трус, и товарищ хороший. Вали сюда, Бадди, чего ты там, переживаешь, что ли? Да ладно, видишь, Болт на тебя уже не сердится. Помнишь, я тебе рассказывал про Бей-Болта? Наставника нашего? Так вот это он самый и есть. Все думали, что он сгинул, а он, оказывается, вполне себе живой. Сидит чуть не в самом центре Зоны и отшельничает помаленьку. Ты чего, Болт, и вправду отшельником заделался? Надоело тебе человечество?

— Если бы... — тихонько, так, что его никто не услышал, пробурчал Бей-Болт.

Тощий, нескладный парень, чем-то похожий на небритого Гарри Поттера, с громадным никелированным револьвером на поясе, которого Мобила назвал Бадди, подошел и во все глаза уставился на старого сталкера.

— Тебя бы Чечако надо было назвать, — усмехнулся Бей-Болт. — А то ишь ты, Бадди... Музыкант, значит? Знавал я одного музыканта... Как он, кстати, Лешка-Звонарь? Играет еще свои песни или замолчал?

— Звонарь-то? — встрепнулся Бадди-Чечако, обрадовавшись, что ему есть что рассказать такому известному и, судя по всему, уважаемому человеку, как Бей-Болт. — Живехонек он, Звонарь. Это он у меня, между прочим, вот эту самую гармошку прошлой весной купил. Только недавно она снова ко мне вернулась. Чудеса, правда? А Звонарь, как узнал, что гармошка опять у меня, почему-то здорово расстроился, но потом сказал, что это, наверное, судьба. Может быть, и впрямь судьба, потому что она сама играет, такие вот чудеса...

— Расскажи-ка поподробнее, — потребовал Бей-Болт. — Не нравятся мне всякие новые чудеса, тут и от старых-то не знаешь куда деваться.

— Так вот, — начал Бадбой-Чечако. — Досталась мне эта гармоза в наследство от одного чокнутого зомбяка. Он на Кордоне целую ночь вокруг нашей стоянки колобродил, а под утро не то устал, не то задремал, кто их поймет, этих зомбяков. В общем, отошел я в кустики, вижу — зомби! Ну, я не растерялся и дуплетом из двух стволов его и положил. У него пара артефактов в сумке была и еще вот эта самая гармошка. Артефакты я обменял на этот револьвер, а на патроны уже денег не хватило. Ну, я и стал искать, кому бы эту гармозу продать. А тут как раз на Кордон зарулил Лешка-Звонарь, и я подумал, что раз он известный всей Зоне музыкант, то, может быть, он и меня у губную гармонику купит. Отыскал я Звонаря, показал гармошку, предложил — купи, дескать, мне-то она зачем, мне патроны нужнее, он у меня ее и купил. Только почему-то разозлился на что-то и посоветовал не рассказывать Ведьмаку ни про застреленного зомбяка, ни про его гармозу. Ну, я и помалкивал до поры до времени. А потом, когда уже слегка начал въезжать в местные порядки, опыта поднабрался, научился самостоятельно ходить по Зоне, послал меня наш торговец Сидорович в Агропром, кое-какие бумаги Ляху, «свободовцу», передать. В Агропроме сейчас постоянной власти нет, то те, то эти, место удобное, но уж больно приметное, да и солдаты туда время от времени наведываются. Ну, на этот раз все прошло нормально, практически без стрельбы, только когда шел через Свалку, бандюки привязались. Трех я сам положил, а тут и парни из «Свободы» подоспели. Короче, бумаги я передал, сверток какой-то получил для коммерсанта-кровососа нашего, да и стал потихоньку выбираться обратно на Свалку. Иду с опаской, потому что бандюки своих убитых не прощают, так что я выдвинулся ближе к ночи. А там, совсем рядом с Агропромом, аномалия здоровенная, комплексная, как мне потом объяснили. В общем, там и «жарка», там и «парка», там и «пси», чего только нет...

— Знаю, — прервал его Бей-Болт. — По делу давай.

— Ну, я пощупал ее «Перуном», вроде что-то есть, а что — непонятно. Смотрю, а она, зараза, вроде затихла, не шипит, не пузырится, словно уснула. Ну, думаю, была, не была, где наша не пропадала, и туда — шась! А там вот эта самая гармоника лежит и вроде как даже мне улыбается. Я ее хвать — и наружу. Даже брови не опалило, вот как.

— Я же говорю, придурок, — не выдержал молчавший до сих пор Берет. — Но везучий. Потому и взяли с собой. В качестве амулета.

— У меня револьвер, — обиделся Бадди. — Ни у кого такого нет. У Звонаря и то был не такой блестящий, и ствол короче калибра на три. А теперь у него нет револьвера, в Припяти утопил, так что на всю Зону такая пушка только у меня и осталась. Да и в технике я разбираюсь получше некоторых. Вот кто тебе, Беретище, ПДА чинил, когда в него пуля на излете попала? Скажешь, сам починился? Меня, между прочим, профессор Лебедев в свою группировку приглашал, в «Чистое Небо», на должность техника, только я не пошел. Чинить да паять я и во внешнем мире могу, не хватало еще и в Зоне этим заниматься.

— Ни у кого нет, потому что никому такая дура железная даром не нужна. — Берет опустил на ступеньку, раскрошил сигарету и стал неторопливо набивать трубочку-носогрейку. — Кроме такого дитяти, как ты. У тебя, Бад, детство в жопе играет и доиграется когда-нибудь, помани мое слово. Чечако, вот кто ты, это по-нашему «лох», чтобы ты знал. Книжки надо было в детстве читать нормальные, а не всякую там фантастику про эльфов да халдеев.

— Да знаю я, кто такие были чечако, — обиделся Бадбой, — что я, по-вашему, Джека Лондона не читал, что ли? А дура железная, между прочим, не такая уж и дура, с одного выстрела черныбыльскому псу башку разнесла. Вот тебе и дура! Жаль, вот только с патронами напряженка.

— Чечако и есть, — засмеялся Берет, — ишь, как надулся. Брось, сталкер, не обижайся, все мы такими были, а некоторые так и остались, это те, кто не выжил.

— Рассказывай дальше, — приободрил сталкера Бей-Болт. — У тебя, Берет, я помню, тоже кое-что в одном месте играло, когда я тебя возле блокпоста подобрал избитого до полусмерти и в одних подштанниках. Напомнить, как тебя с переломанными ребрами дагидеда с блокпоста в Зону на верную смерть выкинули? Как ты назад на пулеметы рвался, чтобы тем дедам рыло начистить? Как мы с Ведьмаком да Звонарем тебя на Кордон волоком волокли, а ты орал, словно кабан под кровососом? Напомнить или не надо?

Берет сердито насупился и замолчал.

— Это все в общем-то, — ломающимся баском продолжал Бадди-Чечако. — Только вот какие странные дела — подул я как-то в эту гармошку, а она возьми да заиграй. Я же раньше даже на расческе, и то ничего сыграть не мог, а тут — на тебе! Сама играет, а я только дую. Правда, чудно?

— Выбросил бы ты ее от греха подальше, все-таки артефакт, не зря на нее локатор артефактов реагирует. Или хотя бы ученым отнес на «Янтарь». Они разберутся, что к чему, да еще и денег дадут, — серьезно посоветовал Васька-Мобила.

— Не-ет, — замотал головой Бадди-Чечако. — Ты же свою телефонию так с собой всюду и таскаешь, а от нее здесь и вовсе прока никакого. Даже не звонит. А моя гармоника играет. Не выброшу и яйцеголовым не отдам, пусть со мной будет, на счастье.

— Да уж, на счастье, — задумчиво протянул Бей-Болт. — Со счастьем у нас с вами, господа-пионеры-сталкеры, нынче напряженка. Недолгое у нас счастье, но об этом потом поговорим, а пока рассказывай, Берет, как вас сюда занесло.

И Берет начал рассказывать. И про появление в дупель пьяного Лешки-Звонаря, и про неожиданно сдохший радар, и про свалку мутантов с «монолитовцами», и про вертолеты, и про то, как Радар заработал снова.

— Вот, собственно, и все, — заключил Берет и сплюнул. — Честно говоря, даже если бы отсюда и был выход, все равно прежней дорогой нам не пройти. Радар снова пашет как миленький. И знаешь что, Бей-Болт, мне кажется, что отремонтировали его спецы с Большой земли, я сам видел среди армейских «Аллигаторов» вполне себе гражданский вертолетик. Этакую летающую мастерскую. Только вот на хрена им это понадобилось, не понимаю? И без Радара в Зоне всякой срани хватает.

— Встретишь кого-нибудь из этих спецов на узенькой дорожке, вот и спроси у него, какого рожна ему здесь понадобилось, — сказал Болт. — А кому вообще надо было, чтобы

здесь была Зона, ты не задумывался? Только все равно не по-ихнему получилось, Зона сама себя осознала. Читал про Франкенштейна?

— Это который теорию относительности изобрел? — ехидно встрял Бадбой. — Чего-то такое в школе да в институте рассказывали, а чего — я не помню.

— Эх, чечак ты, чечак, — печально улыбнулся старый сталкер. — Дите малое, неразумное, все бы тебе шуточки шутить, шло бы ты спать, дите, а то вечер уже. Здесь хоть выспаться можно, мутантов сюда Зона не пускает, только людей, а «монолитовцам» и наемникам покамест здесь делать нечего. И мутантам сюда хода нет. Дохлых кровососов за оградой видели? Вот то-то же! Так что спите, пока можно.

Потом помолчал немного и сказал, словно извиняясь:

— А знаете, мужики, Радар-то ведь это я взорвал. Вот такие дела.

4

Лешка-Звонарь сидел в уголке своего любимого заведения, бара «100 рентген», и играл. Впрочем, музыкой назвать то, что возникало под его скрюченными, хищно клюющими гитарный гриф пальцами, как-то язык не поворачивался. Не то молился, не то грозил Богам Зоны, а может быть, и то, и другое вместе. Сталкеры хотя и уважали Лешку, но переносили эти звуки с трудом, спешили выпить, закусить, наскоро переговорить о делах — и поскорее прочь, на воздух, свежими нейтронами подышать. Тошно им становилось от такой музыки.

— Эй, Звонарь! — окликнул бармен. — Слышь, музыкант иродов, ты кончай мне клиентов пугать. Ступай вон на заставу, там слепые псы бродят, авось они от твоей музыки передохнут, все польза будет, а здесь люди. Люди, понимаешь? Они ко мне в бар расслабиться пришли, душой отдохнуть, потолковать, прикупить кому чего надо, а ты им эту самую душу травишь. Забирай свою бутылку и уходи отсюда, а не то патруль «долговский» вызову.

Лешка повертел головой, словно плохо видел, выключил звук, тяжело и косо поднялся, опираясь на гитару, поднял початую бутылку, сунул ее в контейнер для артефактов и послушно направился к выходу.

Холодный осенний воздух немного отрезвил его, но тошно было по-прежнему, и руки вдобавок ко всему дрожали, словно не на гитаре он играл, а таскал ящики с боеприпасами к АГС-17. А ведь было такое когда-то, таскал, и руки не болели...

Он медленно побрел по поселку сталкеров, положив гитару на плечо, словно это был ручной пулемет, а не гитара. Повешенный на плечо стволом вниз многозарядный дробовик SPAS-12 все время норовил за что-нибудь зацепиться, но Лешка прикрикнул на дробовик, обозвал его ржавой бандурой, и тот перестал ерепениться. Идти было недалеко, да уже почти и пришел, вот только подниматься по ржавой лестнице в кирпичную будку, которая уже несколько месяцев служила ему временным пристанищем, не было никакой охоты. Лешка присел было у стеночки, чтобы собраться с силами, а заодно поразмыслить о вечном и бренном, но проклятый дробовик снова улучил момент и уперся во что-то стволом, так что и присесть толком не получилось. Звонарь вздохнул и принялся карабкаться по ржавым скобам вверх. К его собственному удивлению, трюк этот, исполнение которого он в нынешнем своем состоянии считал почти невозможным, удался. Хотя повторить его на бис сталкер вряд ли решился бы.

Затворив за собой обитую ржавой жестью дверь, Звонарь, кряхтя, словно старик, поставил в угол гитару, скинул с плеча дробовик и зажег коптилку, сделанную из гильзы от тридцатимиллиметрового снаряда вертолетной пушки. Фитиль зачал, и камера осветилась слабым желтым светом. Вкусно запахло керосином.

«Как дома...» — расслабленно подумал Лешка и вдруг понял, что имел в виду совсем не тот дом на Кордоне, а совсем другой, настоящий, в котором он, Лешка-Звонарь, провел детство. Дом уже забытый и, наверное, несуществующий, дом над большой рекой, по которой плыли переливающиеся огнями, словно вечные праздники, пароходы. Дом своего детства. И словно ночная птица скользнула теплым крылом по щеке. Где-то далеко был

нормальный, теплый, человеческий мир, дом над рекой и старые яблони в саду. И хотя Лешка в этом мире давно не был, но верил, что он существует. Вот только вернуться не стоит и пытаться — а вдруг снаружи все не так? Вдруг там такая же Зона, только не привычная, а чужая?

Теперь он чувствовал себя почти трезвым. Во всяком случае, ему стало хорошо. Он вытащил из контейнера для артефактов бутылку водки и до половины наполнил стакан. Потом нашарил в кармане черствую краюху и положил ее на стол между стаканом и каганцом.

— Вот теперь порядок, — сообщил он неизвестно кому, удовлетворенно рассматривая сотворенную композицию. Разве что кота для полного уюта не хватает. И почему в Зоне кошки не водятся? Эй, ты, Зона, слышишь, почему в тебе кошки не водятся? Если в тебе не водятся кошки, стало быть, ты и человеку не годишься! Что, уел я тебя, Зона? То-то же! Будешь знать Лешку-Звонаря!

Потом он медленно выпил водку. Снова наполнил стакан, но пить не стал. Просто сидел, смотрел на желтое пламя коптилки и тихонько бормотал про себя:

— Бей-Болт ушел... Катерина ушла... Валентин вырос... и тоже ушел, Ведьмак где-то шляется... Юрика застрелил какой-то мудака... вот зараза, даже выпить и то не с кем! Пора мне, ребята, ох, пора...

Но куда пора, так и не мог придумать — устал, наверное. Потом он неловко завалился на клочковатый матрас и уснул.

А ночью пришла Катерина.

Лицо у Катерины было совсем юное, словно она только что появилась на Кордоне, но ни растерянности, ни страха на этом лице не было. А вот одежда была другая, та самая, в которой она ушла к центру Зоны — ладно пригнанный по фигуре комбинезон, высокие ботинки на липучках и пояс, в гнездах которого светились какие-то неизвестные Звонарю артефакты. Оружия у Катерины не было.

— Пьешь? — резко сказала она, и лицо ее сразу постарело и заострилось.

— Угу, — только и мог ответить Лешка. Потом добавил: — Ты красивая, я тебя искал после той встречи на берегу Припяти, только вот найти не смог. От Вальки ничего нет?

Катерина покачала головой. Лицо ее стало печальным, она расстегнула контейнер на поясе, достала из него артефакт, сотворенный сыном, повертела в руках, вздохнула и спрятала обратно.

— Ты насовсем пришла? — спросил Звонарь, понимая, что не насовсем.

Катерина отрицательно качнула головой.

— Что-то случилось? — догадался Лешка. — Мне пора в путь?

Катерина кивнула головой и пропала.

— Вот они, женщины, — расстроено пробормотал Звонарь, промахиваясь мимо стакана, — только пришла, и сразу «пьешь». Нет бы по-человечески поговорить...

Потом до него дошло, что что-то действительно случилось, и он долго ворочался, пытаясь уснуть, но так и не уснул.

Утром он появился в баре «100 рентген» почти трезвый, только здорово помятый, от предложенного барменом стопарика отказался, а услышав новость про пожар на Радаре и пропавшую группу свободных сталкеров, и вовсе протрезвел. После чего купил патронов к дробовику и «винторезу», рассчитался за все хабаром, забрал из своей голубятни гитару и направился на «Янтарь»

Сталкеры видели, как Звонарь прошел через железнодорожную станцию, не ввязываясь в вялую перестрелку «свободовцев» с наемниками, и скрылся в тоннеле.

На базе ученых было непривычно тихо. Небольшие группки зомби бестолково бродили вокруг заброшенного завода, но к бункеру ученых не совались, игнорировали начисто. Может быть, поголовье зомбяков совместными усилиями сталкерских группировок сократилось настолько, что их уже не хватало для полноценного штурма бункера, а может быть, просто приказа не было. Неизвестно, кто приказывает мертвым сталкерам убивать своих живых собратьев, но кто-то же ведь приказывает. Или что-то.

Периметр бункера на этот раз охраняли военные сталкеры-контрактники. Особых поводов доверять этим воякам у Лешки, разумеется, не было, но и бояться их здесь, в глубине Зоны, тоже смысла не имело. Чего хочет военный сталкер? Ну, денег — это понятно, ну, артефакт там какой-нибудь уникальный отыскать, это тоже понятно, тем более что артефакт — это опять же деньги. Но больше всего военный сталкер хочет вернуться домой, желательно имея полный комплект необходимых для нормальной жизнедеятельности частей тела. Живым и, по-возможности, невредимым. Ибо в большинстве своем для военных сталкерство не судьба, а просто служба. А служба против судьбы, как говорится, «раунда не выстоит». Поэтому Звонарь вышел к бункеру ученых почти без опаски — не станут вояки без особой причины стрелять в сталкера-одиночку, себе дороже.

Хотя, конечно, встречаются среди военных сталкеров идейные, точнее, упертые, а может быть, просто ушибленные на всю голову, вот эти и выстрелить могут, наплевав, что сталкерская вольница отомстит и отомстит жестоко. Но здесь, возле бронированного гнезда яйцеголовых, таких придурков не водилось. Недолгоблывала ученая братия идейных вояк, не без основания предполагая, что последние и их при случае готовы в расход пустить.

«Зону, говоришь, изучаешь? А чего там изучать, бомбой ее гадину шарахнуть — и вся недолга! Ах интересно, тебе, говоришь? А мне вот интересно, чего это ты, мозгляк, так за Зону ратуешь? Может быть, ты и не человек вовсе, а скрытый кровосос, или, там, бюрер, или, чего доброго, контролер? Может быть, ты всем окружающим мозги засиренил, вот они и считают тебя человеком, но мне-то ты мозги не засиренишь, не на такого напал! А ну, марш к стенке, падла очкастая!»

И «падла очкастая» покорно пойдет к стенке.

Тут и каюк и науке, и жизни. Потому что первой заниматься без наличия второй довольно затруднительно. Хотя в Зоне и не такое случается.

Так что ученых можно было понять.

Караульный возле входа в бункер покосился на Звонаря неодобрительно, дотошно проверил миноискателем, заставил сдать все имеющееся оружие, даже нож, но, однако же, пропустил. Видно, от военного начальства приказа насчет того, чтобы задерживать вольных сталкеров, не поступало. Оружие сдавать не хотелось, но пришлось — тем более что Сахаров, подошедший к переговорному устройству, заверил, что все будет в порядке. Хуже всего было то, что вместе с оружием пришлось сдать и гитару. Здоровенный мордоворот, охранявший бункер, никакого доверия Звонарю не внушал — типичный штрафник, даже не понимающий толком, куда попал, и жить ему — до первого гона. Но на душе только от одного вида этого придурка сразу стало погано. Да еще и в ребра стволом ткнул, не больно, но обидно, только Лешке сейчас было не до обид. Потом сочтемся, все потом...

Сталкер вошел в шлюз и несколько минут стоял, пока работали сканеры и устройства дегазации и дезактивации. Наконец овальная дверь во внутренние помещения гнусно зашипела пневматикой и открылась.

Звонарь ввалился в бункер, покосился на рыжеволосую практиканточку, махнувшую коротким форменным халатиком в дверном проеме и сразу же порскнувшую в лабораторию, и потопал к кабинету Сахарова.

Сахаров был на месте. Не отрываясь от монитора ноутбука, он небрежно кивнул Лешке и продолжил свои ученые штудии.

Лешка терпеливо ждал, пока профессор изучал какие-то разноцветные кривулины на экране компьютера, потом присел в уголке и незаметно для себя задремал. И снова ему снился дом над рекой, в этом доме не было Катерины, зато где-то во дворе бегал Валька. Со двора доносились хлопки пневматической винтовки и азартные крики. Потом со двора донеслось «Па-ап, я пойду погуляю» и скрипнула калитка. «Куда он?» — подумал Звонарь, ведь вокруг Зона, рванул было за сыном и проснулся.

— Просыпайся, сталкер, — профессор тряс его за плечо, — давай, рассказывай, зачем пришел, что принес. У меня времени мало, мне еще отчет на Большую землю отправлять.

— Ничего, — растерянно пробормотал Лешка, просыпаясь. — Ничего я на этот раз не принес. И зачем пришел, тоже толком не знаю, но зачем-то же пришел. Но точно знаю, что в Зоне случилось что-то скверное. У меня товарищи ушли за Барьер и пропали.

— Ну да, — подтвердил Сахаров, — случилось. Тут не только твои товарищи пропали, тут вообще творилось нечто непонятное. Неделию назад неожиданно перестал работать Радар, неуправляемые мутанты поперли на «монолитовцев», а свободные сталкеры дуром ломанулись за Барьер. «Долг» и «Свобода» по дороге сцепились, потом набежали уцелевшие после драки с мутантами «монолитовцы» и принялись убивать всех без разбора, получилась свалка. Через пару часов с Большой земли прилетели вертолеты и залили все это безобразие напалмом. Потом... — ученый замаялся. — Потом над Радаром неожиданно для всех собрались дождевые облака, и хлынул ливень. Наши приборы зарегистрировали мощный всплеск микроволнового излучения, а ливень был такой, что залило все пожары, а потоки горячей воды снесли баррикады на Барьере. Некоторое время было тихо, а позавчера Радар снова заработал, сначала слабенько, а потом в полную силу. В результате всех этих катаклизмов население Зоны существенно сократилось. Вот что случилось. В общем, вернулись только те сталкеры, которые не успели уйти далеко за Барьер. Остальные там, за Барьером, и остались. А те, что вернулись, рассказывают всякое... Мы слушаем эфир и пытаемся определить, что там случилось на самом деле, а что так, со страху привиделось. Только не всегда получается.

— Это я виноват, — зло сказал Лешка. — Это я им спьяну сказал, что Радар сдох. Он действительно сдох, я как раз возвращался с Корявой поляны, это там, недалеко от лагеря «монолитовцев», почти напротив Радара. Пробирался краешком, чтобы не заметили, с пси-то я справляться умею, ныряешь в подходящую музыку — и пошел, главное, чтобы музыка была та самая, а то не получится. Но от радиации никакая музыка не спасает, да и от мутантов тоже, особенно если ее слушать, а не играть. Поэтому и глушил водку всю дорогу, «антирад»-то кончился. Вышел к Барьеру, встретил знакомых сталкеров с Кордона, сказал им, что Радар не работает, слегка похмелился и уснул. А когда проснулся — на Барьере уже никого не было, ни мутантов, ни сталкеров. Ну, я и потопал в поселок, тем более что ничего интересного там, около Радара, нет, а дальше, в Припять, я не прошел. Там поперек дороги танки стоят с мертвыми экипажами, с зомби, то есть, но боезапас у них полный, и стреляют они довольно метко, для зомби, конечно. Да в Припяти, я думаю, и искать особенно нечего, все что можно «монолитовцы» выбрали. Они после каждого выброса город прочесывают и все мало-мальски ценное забирают подчистую. Интересно, профессор, на кого эти «монолитовцы» работают? Не на вас, слушаем?

— Нет, не на нас, — нахмурился Сахаров. — Мы в политику не лезем, у нас своих забот хватает.

— Так, значит, все-таки политика? — сощурился Звонарь. — Мы не лезем... Нет, профессор, лукавите вы, господа доценты с кандидатами, лезете вы в политику, пищите, но лезете. Потому что политика вас содержит, кормит, поит, одевает и обувает, цапки научные вам покупает, а стало быть, и танцует, когда ей захочется.

— Ты ведь пришел сюда не за тем, чтобы меня обличать, правда? — почти спокойно сказал Сахаров. — Говори, зачем явился, или уматывай к едрене фене. У нас тут и без тебя обличителей хватает.

— Если честно, связь с ребятами есть? — уже спокойно спросил Лешка. — С теми, кто остался за Барьером.

— Кое с кем есть, — немного помедлив, ответил Сахаров. — «Долговцы» со своими быстро связь наладили, великая вещь — дисциплина! Их группа сейчас пробивается к Барьеру со стороны Радара, там пси-поле слабое, скалами экранируется, так что, может быть, и прорвутся, если снова со «Свободой» не схлестнутся. Те тоже где-то в том районе, только их почти не слышно. С одиночками связи нет, похоже, не выжили там одиночки. Военные сталкеры вовремя развернулись и вышли из зоны действия излучения, а от мутантов и «Монолита» их «вертушки» прикрыли. Своих, правда, вояки тоже положили немало, били-то

НУРСами вдоль ущелья, а потом еще и пушками проутюжили, но волну тварей отсекали, так что основная часть военных смогла отойти.

— А про Ведьмака ничего не слышно?

— Ведьмак еще на прошлой неделе ушел в Затон. Там у него какие-то дела с Отшельником, ну, тем, что на старом буксире поселился. Так что в порядке твой Ведьмак, ничего, кроме похмелья, ему не угрожает, Отшельник из бешеной вишни приспособился самогонку гнать и тестирует ее на ком попало.

— А группа вольных с Кордона? Берет, Мобила и еще кто-то с ними был?

— От этих ничего нет. Да и молодцы они еще, никто их не знает. Если ушли за Радар или к реке свернули, то почти наверняка сгинули. А зачем они тебе?

— Сказал же, это из-за моей пьяной дурости они туда пошли. Мне и отвечать, чего тут непонятного?

Сахаров посмотрел на Звонаря, недовольно покрутил головой и пробурчал:

— Можно, конечно, их ПДА через спутник пощупать, хотя это и запрещено. Но если очень хочется, то можно. Только, я думаю, бесполезно это, но если тебе очень нужно — попробуем.

Помолчал и добавил:

— Зря ты переживаешь, ты ведь их сюда силком не тащил, не тебе за них и отвечать.

Звонарь покосился на него зло и упрямо и сказал:

— Не твое дело, почему я переживаю. Включай давай свою орбитальную щупалку.

Ученый пожал плечами и склонился над пультом космической связи.

— Придется немного подождать, — сообщил он. — Подходящий спутник как раз над нами, с геостационара такую мелочь, как ПДА, не засечешь. Так что ты подожди где-нибудь, не могу я при посторонних в систему обнаружения входить, не положено. Понимать должен.

— Я на воле подожду, — сказал Звонарь. — Может, зомбняка знакомого встречу, посидим, выпьем, песенку споем. Кликнешь меня, когда время придет.

Сахаров недоуменно посмотрел на него и покрутил головой — стебается сталкер, ну и пусть себе стебается. Видно, совсем хреново на душе у человека.

И тут снаружи заревело так, что даже звукоизоляция бункера спасовала.

А Звонарь опрометью рванулся из бункера.

5

Лукавил старый Бей-Болт, когда рассказывал сталкерам о том, что времени впереди достаточно, на самом деле не было его, этого времени. Сам он забрался в ловушку не по собственной воле, деваться было некуда, «монолитовцы» наседали, вот он и нырнул туда, где они его до поры до времени не тронут. Старый сталкер очень хорошо понимал, куда вляпался, но в последнее время с ним происходило что-то неладное, обрыдло ему все. Так бывает, когда человек слишком зажился в Зоне. Тогда он либо становится ее частью, либо теряет инстинкт самосохранения, и неизвестно, что хуже, первое или второе. А ловушка была на редкость гадостная, даже по местным меркам. Слухи о таких вот пузырях на изъеденном шрамами выбросов теле Чернобыля ходили среди сталкеров давно. Иногда удавалось принять обрывок передачи, отправленной с ПДА, и из этого обрывка можно было понять, что группа сталкеров попала в место, откуда нет выхода. Потом передача прекращалась, а все попытки отыскать пропавших товарищей, как правило, кончались ничем. Старожилы Зоны называли такие аномалии по-разному, но чаще всего «ведьмиными пузырями», и рассказывали, что поначалу «пузырь» не проявляет себя никак, только вот выбраться из него невозможно. Когда внутри аномалии набирается достаточное количество сталкеров, срабатывает неведомый спусковой механизм, и пузырь начинает сжиматься. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, пока наконец не сожмется в точку, превращая разумную живую материю в неживую. После чего аномалия на какое-то время пропадает, оставляя после себя нечто вроде сталагмита, на вершине которого находится пульсирующий артефакт — «ведьино сердце». Через месяц-другой проголодавшаяся

ведьма снова раздувает свой пузырь, и история повторяется. Если артефакт забрать, «ведьмин пузырь» раскрывается сразу, заглывая stalkера, рискнувшего тронуть артефакт. После чего снова начинает медленно сжиматься. Странно, но ни слепые собаки, ни кровососы, ни бюреры, ни проворные тушканы попасть внутрь «пузыря» не могут. На деревья и неодушевленные предметы «ведьмин пузырь» тоже не действует. Эта аномалия охотится исключительно на людей, причем каким-то невероятным образом создает внутри себя почти идеальную среду обитания для человека разумного. Еще рассказывают, что stalkер, добывший «ведьино сердце» и оставшийся после этого в живых, может беспрепятственно входить и выходить из аномалии, только вот немного их, таких stalkеров, потому что, чтобы заполучить «сердце», надо побывать в пузыре, а этого до сих пор не пережил никто, а если и пережил — то помалкивает. «Сердце» — оно бешеных денег стоит, его не только добыть, но и продать еще надо суметь.

Любознательный Бадбой-Чечако излазил весь пионерлагерь вдоль и поперек, но ничего интересного для себя не нашел. Разве что посреди баскетбольной площадки торчал какой-то странный вырост, не то старый термитник, не то сталагмит. До верхушки выроста можно было достать рукой. Бадбой, конечно же, дотянулся и даже сунул руку в округлую выемку на верхушке сталагмита. И сразу же выдернул обратно, потому что это что-то, что находилось в выемке, пребольно вцепилось в пальцы. Бадбой зашипел от злости, но негромко, чтобы не потерять лицо, и отчаянно замахал пострадавшей рукой. С ладони сорвалось рыжая, тускло блестящая желтоватая полоска и канула в заросли крапивы на краю площадки. Бадбой сунул пострадавший палец в рот и, чертыхаясь, полез в крапиву, надеясь извлечь из жгучих зарослей как минимум «ночную звезду» или «золотую рыбку», а как максимум — сам не знал что.

Ни «звезды», ни «рыбки» в крапиве не оказалось. Нашлась только старая латунная блесна с крючком-тройником и обрывком металлического поводка. Блесна была изготовлена явно кустарным способом из развернутой латунной гильзы от автомата, а вот крючок был фирменный, с зазубринами на жалах. Здоровенный, немного ржавый тройник, на такой крючок запросто метровую щуку вытащить можно, ежели умеючи. Только откуда взяться щуке на заброшенной баскетбольной площадке — было совершенно неясно. Так что Бадбой для дезинфекции пососал пораненный палец, замотал блесну в тряпицу и спрятал в карман куртки, чтобы при случае показать Бей-Болту.

Будучи человеком по натуре не просто любопытным, а, можно сказать, пытливым, Бадбой решил измерить гостеприимную аномалию, за неимением геодезических инструментов — хотя бы шагами.

И вот тут он сделал еще одно открытие. Еще недавно граница подлого «пузыря» проходила аккуратно по невысокому заборчику-штaketнику, за которым валялись туши дохлых мутантов, а вот сегодня до заборчика добраться уже не получалось. Шага какого-то не хватало, но — никак! Бадбой принялся вышагивать вдоль и поперек по бывшему пионерлагерю, аккуратно записывая в блокнот ПДА получившиеся результаты измерений, в шагах, разумеется.

Через час это занятие ему надоело. Каждый раз, когда он наткнулся на невидимый заслон, пространство словно выворачивалось и он оказывался развернутым лицом в сторону баскетбольной площадки. И каждый раз, как показали результаты исследований, граница аномалии неудержимо сдвигалась к центру. Сначала немного, потом все заметнее, на ступню, на полшага, на шаг... Наконец Бадбой сообразил, что пора прекратить несанкционированные эксперименты, и пошел докладывать о результатах Бей-Болту.

Болт молча выслушал молодого stalkера, который сначала рассказывал о своих открытиях азартно, чуть ли не повизгивая от возбуждения, словно щенок овчарки, первый раз взявший след, а потом, заметив, что его рассказ не вызывает совершенно никакого ответного энтузиазма, стал сбиваться и закончил совсем уж растерянно:

— Вот все, что там было.

Бей-Болт покрутил латунную блесну в руках, зачем-то потрогал большим пальцем жало тройника и сказал:

— Значит, Рыбарь и здесь побывал. Где только этого чудика малахольного не носит... Ну что же, это, может быть, и шанс... Ты вот что, Бадбой, пока никому про свои открытия не рассказывай. Особенно про то, что «пузырь» сокращается. Ребята, конечно, поймут, что ты не специально разбудил ведьму, но все равно расстроятся.

— Что значит «разбудил»? — удивился Чечако. — И какую еще такую «ведьму»?

— Аномалия так называется, «ведьмин пузырь», — терпеливо пояснил Болт. — Та самая, в которую мы с вами, братцы-пионеры, вляпались. Ты ее разбудил своими тычками, и теперь она начнет понемногу сжиматься. И чем сильнее мы станем трепыхаться, тем скорее она нас раздавит. Понял?

— Не очень, — честно признался Бадбой. — Никогда про такие аномалии не слышал, а я вроде бы все аномалии Зоны знаю.

— Все аномалии Зоны не знает никто, — усмехнулся Бей-Болт, — на то она и Зона. Нет в ней ничего постоянного. Ни людей, ни мутантов, ни аномалий. — И добавил, смягчаясь: — «Ведьмин пузырь» встречается очень редко и еще реже выпускает кого-нибудь. Честно говоря, он вообще никого никогда не выпускает. Кроме того, эта дрянь активизируется, когда кто-нибудь вынет из свернувшейся аномалии «ведьино сердце» — это такой артефакт, тоже очень редкий, кстати. Представь себе, идет сталкер по бережку, видит этаким безобидный столбик, а на самой верхушке этого столбика что-то поблескивает. Ну, сталкер, конечно, включает локатор, локатор ему честно сообщает, что там, на столбике, некий артефакт, а опасности никакой нет. Сталкер, разумеется, забирает артефакт, вот тут-то «ведьмин пузырь» и разворачивается, захватывая сталкера, а старый артефакт пропадает, может, сгорает, может, еще чего. А аномалия так и остается развернутой, пока на нее другие недотепы не набредут, и теперь, после того, как она развернулась, ее стенки пускают внутрь любого, если он, конечно, человек. И если в «ведьмин пузырь» кого-нибудь занесет, он некоторое время как бы дремлет, никого не выпуская, пока «ведьму» кто-нибудь особо деятельный не разбудит. И вот тогда «пузырь» начинает понемногу сжиматься. Стягивается в точку, пока в центре не остается такой же столбик с артефактом на вершине. Ну а потом все повторяется. Но если сталкер особо везучий попадется, артефакт добудет, да еще и в живых останется, то с «ведьминым сердцем» может свободно проходить через любые телепорты. И сам «ведьмин пузырь» ему не страшен — своим признает, входи и выходи свободно.

— Так, может быть, мне еще поискать? — спросил Бадбой. — Авось найдется это самое «сердце»?

— Артефакт возникает только один, каждый раз, когда аномалия стягивается в точку. Сколько бы сталкеров на тот момент в аномалии ни находилось, все равно — один артефакт. А этот, похоже, уже забрали.

Старый сталкер подумал немного и добавил:

— Рыбарь, наверное, и забрал. Спиннингом метров со ста зацепил и, так сказать, выудил. И шляется теперь где-нибудь по Зоне с «сердцем» в рюкзаке, если не продал кому-нибудь.

— А если через ПДА с ребятами связаться, неужели не помогут? — Бадбой никак не мог поверить, что могут и не помочь.

В Зоне ведь, как при восхождении на Эверест, у каждого своя отметка высоты, после которой общепринятая мораль перестает действовать, и альпинисты, не останавливаясь, идут мимо гибнущих товарищей. У кого-то она пониже, у кого-то повыше, а у тех, у которых мораль от высоты не зависит, — у них другие проблемы и другие высоты.

— Можно, конечно, попробовать, — неохотно согласился Бей-Болт. — Только первыми, кто явится сюда на сигнал твоего ПДА, будут «монолитовцы». Они здесь недалеко, совсем, можно сказать, рядышком. А уж потом придут остальные. И нарвутся на «Монолит». Да и что они смогут сделать без «ведьмино сердца», даже если с «монолитовцами» управятся? Стоять и смотреть, как нас расплющит или что там еще с нами эта погань

сделает? Кроме того, аномалия сигнал ПДА прилично экранирует, да и низина здесь, прием плохой, не говоря уже о передаче.

— А если на флагшток с ПДА забраться? — не унимался Бадбой. — Тогда нас наверняка услышат. Ты не пробовал?

— Мне шестой десяток катит, — устало сказал Бей-Болт. — Так что по флагштокам лазить я разучился лет двадцать назад. Ты парень молодой, вот ты и полезай. Только ребят предупреди, чтобы к встрече с «Монолитом» были готовы. А то автоматная пуля эту аномалию насквозь пролетает. И «монолитовцы» сюда войти могут запросто, они же все-таки люди, только в отличие от нормальных людей про смерть ничего знать не желают. Им Радар не велит.

Бадбой пожал плечами и направился к одноэтажному домику-барaku, где расположились остальные сталкеры. Ему казалось, что старый сталкер чего-то недоговаривает, но чего именно — он понять не мог. Не мог такой человек, как Бей-Болт, взять, да и расхотеть жить. Жить — вообще нельзя было расхотеть, так по крайней мере казалось сталкеру-чечако. Иначе и начинать жить не стоило.

6

Сержант Соленый не считал себя упертым. Малахольных головастика-ученых он терпел, не обижал по возможности, хотя, учитывая сравнительные физические данные, мог бы обидеть запросто. Но головастики платили, или за них кто-то платил, а кто платит — тот и указывает, кого гнобить, кого стеречь, а кого беречь. Бывший омовонец, москвич во втором поколении, подписал контракт на службу в Чернобыльской Зоне вовсе не от хорошей жизни и не потому, что соскучился по приключениям. Просто в родимой столице-матушке люди совсем озверели и перестали правильно понимать его, Соленого, то есть ссужать мелкими деньгами по первому требованию, наливать и выслушивать его пространные и пьяно-слезливые рассказы о службе в горячих точках, где сержанту действительно доводилось бывать. Перестали чтить, сволочи, а когда он возмутился и переломал ребра соседу, пожалевшему несчастную сотню деревянных на опохмел, его даже попытались посадить в тюрьму. В тюрьму сержанту не хотелось, поэтому, воспользовавшись тем, что он все-таки какой-никакой, а ветеран, Степан Соленый быстренько подписал контракт на службу туда, где больше платят, и, к собственному изумлению, угодил в Зону. Он, разумеется, пробежал глазами контракт, и слово «Зона» там действительно фигурировало. Однако понимал свою будущую службу сержант Соленый традиционным образом, то есть — он подписывался охранять зеков. Дело это было привычное, не слишком беспокойное, а при должных навыках и весьма доходное. Навыки у сержанта имелись. О Чернобыльской Зоне сержант, может быть, что-нибудь и слышал, да только пропустил между ушей. Тем более что телевидение об этом сообщало как-то вскользь, сталкеры, в представлении журналистов, выглядели чем-то средним между обыкновенными зеками и индейцами, живущими в резервации, так что с этой братией особых проблем не должно было возникнуть. Конечно, опасность существовала, но, прикиньте-ка, а когда ты разгоняешь так называемую мирную демонстрацию, разве не существует вероятность, что какой-нибудь выживший из ума пенсионер засветит тебе бутылкой по башке? Еще как существует! Да и собутыльники, многие из которых тоже служили в горячих точках, узнав, что Соленый занимался в основном операциями по зачистке гражданского населения, после второго или третьего стакана так и норовили дать в морду. Так что получалось — баш на баш. Да и деньги по контракту полагались нешуточные. И поначалу все было вполне пристойно. Стоял себе бывший омовонец Соленый на пулеметной вышке на блокпосте, время от времени постреливал из своего крупнокалиберного «Корда» по мелькающим вдалеке фигуркам придуков-сталкеров — благо, начальство смотрело на это сквозь пальцы, да бегал к девкам, которые регулярно привозили в пограничный район гуманитарную помощь. Помощь, разумеется, в Зону не попадала, хрен ли им помогать, этим зекам-сталкерам, а оприходовалась на месте, хотя ничего по-настоящему ценного в этом гуманитарном барахле

не было. Ну, разве что иногда попадется пара ящиков со спиртным да сигаретами, а еще — целые контейнеры презервативов! Хотя на хера этим сталкерам презервативы, ни сержант, ни его посредственное, ни непосредственное начальство понять не могли. Они же там, за блокпостом, все, сколько ни есть, — сплошные импотенты! И баб у них не имеется, это факт! Так что презервативы приходилось использовать на месте, привлекая к этому делу дамочек, сопровождавших гуманитарные грузы. Дамочки были разных национальностей, но все как одна — редкие уродины. Впрочем, последнее сержанта не слишком-то смущало. Ему в Москве и не с такими шалавами дело иметь приходилось, а тут как-никак европейские, а может быть, даже и американские женщины, помытые, хорошо пахнущие, в меру трезвые и главное — конструктивно настроенные. То есть — не кобенятся, а некоторые даже приезжают по второму разу. Значит, понравилось.

А потом, когда сержант разобрался что к чему и вписался в бизнес по транзитным поставкам через блокпост, жизнь и вовсе наладилась. Система транзитных поставок была сержантом освоена еще во время прежней службы и по сути своей ничем не отличалась от той, к которой он привык. В Зону шло оружие и боеприпасы, а из Зоны — всякая хренотень, которую местные именовали «хабаром». К большим делам сержанта покамест не допускали, он на это и не обижался — рано еще, — но свою законную долю уже имел. Так что вполне мог рассчитывать по возвращении в столицу на приличную тачку, счетец в банке, ну и остальную красивую жизнь в придачу.

И тут такая незадача! В общем, оприходовал сержант одну дамочку, вполне по обоюдному согласию, между прочим, оприходовал, а та возьми, да и окажись командирской женой, приехавшей к мужу, чтобы проверить, как на мужиков на Периметре Зоны радиация действует. И проверила, причем не только на муже, но и на его подчиненных. Радиация на сержанта Соленого, как выяснилось, не влияла, а если и влияла, то исключительно положительно, а на лейтенанта влияла, причем отрицательно, о чем эта дура и не преминула сообщить своему благодетелю. Честно говоря, попал сержант ни за что, потому что внешне командирская жена ничем не уступала дамочкам из гуманитарных миссий, то есть была, как писал классик, «вылитый крокодил». И не только внутри, а и снаружи. Так что ошибиться было немудрено.

Вот так и угодил сержант Соленый в спецвзвод военных сталкеров. Впрочем, далеко в Зону новичков не гоняли, а поручили им простые дела, как то: охрану бункеров с учеными на «Янтаре» и около железнодорожной насыпи, погрузку-разгрузку транспортных вертолетов, так что страшного пока ничего не было. Вот только налаженный с таким трудом бизнес накрылся медным тазом, с выпивкой, правда, было не так уж плохо, а вот с бабами — полный, что называется, ахтунг!

В общем, охранял сержант Соленый бункер ботаников, прел в тяжеленном армейском бронекопте с АКС-74 на пузе и думал о бабах и низшем командном составе. Нехорошо думал. Впрочем, о бабах-то как раз нечего особенно и думать — дуры они все и стервы все до единой, их надо либо е...ть, либо давить, но перед этим все равно е...ть. А вот с младшим командным составом дело обстояло куда сложнее. По некотором размышлении сержант решил, что всякие там старшие лейтенанты, особенно только-только после училищ, не настоящие военные, а так, жалкие недоделки. Потому-то и радиация на них действует неправильно, и бабы им изменяют. Но вот генералы — те насчет баб сильны, каждый с собой не меньше трех-четырех таскает, поэтому следовало полагать, что такие старшие лейтенанты, как его бывший командир, никогда не становятся генералами. Но, с другой стороны, если бы сержанту Соленому попался командир, пригодный для того, чтобы дослужиться до генерала, — кранты бы были сержанту! Пошел бы в военные следопыты как миленький или банду Таранчика на Свалке умирять. И сгинул бы там ни за что. Так что во всем есть свои плюсы и во всем — свои минусы.

Сталкера, направляющегося в бункер к яйцеголовым, он всерьез не принял, хотя и насторожился. Этот, как его... старшой из ученых, Сахаров, велел свободных сталкеров не трогать без особого на то распоряжения. Но оружие отобрать следовало и обшмонать тоже, во-первых, порядок такой, а во-вторых — авось что-нибудь ценное у бродяги и сыщется.

Значительные материальные убытки, нанесенные сержанту командиром и его беспутной женой, следовало компенсировать. Ну а насчет моральных — там видно будет. Хотя старлей было даже немного жаль, и так уже калека, да и генералом ему не бывать, так что наказан старлей. Хотя и недостаточно сурово. Дурак он, старлей, за каким-то лешим еще и в Зону напросился со спецвзводом? Может, жить надоело? Ну, ничего, разберемся... Генералом ему не бывать, и баба от него ушла, так что жить старлею и впрямь, выходило, незачем. А вот Соленому было за чем, поэтому сержант старался не нарываться на неприятности. И все-таки нарвался.

Сталкер оказался человеком покладистым, вообще вид у него был какой-то не то пришибленный, не то просто похмельный, но у зеков — у них всех вид пришибленный, особенно когда вертухай шмонает, поэтому сержант поведение сталкера воспринял как должное. Принял у того многозарядный дробовик, укладку с патронами, «винторез», пистолет с двумя запасными обоймами, десантный нож и еще какую-то хреновину в чехле, отдавать которую сталкеру уж очень не хотелось. Пришлось проявить власть, то есть ткнуть стволом под ребра, после чего сталкер посмотрел на сержанта зверем, но хреновину все-таки отдал. Видно, очень торопился к ботаникам, да и профессор уверил его, что все будет тип-топ. Тип-топ оно и будет, кому тип, а кому топ.

Считая шмон одной из своих непосредственных обязанностей, Соленый принялся брезгливо рыться в сталкерском барахле. Оружие его заинтересовало мало, припасы и аптечки тоже, а вот пару артефактов, найденных в контейнерах разгрузки, сержант изъяс. Сталкер себе еще отыщет, а ему, сержанту, хоть небольшая, но компенсация за стояние при полной выкладке под нудным радиоактивным дождем. Наконец дело дошло и до хреновины.

Хреновина оказалось электрогитарой, только не совсем обычной. Таких гитар Соленому до сих пор видеть не приходилось, уже одно то, что питалась она от вечных батареек, делало эту штуку уникальной. Соленый не очень хорошо разбирался в музыкальных инструментах, но что инструмент классный — понял сразу. Он представил себя с этой вот гитарой где-то в Москве. Вокруг девки визжат от восторга, а он рассказывает, как этот зашибательский инструмент ему подарила какая-нибудь супер-пупер-звезда за то, что он спас ей жизнь во время гастролей по Чернобыльской Зоне, и все ему верят, потому что где бы он еще взял такой инструмент. Зековские поделки вообще иной раз уникальны, и большинство тюремного начальства этим вовсе пользуется, таков уж обычай, все по понятиям, и Соленый не собирался от него отступать. Вот только играть сержант не умел, но особого значения это не имело. Надо будет — научимся или припащем кого-нибудь, а может, эта гитара сама играет? Вон сколько на ней всяких переключателей да сенсоров наворочено!

Соленый для пробы ткнул пальцем в самую большую кнопку и ощутил, что гитара включилась. Дека завибрировала, задрожала, раздалось что-то вроде тихого стоны.

— Стонешь, падла, — сказал сержант, вспоминая почему-то лейтенантскую жену, — ну стони, стони...

И со всей дури шарахнул по струнам.

Ох, лучше бы он этого не делал!

7

Гитара взревела так, что у Соленого заложило уши. Из бункера выскочил тот самый малахольный сталкер, только оказался он вовсе не таким уж малахольным, потому что сразу врезал сержанту с ноги по голове, и если бы не шлем — тут бы Соленому и кранты, но шлем не подкачал. Соленый привычно схватился за автомат, да только сталкер оказался проворнее — его дробовик смотрел сержанту прямо в лоб, а лицо у сталкера было такое, что сразу становилось понятно — выстрелит, не задумываясь, поэтому пришлось ствол опустить и вступить в переговоры.

— Ты чего, совсем охренел? — заорал сержант, ожидая, что бойцы с соседних точек все видели и сейчас скрутят аборигена-наглеца, осмелившегося поднять руку на их боевого товарища. Ну, пусть не руку, пусть ногу... — За нападение на караульного знаешь, что полагается? Расстрел на месте!

Но сталкер не обратил внимания на разъяренного сержанта. Да и вокруг бункера ученых начало твориться что-то неладное. Военные сталкеры перегруппировывались, откуда-то выскочил взъерошенный командир и диким голосом заорал:

— Соленый, твою мать, быстро на крышу к пулемету.

И сержант, отложив на время расправу с зек-сталкером, кляня тяжеленный бронекостюм, полез на крышу бункера к пулеметному гнезду с установленным в нем станковым «Кордом».

А сталкер полез за ним.

Второго номера на крыше не было, видно, спустился по скобам с другой стороны и отошел к костру покурить и позубоскалить с товарищами — затишье же! Соленый заглянул вниз и понял, что второго номера скорее всего и не будет.

С крыши было видно, как со стороны заброшенного завода к бункеру ковыляют группки зомби. Пока еще они были далеко и двигались медленно, но упорно, так что через каких-нибудь десять минут должны были оказаться совсем рядом. Но у ворот в бункер, тех самых, которые выходили на заболоченное озерцо, возникло стремительное движение. Хрипло заперхали автоматы, кто-то упал и заорал диким голосом, но стрелять из тяжелого «Корда» в невероятно быстрых существ, отдаленно напоминающих людей в противогазах, было нельзя, чтобы не попасть в своих. А у подножия бункера между ошалевших солдат метались странные большеголовые псы, в которых вообще, казалось, невозможно было попасть. И вот уже упал один боец, потом другой... Тонко и жалобно закричал старлей, схваченный жуткой тварью, появившейся ниоткуда. И замолк, только хлюпнуло разорванное горло, а тварь, встряхнув окровавленной бородой, сделалась словно стеклянная, но сгинуть не успела, потому что прямо над сержантским ухом несколько раз подряд бухнул дробовик сталкера, и тварь покатила по желтой траве, задергалась и замерла рядом со скорчившимся командиром.

Зомби были уже совсем близко, когда сержант наконец открыл огонь. Крупнокалиберные пули рвали гнилые тела пополам, но и эти половинки продолжали ползти к бункеру, а Соленый все стрелял и стрелял длинными очередями, пока не перегрелся пулеметный ствол, а потом пулемет заклинило.

Сержант дико посмотрел на сталкера и прохрипел:

— Это ты их вызвал, сука!

Сталкер не обратил на него внимания. Он стоял посередине крыши со своей гитарой и не то готовился к чему-то, не то молился.

И Соленый понял, что этот страшный человек, сталкер, зек — часть Зоны, что спасение только одно — любой ценой пробиться в бункер к ботаникам, к яйцеголовым, под металлокерамическую броню, туда, где безопасно... Он бросил пулемет и спрыгнул на крышу тамбура, оттуда на землю и всем весом навалился на ручку шлюза. Но бункер был заперт, суки-ученые наклали в штаны и заперлись, эти сволочи бросили сталкера, солдат и его, сержанта Соленого, снаружи умирать страшной и непонятной смертью. Сержант колотил в тяжелую дверь ногами, стрелял в нее из автомата — все было бесполезно. И если бы ему сейчас удалось ворваться в бункер, первым делом он прикончил бы проклятых умников, бил бы их прикладом, а потом ногами, пока их вонючие мозги не растеклись по полу, смешиваясь с мочой и дерьмом. Сейчас он ненавидел ученых больше, чем тварей Зоны, рвущих в клочья его товарищей, и даже больше того сталкера, который на крыше настраивал свой жуткий инструмент.

Боковым зрением Соленый увидел приближающегося к нему старлея. Горло у бывшего командира было разорвано, и сержант точно знал, что старлей мертв, но и мертвый идет к нему, чтобы отомстить за жену. Соленый выпустил в бывшего командира весь рожок, и тот упал, но продолжал тянуться к сержанту скрюченными пальцами...

И когда сержант окончательно понял, что вот сейчас он умрет, и не будет ничего, ни тачки, ни денег, ни женщин, ни собутыльников во дворе, откуда-то с мутных небес Зоны грянула страшная музыка.

Этот сталкер, Звонарь, стоял на крыше бункера и играл ту самую музыку, от которой шарахались завсегдатаи бара «100 рентген». Только там, в баре, у него только и получалось, что сыграть небольшие обрывки чего-то огромного и почти нечеловеческого, а здесь, в окружении тварей Зоны, начавших гон, это «нечто» обозначилось как единое целое и со страшной силой обрушилось на «Янтарь». И твари Зоны попятились, отступили и стали откатываться к корпусам полуразрушенного завода.

Уходили зомби. И вместе с ними уходили мертвые бойцы-контрактники, теперь сами превратившиеся в зомби, прижав огрызки ушей, бежали прочь лобастые чернобыльские псы-волки, уводя за собой бестолковых слепых собак, прятались в гнилых камышах снарки. Нырjali в вентиляционные колодцы кровососы.

И бывший человек, сержант Солёный, скрученный страшной музыкой, уходил вместе с тварями Чернобыля, еще живой, но уже мертвый. Ни женщины, ни автомобили, ни деньги ему были уже не нужны, человеческого в нем становилось все меньше и меньше. Его и раньше-то было не так много, а теперь, когда он стал частью Зоны, почти и вовсе не осталось.

Но желание убивать никуда не делось, только теперь оно превратилось в необходимость. Но сейчас убивать было нельзя, жуткая музыка, гремевшая, казалось, прямо с небес, запрещала убивать и гнала его прочь от бункера. И поэтому он уходил вместе с такими же, как он, только неживыми убийцами. Но он вернется позже, когда будет можно убивать, и тогда он убьет. Ему скажут, кого разрешено убивать, а кого нет, и он, как полагается солдату, выполнит приказ. Может быть, поэтому ему в отличие от остальных спецназовцев была оставлена крупица жизни. Он стал контролером, сохранив остатки человеческого сознания, потому что у тварей Зоны нет памяти, а у людей она есть, у мертвых нет цели, а у живых — есть.

Неизвестно, сколько прошло времени от того момента, когда Звонарь начал свою жуткую симфонию. Когда он спустился с крыши бункера, местность вокруг была чиста от живых мутантов. Только возле тамбура, рядом с убитым кровососом, шевелился обрубок того, кто совсем недавно был молодым офицером.

Обрубок что-то сипел разорванным горлом и пытался уползти прочь.

Звонарь поднял дробовик и разнес бывшему старлею череп.

Потом нажал кнопку рядом с входом в бункер и стал ждать, когда ему откроют.

Ждать пришлось долго. Когда наконец ученые убедились, что вокруг бункера чисто, и открыли тамбур, Звонарь дремал, положив небритый подбородок на уставленную меж колен гитару.

— Нашли мы твоих сталкеров, — сказал ему Сахаров. — Еще до того, как все это безобразие началось, нашли. Координаты я уже скинул тебе на ПДА. Сообщение от Бей-Болта тоже. А сейчас тебе лучше уйти. Через час здесь будут «вертушки» с военными, и мне почему-то кажется, что тебе лучше с ними не встречаться.

Звонарь молча кивнул и неторопливо зашагал прочь.

Сахаров долго смотрел ему вслед, потом вздохнул и закрыл дверь тамбура.

— Похоже, в Зоне скоро появится новый мутант, — пробормотал он. — Долго он еще останется человеком или нет — неизвестно, но лучше бы он больше сюда не приходил. Второго такого концерта мне не выдержать, старый я уже. На всякий случай надо провести частотный анализ записи, может быть, удастся определить спектр акустического сигнала, действующего на этих тварей. Лариса, — позвал он лаборантку. — Сделай, пожалуйста, частотный анализ записи этой... — он поморщился, — музыки. Спектр сними. И поскорее. И отправь саму запись на Большую землю, пусть там попробуют разобраться, что к чему.

— Нет никакой записи, профессор, — растерянно ответила перепуганная лаборантка. — Я проверила, аппаратура в порядке, переговоры военных на ней есть,

стрельба... а того, что играл этот человек, — нет. Все есть, только этой... — она помедлила, не решаясь назвать то, что недавно слышала, «музыкой», — нет. Нет никакой записи, профессор.

8

«Ведьмин пузырь» сжимался. Теперь уже его и шагами мерить было не обязательно, и так было заметно. Аномалия давила, медленно, но верно загоняя людей на баскетбольную площадку, туда, где через неделю-другую, а может быть, и раньше появится новый «термитник» с пульсирующей алой каплей на вершине — «ведьминым сердцем».

Теперь стало видно, что и мачтовые сосны, и аккуратные, ухоженные домики пионерлагеря, и чистое небо с легкими белыми мазками перистых облаков в невообразимой глубине были всего-навсего иллюзией, созданной пси-полем аномалии. Аномалия сжималась, обнажая неприглядную действительность — изуродованные, словно опаленные верховым пожаром стволы деревьев, серая, испятнанная кислотными дождями вагонка, которой были облицованы стены корпусов бывшего пионерлагеря, — привычное до боли, жестокое убожество Зоны. Но внутри аномалии, там, где находились сталкеры, по-прежнему днем ярко светило солнце, а ночью на небе проступали уже забытые созвездия. Только сталкерам было не до красот, которыми напоследок потчевала их аномалия. Они пытались найти способ вырваться отсюда, вырваться любой ценой, но лучше все-таки не самой высокой, тем более что большинство из них были молодыми людьми и умирать не спешили. Хотя разве старики спешат умереть? Вовсе нет, просто старики воспринимают смерть как конечную станцию, какими бы ни были твои попутчики, а сойти все равно придется. И для каждого на дороге длиной в жизнь найдется свой полустанок. Но... нас ждут на том свете, но пускай нас там подождут, потому что мы не торопимся, как говорил один несостоявшийся поэт. Пусть подождут.

Бадбой все-таки перехитрил коварный шест-флагшток, на который так и не удалось вскарабкаться, несмотря на пару артефактов-гравы в контейнерах комбинезона, — не пускало что-то наверх, и все тут. Покопавшись в своем ПДА и взятой у Мобилы старенькой «Нокии-1100», он соорудил из них нечто, на первый взгляд несуразное, но это нечто, по его словам, «должно было работать». Потом настроил получившийся гибрид на передачу, записал в примитивный диктофон голосовое сообщение, спустил с флагштока флаг некогда гордой, а нынче не существующей державы и поднял его вновь с привязанным прибором. Бей-Болт, Мобила и Берет некоторое время наблюдали за стараниями сталкера-новичка со скептическими ухмылками, но когда их ПДА зарегистрировали сигнал такой мощности, что приборы пришлось отключить, поняли, что новичок взялся за дело всерьез.

— Ты чего, и впрямь что-то понимаешь во всей этой электронной мешпухе? — спросил Берет.

— Бауманка, — скупое и вроде бы даже неохотно пояснил Бадбой. — Специальность такая есть — технотроника. Так что не беспокойтесь, все будет работать как надо. Проверьте-ка лучше оружие.

— Ишь ты, технотроника... — протянул Берет. — Чего же тебя, технотронный ты наш, в Зону-то понесло? За идеями? Так нету здесь идей! Артефакты вот есть, аномалии имеются, мутантов навалом, фанатики всякие, военные, разные сталкерские группировки, которые чуть что, горло друг другу готовы перегрызть. «Исполнитель желаний», и тот, говорят, есть, а вот идей — нет.

— Чего надо, того и понесло, — неожиданно огрызнулся Бадбой. — Все лучше, чем за гроши штаны протирать в каком-нибудь полудохлом НИИ. А потом тебя выкинут, как устаревший микрочип, и заменят кем-нибудь другим. У меня отец всю жизнь космические ракеты строил, с полигонов не вылезал, а там иногда бывает пострашнее, чем здесь, в Зоне, и что теперь? Пенсия у него такая же, как у соседа-кладовщика, который тридцать лет просидел на толстой жопе в своем складе, всю жизнь только воровал, водку жрал на халяву да молоденьких сотрудниц портил. Вот так там, снаружи, в Большом мире! А я не хочу жить

так, как мой отец, не хочу ждать его смерти, чтобы вселиться двухкомнатную развалюху в спальном районе! И вообще я хочу доказать, что все могу сам. И квартиру, и все остальное... А насчет идей, так за что же они глотки друг другу рвут, эти «долговцы» да «Свобода», как не за идею? Только идеи у них в принципе одинаковые, первые намерены всех построить, а вторые, хотя и ратуют за свободу, но, в принципе хотят того же самого. Разница не в идеях, только в упаковке!

Он замолчал, неожиданно все поняли, что никакой он не чечако и не так уж и юн, а уж что не придурок — вот это совершенно точно.

— А малый-то совсем не так прост, — заметил Бей-Болт. — Ладно, сталкеры, посмотрим, как у нас там с боеприпасами. Не исключено, что наше молодое дарование своего добьется. А значит, здесь скоро будет «Монолит».

Сталкеры понимали, что скорее всего за ними никто не придет, а если и придет — то это будут именно «монолитовцы», но умереть от пули все-таки лучше, чем быть раздавленными. Да и осточертело бездействие — пусть приходят, встретим в три ствола, как полагается встретим!

Вот только патронов оставалось мало.

Но и «монолитовцев» пока что видно не было.

Берет уже всерьез подумывал о том, хватит ли у него духу, чтобы взять, да и покончить с этим ожиданием? Стволы-то, вот они, только до спуска дотянуться, и все. Сталкерам — покой, а Госпоже Зоне и ее любимой ведьме-проглотке — облом!

Да только неунывающий Бадбой каждый вечер, словно по команде горна, спускающий флаг, всю ночь копающийся с пинцетом и паяльником в сооруженном из чего попало приборчике, чтобы утром снова поднять его на флагшток, не давал таким мыслям слишком уж развиться. Потому что этот парень надеялся. Может быть, собирался все-таки вернуться в свою Бауманку, чтобы закончить то, что не успел закончить его отец? Может — еще чего.

Но упорство и надежда — штуки по-хорошему заразные.

А «ведьмин пузырь» продолжал сжиматься. Медленно, но неумолимо, как и полагается самой жуткой аномалии Чернобыля.

Проверять границы сжавшейся аномалии Бей-Болт строго-настрого запретил. Теперь сталкеры расположились лагерем прямо на спортивной площадке, неподалеку от флагштока.

Все съестные припасы, которые удалось разыскать в заброшенном пионерском лагере, были аккуратно сложены в центре аномалии, тут же стояли канистры с водой. Воды было литров сто, пока что ее можно было добыть из родника, но запасы сталкеры сделали, хотя трудно было предсказать, что закончится раньше — жизнь или вода.

— Картина Репина «Охотники на привале», — мрачно пошутил Васька-Мобила.

— Шишкина, — поправил его Берет. — Репин — это «Бурлаки на Волге».

— Один черт — приплыли, — отмахнулся Мобила.

Иногда Бадбой вынимал из контейнера для артефактов слегка помятую губную гармонику, но, покрутив ее в руках, вздыхал и прятал обратно. Музыки не хотелось. Не хотелось ничего, хотя поначалу все казалось не таким уж плохим, ведь выходили же они из разных передряг. И потом, молодые считают себя бессмертными, впрочем, как и все остальные представители рода человеческого. Бессмертными до самой смерти. Но вместе с аномалией сжималась и надежда, уступая место апатии. И теперь дни тянулись жутко и вечно.

— Эх, похоже, никто нас не слышит, — вздохнул Васька-Мобила. — Хоть бы «монолитовцы» пришли, постреляли бы, все-таки какая-никакая, а развлекуха. Да и осточертело все в этом Божьем уголке. Уж скорее бы!

Но их услышали. Услышали на «Янтаре», и Лешка-Звонарь уже отправился в Затон на поиски Рыбаря со спасительным артефактом.

Услышали и на Радаре, где про жутковатый пионерский лагерь, конечно же, знали, но не спешили прикончить маленькую команду сталкеров, неведь каким образом оказавшуюся в тылу группировки. Да и то сказать: зачем выполнять работу, которую Зона делает сама? Но когда аномалия наконец сожмется, бойцы «Монолита», фанатики, придут, чтобы забрать

«сердце». Они знают, как это сделать, и знают, как им пользоваться. Не в первый раз. Точнее, знают их хозяева. Потому что такие редкие артефакты не должны попадать в чужие руки, они слишком ценны для дела «Монолита». Когда аномалия схлопнется, шаманы «Монолита» заберут алую каплю и поместят ее в центр капища, и тогда можно будет беседовать с хозяевами Зоны, тогда все, кто участвовал в камлании, получают в Зоне временный статус неприкосновенности и станут угодными «Монолиту». И весь мир немного изменится. Совсем чуть-чуть, но слуги «Монолита» умеют ждать. И они дождутся.

9

Лешка-Звонарь был немного знаком со сталкером по прозвищу Рыбарь. Они даже чуть было не сцепились один раз, но, к счастью, первая встреча двух ветеранов Зоны закончилась довольно мирно. А во вторую они даже выпили вместе и еще песни пели, что, как известно, сближает...

Когда-то давным-давно, теплым сентябрьским вечером, еще не побитый Зоной и жизнью Лешка-Звонарь в очередной раз направился за Барьер. Вылазка, по всем признакам, обещала быть удачной, недавно прошел мощный выброс, и артефактов в Кривом бору, что немного в стороне от Радара, должно быть, скопилось пруд пруди. «Выжигатель мозгов», взорванный в свое время небезызвестным Меченым, частично восстановили, но пока что он работал неровно, с перерывами. Да и на мозги давил значительно слабее, чем раньше. Во всяком случае, опасные участки Лешка пройти мог, если, конечно, все время «думал музыку», другим сталкерам было труднее, и полегло их на старом извилистом шоссе в таких вот вылазках — ой сколько. Кто сам под пулю полез, когда «выжигатель» выплюнул очередной импульс, кто в перестрелке погиб, кто в фанатики перекинулся, а кто-то прорвался и пошел дальше, в Припять, чтобы уже никогда не вернуться. Поговаривали, будто бы «выжигатель» отремонтировался сам собой, но Лешка в эти дурацкие байки не верил и знал, что это даже не братцы-«монолитовцы» подсустились. Без помощи с Большой земли ни черта бы эти фанатики не сделали. Не очень-то ясно было с этими «монолитовцами». С одной стороны, сектанты — они и есть сектанты, поклоняются «Монолиту», кумирни ему какие-то уродские строят где ни попадя, балдеют около этих кумирен, словно наркоманы под кайфом, так что их во время камлания чуть ли не голыми руками передавить можно. А с другой стороны, Радар — сооружение явно военного назначения, ничего сверхъестественного в нем нет и быть не может, а что на мозги давит — так российская власть и ее последыши уже какую сотню лет только этим и занимаются, что на мозги нормальным людям давят. И денег для разработки всякой хитрой техники для этого самого давления на мозги не жалеют. Так что Радар, работающий в режиме «выжигателя мозгов», без комплектующих материалов с Большой земли отремонтировать было никак нельзя. Да и видел Звонарь, видел своими собственными глазами, как на территории «Монолита» садился здоровенный военный вертолет, похожий на селедку с вырванным брюхом, очевидно, транспортник, не то что-то новенькое российские конструкторы смастрячили, не то наоборот, древний Ми-10К, «летающий кран», со здоровенным контейнером под тощим фюзеляжем. Такой вот получался союз сектантов со спецслужбами — поганый, надо сказать, союзик, мутненький и страшный. Хотя казалось бы, что может быть общего у «Монолита» с небезызвестным Комитетом?

В общем, проскочил Лешка простреливаемый участок, можно сказать, на одном везении и свалил влево, туда, где разбитая «монолитовская» дежурка да лес искалеченный. Добрался до знакомой аномалии, той, которая «оно», протиснулся меж скрученных винтом стволов — посмотрел на прибор, а в аномалии-то пусто! Нету хабара. Прозвонил аномалию, как это он умеет, то есть вслушался в нее, — и снова ничего. «Медузы» паршивенькой или, там, «ломтя мяса» и то нет. Чем-нибудь стоящим, например, «золотой рыбкой» или «огненным шаром», так и вовсе даже не пахнет. А выброс, между прочим, всего несколько часов назад был. И аномалия отменная, жирная такая аномалия, уловистая. Тут тебе и «жарка», и «трамплин», и «пси», и еще черт знает что, и все в одном стакане. Пей — не хочу!

А вот следы разные, что от любого артефакта остаются, — следы имеются. Значит, кто-то успел раньше.

— Что, сталкер, облом? — неожиданно услышал он за спиной. — Поворачивайся медленно, ручки держи на виду, ножки на ширине плеч, да не вздумай трепыхнуться, мигом жакан схлопочешь.

Голос был хрипловатый, прокуренный, но не злой. Значит, не «Монолит». «Монолитовцы» — те вообще с вольными сталкерами не разговаривают, сразу стреляют, так что мужик явно не из сектантов, и то хорошо.

Лешка медленно, как было сказано, повернулся и увидел шагах в пятнадцати от себя бомжеватого с виду сталкера в резиновом противохимическом костюме, болотных бахилах и шапке-ушанке. Морда у мужика была темная, обветренная, рубленая грубо и жестко и здорово смахивала на физиономию какого-нибудь истукана с острова Пасхи. Сходство усиливала нелепая шапка с торчащими вверх кургузыми ушами. В руках чудной сталкер держал старенькую двустволку Иж-54, а рядом валялся слабо шевелящийся мешок и, что удивительно, новенький сверкающий лаком спиннинг с безынерционной катушкой.

— Ба! Да это же Рыбарь! — догадался Лешка. — Вот попал!

— Ты кто такой будешь, сталкер? — настороженно спросил Рыбарь. — Где-то я тебя уже видел, только вот никак не припомню где. Ага, вспомнил, тебя ведь Звонарем кличут? Так чего ты, Звонарь, позабыл на моем месте?

— Как это на твоём месте? — удивился Лешка. — Ты что, откупил эту аномалию? У кого, интересно, у Зоны-матушки?

— Омут-то? — Рыбарь присел на камень, положил ружье на колени и принялся скручивать сигарку. Ствол все это время так и смотрел в Лешкин живот, так что особо дергаться резона никакого не было. Успеет, сволочь, выстрелить. А Рыбарь послунил сигарку, не спеша, с тщанием заклеил, затянулся деревенским махорочным дымком и сообщил между затяжками: — Откупить не откупил, а прикормить — прикормил. Так что проваливай отсюда, покуда цел, Звонарь. И скажи спасибо, что я тебя сразу не стрельнул, не люблю я, когда мне на рыбалке через плечо заглядывают. Зашибить могу. Звонарь не батюшка, звонаря мне Бог простит. Ведь правильно я тебя угадал?

Лешка кивнул.

— Ну да, мне еще про тебя Ведьмак рассказывал. Вот что, Звонарь, парень ты вроде бы правильный, да и любят тебя все, так что не стану я тебя стрелять, — рассудил Рыбарь. — Только про то, что видел и узнал, прочей сталкерской братии ни гу-гу. Молчок, понимаешь? А то много вас на прикормленное место налетит, халявщиков, мать вашу за ногу!

Лешка снова кивнул.

— Ну, тогда лады. — Рыбарь с кряхтением поднялся с камня, подобрал спиннинг, на котором вместо блесны болталась «капля» с прицепленным неведомо как могучим растопыренным тройником, и совсем уж было собрался уходить, но передумал. Покосившись на Звонаря, он развязал свой мешок, вытащил оттуда извивающуюся «пружину», положил на камень, снял с пояса туристический топорик и со всей дури шарахнул по артефакту обушком. Лешке даже почудилось, что пискнуло. «Пружина» задержалась, словно карп, которого глушат, прежде чем почистить, выпотрошить и отправить на сковородку, и распалась на множество маленьких пружинок, которые так и норовили расползтись в разные стороны. Рыбарь, однако, был настороже. Он ловко сгреб норовящие сбежать артефактики в грубую ладонь и с размаха зашвырнул их в самый центр аномалии.

— Вот теперь порядок, — довольно прогудел Рыбарь. Потом повернулся к Лешке и осекся. — Ты еще здесь?

— Ага! — сказал Лешка.

Заело его, что Рыбарь такого опытного сталкера, каким он себя считал, словно бы и всерьез не принимает. Вот и ударила моча в голову — его SPAS-12 смотрел прямо в обтянутое резиной пузо Рыбаря.

— Интересно все-таки, чем это ты тут занимаешься? Первый раз вижу, чтобы в аномалии рыбу удил, да еще и артефактами прикармливали. Вот просто не могу пройти

мимо и не любопытствовать. Такой уж я любознательный от природы. Да и как ты сюда попал, дружище Рыбарь? Как мимо «выжигателя» пробрался? Не иначе, секрет какой-то знаешь или словцо щучье. Расскажи брату-сталкеру.

— Ружьишко-то свое убери, — попросил поскучевший Рыбарь. — Я же к тебе полюдски, а ты сразу за пушку. Могу, конечно, и рассказать, все равно у тебя ничего не получится, тут особый талант надобен. Я ведь раньше мировые чемпионаты по спиннингу выигрывал, за сто метров блесной могу бабочку на лету подцепить. Этому всю жизнь учиться можно, все равно без природного таланта ничего не получится.

— Рассказывай, — продолжал настаивать Лешка, понимая, что сглупил сгоряча, и опустил ружье, только выстрелить-то он мог и от бедра, с такого расстояния картечью — не промахнешься. Хотя стрелять совершенно расхотелось. Занятный он был сталкер, этот самый Рыбарь. И тоже с прибабахом, как и сам Лешка. Звонарю вдруг стало стыдно, он щелкнул предохранителем и демонстративно опустил дробовик.

Рыбарь снова опустился на насиженный камень, достал из шевелящегося брезентового мешка с артефактами четвертинку водки, ловко сдернул «бескозырку», глотнул и протянул оставшиеся сто грамм Лешке.

Звонарь выплеснул водку в горло, после чего забросил ружье за плечи и присел на какую-то валежину. Вроде бы безопасную.

— Вот я и говорю, — начал Рыбарь. — Спиннингист я, что называется, от Бога, понимаешь? Где только не рыбачил — и на Волге, и на Енисее, и в Амуре, в Байкал снасть забрасывал и даже в Карибском море меч-рыбу лавливал. А уж про реки и прочие ручьи я и не говорю, всех не сочтешь, да и не помню я каждую. Рыбалка, понимаешь ли, Звонарь, это не просто увлечение, это — страсть! Вроде везде побывал, все перепробовал, да вот захотелось мне в Зоне порыбачить. Только какая рыба в Припяти? Позор один, а не рыба. Вот я и приспособился рыбачить в аномалиях, и знаешь, понравилось! Я эти аномалии «омутами» называю, там мне привычнее. Иногда пока вытащишь какую-нибудь «ночную звезду» или «снежинку», так намаешься, словно полупудового судака вываживаешь. Вроде как я и на рыбалке, во всяком случае, удовольствия не меньше, а может быть, даже и больше. Только вот вместо лески приходится стальную струну использовать, ну ничего, мне Сидорович проволоку от старых ПТУРСов целую бухту подогнал, так что со снастью у меня полный порядок. А блесны я сам наловчился делать, когда из гильз, а когда из тех же артефактов. Ведь хороший артефакт не на всякую снасть взять можно. Вот, скажем, та же «золотая рыбка»...

Вот так Звонарь и познакомился с Рыбарем.

И теперь Рыбаря следовало непременно отыскать.

Но, как говорится, Рыбарь рыбака сыщет без фонаря.

И Лешка отправился в Затон, потому что, по информации, проданной ему известным всему сталкерскому городку на Ростке сталкеру по прозвищу Яндекс за три штуки и артефакт «гравы» в придачу, Рыбарь нынче рыбачил именно там, в Затоне. Не то «зыбь» хлестал своим спиннингом, не то пытал счастья в «разломе».

И «ведьмино сердце», возможно, все еще оставалось у него, Лешка очень надеялся, что Рыбарь его не продал какому-нибудь барыге.

Но отыскать Рыбаря было полдела, надо было уговорить отдать или продать такой ценный артефакт, как «сердце». Хотя если покупать, то на такую покупку никакого Лешкиного хабара не хватит. Вариант с отъемом артефакта Звонарем даже не рассматривался. Рыбаря он считал хорошим человеком и надеялся все-таки уговорить. В конце концов, насколько ему было известно, артефакт был многоразовый, так что можно было и одолжить, оставив что-нибудь ценное в залог.

Ценного у Лешки была только гитара, но ценность уникального инструмента для Рыбаря казалась сомнительной.

Вот если бы спиннинг какой редкий или набор блесен «от кутюр» — тогда да...

Но Лешка решил не думать о возможной неудаче, в крайнем случае Ведьмак поможет. Ведьмак, говорят, с Рыбарем накоротке, и сталкер-спиннингист, кажется, был ему чем-то обязан.

Чем-чем? Скорее всего жизнью, чем еще в Зоне может быть обязан один сталкер другому?

Жизнью, конечно!

10

Сталкеры ждали «монолитовцев», и те все-таки пришли. Однако в аномалию сразу не полезли, а расположились лагерем где-то рядом, появляясь в пределах досягаемости «винтореза» только затем, чтобы убедиться, что «ведьмин пузырь» еще не схлопнулся и вожделенного артефакта в нем нет. Одного такого наблюдателя Бей-Болт достал-таки пулей, но потом перестал обращать на сектантов внимание. Одного пристрелишь — на смену приползут двое других. Сектанты в сталкеров не стреляли, видимо, откуда-то знали, что «ведьминому пузырю» для того, чтобы исторгнуть из себя драгоценное «сердце», требовалось убить живых.

И хотя живых подлому пионерлагерю скорее всего все равно бы не досталось, но наблюдение «монолитовцы» все-таки не снимали. Мало ли что? Вдруг у кого-то не хватит храбрости пустить себе пулю в висок в последний момент? Или удастся кого-нибудь подранить так, чтобы добила уже аномалия. Чувствовалось, опыт в таких делах у фанатиков имелся, и немалый.

— Ага, вот и стервятники пожаловали, — сплюнул Берет, поднял «винторез» и вразвалочку направился к баскетбольной вышке.

В отличие от старшего товарища он, несмотря ни на что, считал отстрел сектантов делом в любом случае полезным. Да и не сидеть же сложа руки, когда эти гады вокруг так и ползают? Вот он и не сидел. Точнее, именно сидел, неведомо как устроив тощий зад на баскетбольном кольце, и старательно выцеливал «монолитовцев», отмечая каждый удачный выстрел зарубкой на прикладе.

Васька-Мобила тоже не сидел без дела, по очереди с Бадбоем обходил по периметру оставшееся пространство аномалии. Впрочем, что там было обходить, почитай, одна баскетбольная площадка только и осталась.

И только Бей-Болт, казалось, ни на что не обращал внимания. Все время думал о чем-то, потом сказал:

— В общем, ребятки, кончайте суетиться и послушайте, что я вам скажу. Есть небольшой шанс, что сектанты смогут вывести вас отсюда. Сами понимаете, они не впервые здесь шакалят. Но кто-то один должен остаться, потому что, если здесь не останется ни одного живого человека, «ведьмино сердце» не образуется. А вас, я думаю, они отпустят, потому что вы им на хрен не нужны. Деформация запущена, теперь аномалия уже не остановится. А ты, Бадди, если ты думаешь, что к нам кто-то придет на выручку, то, дай Бог, ошибаешься. Лучше будет, если никто не придет, потому что первыми нас услышали, как я и предупреждал, сектанты. Но все равно ты молодец, ты старался.

— Ну и что, что «Монолит»? — зло сказал Мобила. — С каких это пор вольные сталкеры стали «монолитовцев» бояться?

— Не все я вам, ребятушки, рассказал, — с трудом выдавил из себя старый сталкер. — Не хотел рассказывать, да, видно, придется, ведь я не просто так сюда попал, я здесь от «Монолита» скрывался, а теперь они знают, что я здесь. Такие дела.

— Нашел, где скрываться, — буркнул Берет. Бывший наставник начинал ему нравиться все меньше и меньше.

— Скрываться следует там, где враг меньше всего ожидает. Для них это место священо, табу, они здесь не убивают. «Ведьмин пузырь» — сакральная аномалия, а «ведьмино сердце» они почитают почти так же, как и свой Главный Камень. Монолит. Потому что оно не просто позволяет проходить через аномалию и нырять в телепорты, но

еще и помогает им держать какую-то непонятную связь с их главной святыней. Если, конечно, его, это «сердце», активировать, а у них имеются... ну, вроде как шаманы, которые умеют это делать. Именно этот артефакт должен находиться в центре каждого капища, чтобы камлание удалось. А после камлания «сердце» умирает навсегда, и они приходят сюда за новым. Заталкивают пленных в аномалию, отбирают оружие, чтобы те не убили себя, связывают — и ждут. Я-то сам пришел, потому и с оружием. Если бы они вас захватили, то непременно сюда бы приволокли, но им было не до вас. Вы тоже пришли сами. Так что, в сущности, свое они так или иначе получают.

— Ни хрена они не получают, — зло сплюнул Берет. Потом добавил: — А ты-то откуда все это знаешь?

— Потому что когда-то я тоже состоял в группировке «Монолит». Как туда попал — долго рассказывать, но когда Меченый взорвал Радар, я словно проснулся. Взял оружие и ушел. В результате я оказался еще с группой таких же очнувшихся «монолитовцев» рядом с железнодорожным полустанком, где мы, что мы — не понимаем. Как нас сталкеры не перестреляли — ума не приложу, но не перестреляли, нашелся какой-то толковый военный, отговорил. Я еще долго не мог приспособиться к нормальной жизни, потом понемногу разобрался, что к чему, сначала прибил к «Свободе», только мне вся эта анархическая чепуха быстро надоела, и я ушел в вольные сталкеры. Осточертели эти пьянки во имя свободы да постоянные разборки с «Долгом». Хотя, по правде говоря, «Долг» местами уж больно на ранний «Монолит» смахивает. А уже позже я поселился на Кордоне. Желторотикам вроде вас помогал, учил, как в Зоне выжить.

— Так и сидел бы себе на Кордоне! — заорал Берет уже почти не сдерживаясь. — Чего тебя, старого пердуна, сюда понесло?

— Дела у меня кое-какие остались на Радаре, — спокойно ответил старый сталкер. — После «Монолита» у меня иммунитет к «пси» выработался, словно я прививку от излучения получил. Для сектантов ведь излучение Радара не смертельно, а я уже один раз после него оклемался, да еще и разум сохранил. Поэтому я прошел на Радар под видом своего и взорвал пост управления. И Радар на время сдох. А потом отправился сюда, потому что назад вернуться не мог. Назад-то дороги не было, видели бы вы, что там поначалу творилось! Разве я знал, что вам приспичит ломануться за Барьер?

— А на кой болт ты его вообще взрывал? — спросил Мобила. — Не взрывал бы, и ничего этого сейчас бы не было. Жили бы нормальной жизнью, таскали хабар помаленьку то Сидоровичу, то Тедди, то кому еще. Мутантов бы постреливали, друг с другом собачились. Про «исполнитель желаний» байки травили.

— В «Монолите» остались мои бывшие товарищи, — тихо ответил Бей-Болт. — Они ведь тоже когда-то были людьми, и мне хотелось, чтобы они снова ими стали. Хотя бы некоторые. Хотелось дать им шанс вернуться к людям. Я же вернулся, значит, и им можно.

— Типа миссионер, — сплюнул Берет. — Сожрали мутанты твоих товарищей, другие сгорели, ну а третьи — вон они, за нами пришли.

— Плохо ты его взорвал, — в сердцах сказал Бадбой. — Его вон как быстро восстановили!

— Ну, — Бей-Болт затянулся сигаретой, — у меня же нет высшего технического, учителем я в прошлой жизни был. Гуманитарием. Я даже и не знал, что у них есть резервный пульт управления. А на тех, что правит «Монолитом» и управляет Радаром, «пси» и вовсе не действует. Они-то как раз не фанатики, а очень трезвые и расчетливые люди. Если их, конечно, можно назвать людьми.

— Знаешь, Болт, напрасно ты думаешь, что с ними, — Берет ткнул стволом в сторону «монолитовцев», маячивших вдалеке, — можно договориться. Радар же заработал, правильно? Значит, договариваться с ними бесполезно, не люди они сейчас, понимаешь? А вот мы — твои ученики, ты ведь нас учил, как правильно по Зоне ходить, как от выбросов прятаться, стрелять учил, аномалии различать. Ты многих научил жить в Зоне, не только нас. И они придут. Ученики учителя не бросают. Придут, а, Бадди?

— Придут, — уверенно сказал Бадбой. — Как же им не прийти? Они же люди, а не сектанты какие. И это... «сердце» притаранят. Так что выберемся мы отсюда, отец, не беспокойся.

— Ну, если придут... — Бей-Болт дрогнул ртом, улыбнулся, что ли? И стало заметно, что он уже почти старик. — Тогда патроны надо беречь, когда придут — поддержим их огоньком. Изнутри.

11

Лешка-Звонарь последнее время нечасто бывал в Затоне, и, может быть, зря. По меркам Зоны Затон был довольно тихим местом. Постреливали, конечно, и здесь, но в меру. Хотя одно время здесь царил настоящий беспредел. Бандиты, вычищенные сталкерами со Свалки, Агропрома и прочих хлебных мест Зоны, потянулись в Затон и с боем заняли приглянувшийся им сухогруз «Капитан Охрименко». Некоторое время они никак особенно себя не проявляли, так, отдельные налеты, стычки со сталкерами, словом, обычный мелкий рэкет. Но, обжившись, решили подмять под себя весь Затон, обложить данью все корабли, в которых гнездились сталкеры, не гнушаясь для достижения своей цели ни убийством, ни пытками — ничем. Наконец терпение у сталкеров лопнуло. Выбивали бандитов из сухогруза жестоко, дрались они насмерть и положили немало сталкеров, поэтому и казнили их тоже страшно. Паханов живьем спустили в «разлом» на глазах оцепеневшей от ужаса братвы, после чего оставшиеся в живых решили, что там, где живешь, лучше не свинячить. С тех пор в Затоне стало тихо.

Жильем сталкерской братии служили старые корабли. Изрядно подгнившие, но еще крепкие стальные корпуса оказались вполне надежным убежищем от мутантов. Народа здесь было немного, всех сталкеров Затона не хватило бы, чтобы укомплектовать экипажами даже треть сухогрузов, танкеров, буксиров и речных трамвайчиков, севших здесь на вечную мель. Наверное, сверху Затон напоминал кладбище китов, но сверху смотреть было некому, военные сюда особенно не рвались. Пролетела однажды пара военных вертолетов в сторону старой энергостанции и сгинула. Только сталкеры здесь были совершенно ни при чем. Поговаривали, что это и не энергостанция вовсе была, а что-то вроде системы микроволновых излучателей, в этом случае военные вляпались в свое же дерьмо. А может, зенитный комплекс сработал. На горке действительно стоял зенитный комплекс, похоже, С-125, «Печора», старый, еще времен Вьетнамской войны, только такие комплексы в автоматическом режиме не стреляют. Не бюреры же, в самом деле, им управляли. А может, и бюреры. Существа они почти разумные, происхождение свое ведут от технарей, вот и бабахнули, чтобы их не трогали. Во всяком случае, в тамошние подземные бункеры никому покамест забраться не удалось — двери бронированные, с мощными штурвалами, все заблокированы изнутри. И выбить эту дверь не получалось даже из гранатомета. Ну и не больно-то надо.

Аномалии здесь встречались, только было их немного, да и с артефактами бедновато. После того, как рухнула плотина и вода из затона ушла, осталось множество небольших озер, бочаг, болотцев, в которых иногда можно было отыскать пару другую «огненных шаров», «медуз» и даже «батареек», но добывать их из булькающей радиоактивной жижи или раскаленных прыщей «жарок» было непросто. Был, правда, здоровенный, богатый артефактами «разлом», тот самый, куда спустили распоясавшихся блатных, но без хорошей снаряди соваться туда было опасно. Да и со снарядой тоже, особенно после того, как там паханов сожгли. Дурным стало считаться это место. И вообще добывать артефакты в Затоне было невыгодно. Как сказал один сталкер по прозвищу Финансист — не рентабельно. В общем, считался Затон таким захолустным курортом под названием «Чернобыльские грязи». Чего-чего, а грязи здесь и в самом деле было навалом.

Вот сюда-то и направил свои стопы неугомонный спиннингист Рыбарь. Видно, молодость вспомнил, милы его рыбацкому сердцу были всякие водоемы, пусть даже и такие убогие, как в Затоне. Только вот Затон большой, и где он сейчас рыбарил — никто в баре

«100 рентген» толком не знал. Вот и пришлось Лешке-Звонарю топать в Затон и определяться, как говорится, на месте.

В бывшем прогулочном теплоходе-катамаране, называвшемся по-советски непритязательно «Отдых-3» имелось что-то вроде сталкерского дома отдыха. Ну что же, все правильно, где курорт, там и дом отдыха. Все как полагается при развитом социализме. Где обретались старшие братья катамарана, «Отдых-1» и «Отдых-2», никто не знал. Может быть, им повезло возить отдыхающих по другим рекам, не таким горьким, как Припять? Что же, удачи вам, корабли...

Имея два корпуса, катамаран не завалился на бок, как прочие суда, кроме того, остатки былой роскоши, отделанные деревянными панелями кают-компаний и рестораны в высокой палубной надстройке весьма располагали к приятному времяпрепровождению. Всем людям нужно отдыхать, даже сталкерам. Всем хочется хотя бы ненадолго туда, где чисто и светло.

Раньше Лешка частенько бывал здесь и даже поигрывал на местной дискотеке, но потом, за делами семейными и прочими, как-то стало недосуг. И вот жизнь заставила — наведаться.

Конечно же, здесь имелся бар, владельца которого, по прозвищу Боцман, Лешка неплохо знал по прежней развеселой жизни. Боцман искренне считал себя крутым мореманом, временно оказавшимся на суше, и бар-ресторан свой назвал по-морскому — «Barba Negra».¹⁸ По его словам, так именовался корабль какого-то знаменитого пирата, и в переводе на русский язык это означало «Черная борода». Сталкеры, мало знакомые с историей мирового пиратства, быстренько переименовали заведение в «Барби», что сильно расстраивало старого Боцмана. Но название прижилось, местные, да и залетные сталкеры так и говорили — «пойдем-ка, оттянемся у Барби», что старого моремана расстраивало еще больше, потому что такая фраза содержала в себе, по его мнению, некий неприличный намек. Впрочем, обижался он напрасно, потому что бар обретался при ресторане, а в ресторане были настоящие официантки. Женщины! Конечно, внешне они очень мало походили на куколок Барби, что верно, то верно, но были достаточно молоды и, на непритязательный сталкерский вкус, очень даже привлекательны. Как они угодили в Зону, как выжили и добрались до Затона, знал, наверное, только старый Боцман, следивший за нравственностью на вверенной ему посудине с истинно боцманским остервенением. А кулак у него был тяжелый, охрана решительная, да и девочки умели постоять за себя при случае. Так что вести себя в доме отдыха следовало прилично.

Звонарь намеревался выяснить здесь, куда направился Рыбарь, а заодно поспрашивать насчет Ведьмака. На помощь Ведьмака в деле получения «ведьминого сердца» он сильно рассчитывал.

Сталкер миновал тяжелые ржавые туши сухогрузов, словно вдавленные в топкую почву Затона, пересек по мосткам несколько радиоактивных низин и наконец добрался до катамарана. Катамаран на фоне общего ржавого убожества выглядел как джентльмен, которого случайно занесло на сборище портовых грузчиков. Судя по всему, его время от времени подкрашивали, хотя и не очень часто, потому что только низ понтонов, наполовину ушедших в вязкую почву Затона, был ржавым, надстройки же сияли белизной, а в широких окнах ярко горел электрический свет. Он был не из этой жизни, этот кораблик, он был оттуда. Из прошлого. Из Лешкиного далекого детства, которое прошло в доме над рекой.

— Ой, Звонарик! — взвизгнула одна из девушек, когда заляпанный грязью Лешка возник в ресторанном проеме. — Давненько же тебя у нас не было! Ты, по слухам, женился! А почему не на мне? Ладно, прощаю. Сделать тебе «Медузу»? Или лучше чистого? У нас немного есть, тут в трюме одной баржи ребята обнаружили целый винный склад. Баржа по мостик ушла в «зыбь», да так там и оставалась с самого начала Зоны. А тут, после выброса, «зыбь» вспучилась, да и выкинула эту баржу. Ребята два дня ящики с коньяком да ромом к нам на «Отдых» таскали. Боцман все у них купил, оптом. Ты что будешь, ром или коньяк? А может, виски? У нас даже виски есть!

¹⁸ Боцман ошибается. «Barba Negra» — кличка известного пирата Эдварда Тиха.

Местные девушки Звонаря любили за легкий нрав и умение виртуозно играть на гитаре. Прежнего Звонаря.

— Воду, — решительно сказал Лешка, осторожно, так, чтобы не обидеть, выпутываясь из объятий. — Воду, Полюшка-Поля. И еще что-нибудь поесть.

— Изменился ты, Звонарик, — внезапно пригорюнилась Полина. — Вон и седой стал, и голос какой-то тусклый, не то что раньше, и глаза тоже седые... Ладно, сейчас принесу.

— Подожди, Полина, а сам Боцман где? — остановил ее Звонарь. — Мне с ним потолковать требуется.

— Боцман в трюме, как ему и полагается, — отозвалась Полина. — Но ты сначала поешь, а потом и поговорить можно. И зачем тебе Боцман? Ты лучше со мной поговори, миленький. Нет такой новости или тайны на Затоне, которая была бы неизвестна официантке, особенно если нас, девушек, все-то три на весь Затон. Я тебе все, что знаю, расскажу, а ты мне за это споёшь. Лады?

— Лады, — улыбнулся Лешка. — Только, боюсь, не понравится тебе, как я теперь пою.

— Понравится, — весело ответила Полина. И убежала куда-то в служебные помещения, стуча каблучками.

Лешка посмотрел ей вслед, вспомнил Кордон, и ему стало тоскливо.

«А напьюсь-ка я сегодня, да и останусь у Полины, — подумал он, — глядишь, и отпустит».

И впрямь немного отпустило. Полина была умной девушкой, чувствовала, о чем можно спрашивать, а о чем нет, а еще она умела слушать. И Лешка впервые за долгое время смог выговориться, сбросить свою боль, и она, эта боль, не легла на душу другого человека, а словно по ветру развеялась.

Ах, Полюшка-Поля! Спасибо тебе за легкую твою душу.

12

«Зыбь» булькала и хрипела, как будто все загубленные ею когда-то сталкеры пытались выбраться наружу, но у них никак не получалось, только сожженные радиацией рты выдыхали воздушные пузыри из мертвых легких, а воздух все не кончался и не кончался.

Звонарь обошел всю огромную аномалию по периметру, но Рыбаря нигде не нашел, хотя следы кострищ на берегу «зыби» отыскиались, да только мало ли кто здесь ходил.

«Ночь переночевал, а позавчера утром ушел. Вы с ним чуть-чуть разминулись. А сейчас либо в «зыби» рыбарить отправился, либо в «разломе», — так сказала Поля-Полюшка утром, когда Лешка прощался с ней. Правда, существовал еще и третий вариант — Рыбаря затянуло в «зыбь», бывает ведь, спиннингисты заходят в реку по пояс, чтобы подальше забросить блесну, вот Рыбарь и зашел. Только «зыбь» — это вам не река. «Зыбь» — это «зыбь», из нее не wypлывают. Но Рыбарь был слишком опытным сталкером, чтобы сгинуть в аномалии, так что оставалось идти к «разлому». Кстати, по дороге неплохо бы завернуть к Отшельнику, у которого, по словам той же Полины, уже давненько гостевал Ведьмак. Может быть, к Отшельнику следовало завернуть с самого начала, но Лешке вдруг невыносимо захотелось хоть ненадолго оказаться среди праздных людей, на территории перемирия, там, где чисто и светло, вот он и отправился в «Barba Negra». В общем-то правильно сделал, что зашел. Легче стало.

Звонарь не знал, сколько у него осталось времени, долго ли продержатся сталкеры в этой чертовой аномалии, но решил, что заморачиваться этим все равно бесполезно, быстрее дело все равно не сделается. Зона не терпит торопливых, но она не терпит и медлительных. Единственный способ сделать что-то в Зоне — это поймать ее ритм, быть с ней в резонансе, и только тогда у тебя появляется шанс на успех.

Отшельник жил в старом речном буксире, построенном, наверное, еще в начале прошлого века. По бокам покрытого ржавчиной клепаного стального корпуса выступали мощные, прикрытые фигурными кожухами гребные колеса с плицами из тикового дерева, и сколько лет прошло, а дереву этому ничего не сделалось. Над машинным отделением

торчала высоченная, проржавевшая до состояния сита труба, укрепленная проволочными растяжками — чтобы не упала. Внутри сохранились монументальные остатки двухцилиндровой паровой машины с впечатляющих размеров цилиндрами, шатунами и кривошипами. Древний буксир на вид был еще довольно крепок. В те времена, когда он вышел в свое первое плавание, все делалось на совесть — никакой пластмассы, только железо, медь, бронза и дерево, так что сокрушить старика не смогла даже Зона. Умели же когда-то строить! Свое жилище Отшельник любил и холил, надпись «Сармать» выложенную латунными буквами на уцелевшем кожухе гребного колеса, регулярно драил, как и корабельную рынду. Даже флаг поднимал на единственной куцей мачте. Правда, что это был за флаг, ведал только сам хозяин, а спрашивать побаивались — в состоянии огорчения Отшельник бывал особенно буен. Над буксиром Отшельника нависали гигантские стальные клювы растопырившихся на насыпи порталных кранов — раньше здесь были причалы грузовой пристани. Проходя по насыпи, по верху которой тянулись рельсовые пути с широченной колеей, Звонарь услышал частую беспорядочную стрельбу и понял — жилище Отшельника штурмуют, и штурмуют всерьез.

Лешка пустился рысью к ближайшему крану и вскарабкался по железной лесенке на рабочую площадку. Пригибаясь, чтобы его не заметили снизу, он добрался до края решетчатой платформы, стащил с плеча «винторез», положил рядом с собой запасную обойму и приготовился. Обстановку он оценил практически сразу. Штук пятнадцать-двадцать маленьких фигурок далеко внизу, перебегая и прячась за кучами металлического хлама, брали жилище Отшельника в полукольцо. Сначала Лешка решил, что это всего-навсего недобитые бандюки, решившие сдуру грабануть Отшельника. Слухи о редких артефактах, хранившихся в трюме древнего буксира, давно не давали покоя остаткам бандитских группировок Затона. Хотя Отшельник, выступающий время от времени третейским судьей в спорах между сталкерскими группировками, и обладал экстерриториальностью, но какие бы правила и законы в человеческом обществе ни существовали — всегда найдутся отщепенцы или идиоты, готовые их нарушить.

Если это были только бандюки, то беспокоиться действительно не о чем. С уголовной публикой Отшельник справлялся, как говорится, «на раз», для таких случаев у него на обложенной мешками с песком палубе буксира имелось настоящее пулеметное гнездо. Станковый пулемет тоже имелся, и стрелять из него Отшельник умел. Причем отлично управлялся без второго номера.

К удивлению сталкера, кроме бандюков, в нападении на Отшельника участвовали люди в синих бронежилетах наемников и чего уж совсем не могло быть — «монолитовцы»! Фанатики вопреки своему обычаю переть напролом и стрелять во все, что дышит и шевелится, осмотрительно держались в последних рядах атакующих.

Лешка поудобнее устроился в позиции «лежа с упора» и стал искать подходящую цель. Раньше времени обнаруживать себя не стоило, так что вступить в бой следовало вовремя и с максимальной эффективностью.

Буксир пока держался. Клепаные бока покрылись мелкой блестящей оспой от автоматных очередей, но потом, когда из-за ржавого корпуса какого-то катера загрохотал тяжелый станковый ДШК и корпус застонал под ударами 12,7-миллиметровых пуль, Звонарь понял — пора.

Пулеметная позиция с Лешкиного насеста просматривалась просто замечательно. Сталкер навел слабо светящееся перекрестие на голову первого номера пулеметного расчета и плавно потянул спусковой крючок. «Винторез» негромко кашлянул, и наемник, а это был именно наемник, дернулся, затих и стал медленно сползать в неглубокую яму, продолжая нажимать гашетку. Пулеметный ствол повело вверх и вбок, длинная очередь прошла вкось по борту буксира, срезала угол трухлявой деревянной надстройки и прошла по основанию ржавой дымовой трубы, кроша ее, словно ножку изъеденного червями гриба. Второй номер на секунду замешкался, поднял голову, обозначив расчерченное темными полосами лицо, в которое сталкер сразу же всадил вторую пулю, и улегся рядом с первым. Лешка вытер вспотевший лоб и шустро переполз на другую сторону площадки, потому что, оторвавшись

от прицела, боковым зрением засек блеск оптики снайперской винтовки. И почти сразу же сбоку, но уже не в цель, ударила тяжелая пуля СВДм-2. Это было уже серьезно. Лешка, волоча за собой «винторез», пополз под защиту мощной крановой фермы, туда, где вражеский снайпер не мог его достать. Потом, оставив чехол с гитарой и бесполезный в этом бою дробовик у подножия проржавевшей до состояния кружева лесенки, забросил «винторез» за плечо и полез вверх, туда, где находилась кабина крановщика. Лезть пришлось высоко. Вбросив отяжелевшее тело на узкую, огороженную перилами площадку, сталкер втиснулся на сиденье крановщика и выставил ствол в оконный проем. Пульс частил, и, прежде чем стрелять следовало успокоиться. Звонарь посмотрел вниз.

Буксир сражался до последнего, дрался яростно, так, как дралось давно не существующее племя кочевников-сарматов, имя которого он носил. Огрызался автоматными плевками из круглых иллюминаторов машинного отделения, бил длинными пулеметными очередями с капитанского мостика, обложенного предусмотрительным Отшельником мешками с песком, харкал осколочными гранатами из-за избитого пулями фальшборта. Но врагов было много, и большинство из них было профессионалами. Примерно в четырехстах метрах от борта обреченного буксира поднялся наемник и уложил на плечо куцую трубу крупнокалиберного противотанкового гранатомета «Клюква».

Звонарь как мог прицелился и выстрелил, потом еще раз, еще и еще... Но расстояние было для «винтореза» все-таки великовато, да и много ли впопыхах настреляешь? Гранатомет сработал, выбросив позади стрелка длинный и быстрый язык пламени, и 125-миллиметровая кумулятивная граната ударила в кожух гребного колеса старого буксира. Кумулятивный заряд не взрывается, кумулятивный заряд вопреки распространенному заблуждению, не бронепрожигающий, а скорее бронепродувающий. Звонарь успел увидеть, как под кожухом пыхнуло огнем, потом стальной лист вскипел и скрутился, как перегретая целлулоидная пленка, а потом Лешке стало не до буксира, потому что его резко и страшно ударили по голове.

И пока сталкер, израсходовавший патроны в обойме «винтореза», пытался достать ножом невесть откуда взявшегося в кабине порталного крана снарка, на корме буксира появился человек в рыбацком комбинезоне и, взмахнув длинным хлыстом спиннинга, забросил в самую середину наступающих наемников что-то трепещущее и нестерпимо блестящее.

Земля чавкнула, сглотнула и пошла мелкой рябью, словно стала жидкой. Да она и стала жидкой — по правому, горящему борту буксира разверзлась самая настоящая «зыбь». Накрутившие себя до истерической храбрости бандюки, поднявшиеся в атаку в полный рост, экономно и грамотно продвигающиеся наемники и «монолитовцы» — все разом ухнули в нее. Старый буксир, заваливаясь на правый борт, тонул, как и полагается боевому кораблю, непобежденным. Спиннингист бешено крутил катушку, потом вздернул удилище, сверкающая искра выскочила из «зыби» и забила в воздухе. И тут все кончилось. Хлябь в одну секунду вновь стала твердью, из которой торчали мертвые и еще живые люди.

Звонарь стряхнул с себя останки снарка, выругался, дрожащими руками закинул за спину «винторез» и стал медленно спускаться на нижнюю площадку к своим пожиткам.

«Ай да Рыбарь, — думал он, — интересно, что это за блесна у тебя такая, от которой земля волнами идет, и кто ты такой вообще, Рыбарь?»

13

Звонарь спускался по крутому склону насыпи к завалившемуся на бок буксиру, наигрывая на гитаре блюз «100 рентген». Лучшего опознавательного сигнала «свой-чужой» он на данный момент придумать не мог. На палубе еще дымящегося судна одна за другой появились три фигуры, они торопливо выгружали из трюма на палубу какие-то ящики и мешки, цинки с патронами, оружие и снова ныряли в дымящийся люк.

— Ага, вот и Звонарь, — сказал Отшельник, аккуратно укладывая на палубу рядом со световым люком ящик с гранатами. — А я думаю, вроде все в сборе, только Звонаря не

хватает, а он — тут как тут! Идет себе, в ус не дует, да еще и песенку поет. А мы тут, понимаешь, кровь мешками проливаем. Да шучу я, шучу... Ну, здорово, Леха! Какими судьбами? А мы тут переезжаем, тонет мой флагманский корабль, как видишь.

Ведьмак с Рыбарем поздоровались с Лешкой.

— Это ты пулеметный расчет положил? — спросил Ведьмак. — С первых выстрелов, с насыпи это будет метров пятьсот, если не больше. Ну, ты силен, бродяга!

— Да разве я силен, — ответил Звонарь, махнув рукой в сторону Рыбаря, — вот кто силен так силен! Что это было, Рыбарь? Я так толком и не разглядел, потому что мне snork по черепу заехал, а когда я его прирезал, то все уже кончилось. Без меня разобрались. Так что за штуку ты туда бросил? Я такого артефакта отродясь в глаза не видел.

— Не бросил, а забросил, — солидно поправил его Рыбарь. — Я лично называю эту пакость «хлябь». Блеснил я давеча в «зыби», ну и подцепил эту фиговину тройником. Сопротивлялась, зараза, что твой пудовый таймень, но я, конечно, справился. Поводил с полчаса, дал воздуха глотнуть, как полагается, она потрепыхалась немного и сдалась. И странное дело, как только эта хреновина выскочила наружу, как «зыбь» сразу возьми, да и встань, сменила, понимаешь, агрегатное состояние. Я кивнул спиннингом, она плюх — и опять почва жидкая, как кисель. Я эту хреновину с тройника снял, с опаской, конечно, — вроде ничего, не жжется и не кусается. А потом сунул в стеклянную банку, да и пошел себе. А «зыбь» так и осталась твердой, теперь уже навсегда. Там еще посерединке аномалии какая-то баржа стояла полузатонувшая, так теперь к ней запросто посуху пройти можно. А сегодня, видишь, эта пакость очень даже пригодилась. Полезная в общем-то зараза, только военным ее ни в коем случае давать в руки нельзя. Я ее, конечно, утоплю где-нибудь в укромном месте, но только не сейчас.

Ведьмак тем временем обошел похожее на розоватую кляксу пятно, оставшееся на месте сотворенной Рыбарем «зыби». Время от времени он наклонялся к вросшим в землю мертвецам, отыскивая хотя бы одного оставшегося в живых. Наконец на дальнем краю пятна обнаружился совсем молодой пацан, судя по кожаной куртке и валяющемуся рядом обрезу — из бандитов. Парень беззвучно скулил, пытаясь вытащить вросшую по щиколотку в землю ногу, не понимая, что на самом деле никакой ноги ниже щиколотки у него больше нет. Увидев Ведьмака, бандит заскулил уже в голос, попытался дотянуться до обреза, но тот отлетел слишком далеко, так что дотянуться не получилось.

Глядя на приближающегося с гурдой в руке Ведьмака, бандит уставился на него круглыми мальчишескими глазами и снова перестал скулить, только рот открывал и закрывал, словно никак не мог надышаться. Все верно, перед смертью не надышишься.

Ведьмак подошел вплотную и потребовал:

— Говори.

— Дяденька, не убивайте... — тоненько проскулил бандюк и зарыдал по-мальчишески бессильно, горько и зло.

— Кто вас нанял? — жестко спросил Ведьмак. — Говори, сопляк, кто вас нанял?

Пацан замолчал, только глазами лупал. Потом спросил:

— А не убьешь?

— Пока не знаю, — честно ответил Ведьмак. — Но если скажешь — дам нож. Отрежешь ногу, доберешься до своих — будешь жить. Так кто?

— Суки... — снова заплакал бандюк. — Как я без ноги жить-то буду! Не смогу я ее отрезать, боюсь, я ее вытащу! Вот, возьми, только не убивай!

Он вытащил из кармана брезентухи «светляк» и бросил его под ноги сталкеру.

— Говори, — повторил Ведьмак.

— «Монолитовцы», суки, — захлебываясь словами, заговорил бандюк, — пришли вместе с наемниками, денег дали, сказали одного фраера грабануть требуется, дело простое, забашляли нормально, ну, мы и пошли... Суки!

— Ладно, живи, — разрешил Ведьмак. — «Светляка»-то своего подбери, он тебе жизнь спас и еще спасет.

И уходя, с разворота хлестнул острым лезвием по щиколотке пацана.

— А-а-а! — захлебнулся криком бандюк. — Обманул, сука, а обещал...

— Доползешь до сухогруза — твое счастье, — равнодушно сказал Ведьмак, — не доползешь — стало быть, судьба.

И пошел к своим.

— Это «Монолит», — сказал он Отшельнику.

Отшельник кивнул, как будто появление фанатиков в Затоне, вдали от Радара и ЧАЭС, было совершенно обычным делом. Рыбарь тоже кивнул. Похоже, он был в курсе. Лешка сначала ничего не понял, а потом сообразил, что скорее всего сектанты пришли сюда за тем же, что и он. И тогда он решился.

— Слушай, Рыбарь, — начал Лешка, — я вообще-то тебя по всему Затону ищу. Дело у меня к тебе...

— Погодите вы о делах, — прервал их Отшельник. — Вещички вот сейчас перетащим на запасной борт, выпьем по маленькой, а потом уж о делах поговорим.

Они отволокли пожитки Отшельника подальше от чадящего буксира. Потом Отшельник повернулся к Рыбарю и сказал:

— Ну, давай!

Рыбарь молча взмахнул своим спиннингом.

Трепещущая искра описала в воздухе длинную параболу и угодила точнехонько под оплавленный борт старой посудыны.

Прощай, «Сармать», — сказал Отшельник, и Звонарю показалось, что по его небритой морде сейчас покатятся слезы. Показалось. И они все четверо молча стояли и смотрели, как уходит в гиблую и зыбкую землю Зоны древний буксир. Уходит навеки. Погружаясь, «Сармать» выправился, встал на ровный киль, сначала скрылись мощные гребные колеса, потом земля сомкнулась над палубой, потом пропала рубка и только мачта с обвисшим флагом осталась торчать на поверхности, когда Рыбарь наконец рывком выдернул наружу свою «хлябь».

Отшельник встрепенулся и, осторожно ступая по еще рыхлой розовой почве, пошел к торчащему из земли флагштоку, снял флаг, свернул и бережно спрятал за пазуху.

— Слушай, Отшельник, а что это за флаг был у тебя на «Сармате», — решился-таки спросить Звонарь.

— Дура ты неграмотная, — почти ласково ответил отшельник. — Военно-морской флаг СССР, конечно. А ты что думал?

Они перетаскивали пожитки Отшельника в довольно хорошо сохранившийся бронекатер, лежащий на грунте километрах в полутора на север от затонувшего «Сармата». Когда ящики и мешки были свалены в трюме посудыны. Отшельник выбрался на палубу, достал из-за пазухи флаг и поднял его на коротком флагштоке. Катер назывался «Скиф».

— Ну а теперь рассказывай, Звонарь, что тебя привело в наши неласковые края, — спросил Отшельник, когда четверо сталкеров разместились в тесном кубрике катера за металлическим, крашенным шаровой краской столом и налили по первой. — Вы ведь, и Ведьмак, и Рыбарь, и ты — известные сталкеры-одиночки, у каждого свой способ ходить по Зоне, а тут гляди-ка — все собрались у старого Отшельника! Я думаю, неспроста это.

— Ну... — начал Звонарь, — короче говоря, к тебе я заглянул, потому что мне сказали, что у тебя гостит Ведьмак. А Ведьмак мне нужен, чтобы уговорить Рыбаря, который тоже оказался здесь, в общем... В общем, тут знакомые сталкеры в «ведьмин пузырь» угодили, знаешь, это почти на берегу Припяти, за Радаром. Можно сказать, что это я виноват, я им сказал, что Радар отключился, вот они и двинулись на новые места. Я виноват, мне и исправлять. Поэтому я отправился искать Рыбаря, у которого имеется подходящий артефакт... Короче, Рыбарь, выручай! Чего хочешь проси!

— А чего с тебя взять-то, кроме музыки, — пожал плечами Рыбарь. — Бери, коли нужно, тем более что мне эта штука на фиг не нужна, одни неприятности от нее. Я как-то забрел в те края, хотел в Припяти порыбарить, смотрю, место такое аккуратненькое, пионер с пионеркой у ворот, домики голубенькие, баскетбольная площадка, а посредине этой самой площадки торчит что-то вроде вертикальной какашки, а наверху...

— Как ты сказал, — встрял Ведьмак, — вертикальная кашка? Слушай, Рыбарь, может, ты скрытый поэт? Ты не стесняйся, мы никому не скажем, честное сталкерское!

— Отзынь, — добродушно отмахнулся Рыбарь. — Так вот, значит... А наверху этой самой кашки что-то ярко-алое пульсирует, словно капля свисает, но только свисает вверх, а не вниз, как полагается порядочной капле. И такая меня вдруг тоска взяла ни с того ни с сего, чуть было не рехнулся с этой тоски... Захотелось эту каплю взять с собой и что-нибудь хорошее из нее сделать.

— Например, мормышку на кашалота, — снова не удержался Ведьмак. — Если уж тоска берет, то почему бы не развлечься? Подледный лов кашалотов — это куда как круто!

— Ну вот, снова ты, Ведьмачина, все опошил, — недовольно проворчал Рыбарь. — Короче, взял я эту капельку с третьего заброса. Самую уловистую блесну там оставил, но все-таки зацепил и выволок. И тут раздался такой звук, словно огромный зонтик с тугой пружиной раскрылся, а меня, даром что далеко стоял, на землю повалило. Ну, я...

— Взял эту хреновину, да и сунул в стеклянную банку, — договорил за него Ведьмак.

— Ну да, — сказал Рыбарь. — А что мне с ней еще было делать?

— А почему ты не вернулся за блесной? — спросил Отшельник.

— С детства ненавидел пионерлагеря, — буркнул Рыбарь, — вот и не пошел! Только имей в виду, Звонарь, что именно за этой штукой сюда приперлись «монолитовцы». Зачем-то им она нужна. Так что сам понимаешь...

— Понимаю, — сказал Звонарь. — Но мне пора. На ПДА сообщение пришло от Сахарова, он с Бей-Болтом на связи. В общем, мужики в этом пионерлагере уже чуть ли не друг на друге сидят, а вокруг озверелые «монолитовцы» шакалят. Так что жить ребятам осталось день или два. Пойду я, надо спешить.

— Значит, вот куда пропал Бей-Болт, — протянул Ведьмак. — А кто там с ним еще?

— Берет, Мобила и еще какой-то новенький, Бадди его зовут, кажется. Совсем птенец.

— Тогда я, пожалуй, пойду с тобой, — решительно сказал Ведьмак. — А то, боюсь, без меня ты не справишься.

— Да и мне Затон порядком поднадоел, — сворачивая самокрутку, сообщил Рыбарь. — Давненько я в Припяти-реке не рыбарил. А потом, без меня вам с Бакенщиком нипочем не договориться. А без Бакенщика вам туда за день не никак успеть. Эх, знали бы вы, ребята, как же я в детстве ненавидел эти пионерлагеря!

14

С Бакенщиком Звонарю встречаться уже доводилось, и не раз. Станным существом был этот самый Бакенщик. Человеком или контролером — никто не знал. Может быть, и тем, и другим одновременно, одно можно было сказать точно — сталкером он уж точно не был. Скорее всего он был все-таки контролером, который каким-то образом ухитрился остаться человеком. Такие случаи в Зоне бывали, взять, к примеру, того же пьяного зомби, сохранившего в себе человека. Хотя с зомби все более или менее понятно, тут сыграло роль то, что на момент превращения в зомби, бывший студент Юрик, был беспробудно пьян, ну и еще, конечно, губная гармошка. Музыка удерживала зомби-студента на грани между жизнью и смертью. Музыка да водка. А понять, почему так, уже не получится. Кончился пьяный зомби, застрелил его Бадбой. С Бакенщиком дело обстояло значительно сложнее. Ни пьяницей, ни музыкантом Бакенщик не был, в зомби не превратился — контролер сам кого хочешь при желании может зомбировать. Скорее всего Бакенщик до катастрофы был «человеком реки», может быть, капитаном, а может, начальником черновыльского водозабора, и, получив во время второй катастрофы дар контролера, при реке и остался. В отличие от других контролеров Бакенщик был занят делом — обозначал фарватер, зажигая свои бакены. А для кого — этого людям никогда не узнать. Со сталкерами Бакенщик предпочитал не встречаться, хотя многие его искали. Но большинство из тех, которые нашли, никогда не расскажут о том, каков он, этот странный человек-контролер. Слухи о сокровищах, спрятанных в его хижине, время от времени будоражили Зону, и на поиски

легендарного Бакенщика отправлялись целые экспедиции. Только если Бакенщику не хотелось, чтобы его нашли, его и не находили. А если хотелось поразвлечься, то, случается, и находили. Только зря они это делали! Убивал Бакенщик охотников за его артефактами безжалостно, как любой контролер. Да и существовали ли на самом деле эти сокровища? Может быть, сундук с артефактами, который Лешка-Звонарь видел своими собственными глазами, был всего лишь иллюзией, сотворенной матерым контролером? Но почему-то для некоторых сталкеров Бакенщик делал исключение, потому что Рыбарь определенно искал его не наугад, вел группу уверенно, словно точно знал, где сейчас Бакенщик.

— Слушай, Рыбарь, а ты уверен, что мы идем правильно? — спросил Лешка, когда они прошли через Болота и выбрались к полуразрушенному мосту через Припять. — Я ведь в прошлый раз с ним совсем в другом месте встречался.

Степенно вышагивающий впереди сталкер в болотных сапогах и брезентухе пыхнул душистым самосадом и бросил через плечо:

— Уверен.

Это было то самое место, где когда-то Звонарь встретил Ведьмака с зомби Юриком. Пьяным зомби, зомби-музыкантом. Насколько Лешке помнилось, никакого домика Бакенщика поблизости не было.

— Эй, Рыбарь, по-моему, все-таки ты завел нас куда-то не туда, — снова начал было Лешка, но Рыбарь поднес палец к губам. Точь-в-точь как комсомолка с плаката «Не болтай», который Звонарь однажды видел в подземельях Агропрома.

Сталкеры примолкли и затаились.

Рыбарь неторопливо спустился к черной, тяжелой воде, полез в свой мешок и вытащил оттуда два круглых камня и грубые монтерские резиновые перчатки. Перчатки он натянул на руки, потом взял свои булыжники, погрузил руки в воду и несколько раз стукнул камнем о камень. Потом прислушался к чему-то и опять принялся за свою азбуку Морзе. Наконец результат перестукивания его удовлетворил, он с криком поднялся, положил камни на берег, стащил перчатки и с удовольствием закурил.

— Ждем, — объявил он опешившим сталкерам. — Через часик-другой Бакенщик причалит.

— Слушай, Рыбарь, — спросил Лешка. — А у тебя эти камни — это что, артефакты какие-то? Что-то многовато у тебя в загашнике неизвестных сталкерскому сообществу артефактов! Поделился бы информацией со старыми друзьями.

— Какие еще артефакты? — искренне удивился Рыбарь. — Обыкновенные булыжники. Я их возле железнодорожной насыпи подобрал. Если хочешь — пойди и тоже набери. Там таких артефактов — хоть жопой ешь!

— А откуда ты знаешь, что Бакенщик здесь будет через час?

— Ну, может быть, и не через час, может, через полтора или даже три, а то, что он будет, — так это понятно. Скоро вечер, время зажигать бакены. Во-он видишь, белый бакен? Это мель обозначена. А красный видишь? А желтый? То-то же. Бакенщик по реке когда надо плавом передвигается, на байде своей, а когда торопится или в притоках бакены зажигает — то через телепорты. Их на реке много, только места надо знать. Вот ты, к примеру, или Ведьмак, вы телепорт от гравитационной аномалии не отличите, а Бакенщик запросто отличает.

— А ты? — спросил Ведьмак.

— А что я? — непонимающе вскинулся Рыбарь.

— Ты телепорт от обычной аномалии отличишь?

— Положим, отличу, — признался Рыбарь. — Я, конечно, хуже Бакенщика во всем этом хозяйстве разбираюсь, но все-таки немного кумекаю.

— А почему мы со Звонарем не кумекаем, а вы с Бакенщиком кумекаете? — подозрительно спросил Ведьмак.

— Потому что мы — люди реки, а вы — нет, — спокойно ответил Рыбарь. — Точнее, Бакенщик-то он не совсем человек, но все равно — всю жизнь и всю смерть на речке провел,

так что мы с ним дружка дружку с полуслова понимаем. Ну чего вы на меня уставились, как голодные кровососы? Человек я, человек, успокойтесь!

Лодка Бакенщика вынырнула из заполняющей речное русло вечерней темноты неожиданно, хотя на носу ее горел уже знакомый Звонарю фонарь «летучая мышь». Проспали, наверное, а может, просто Бакенщик отворил телепорт прямо у стоянки сталкеров. На носу сидел головастый чернобыльский пес, который при виде сталкеров тихонько заворчал, словно обыкновенная сторожевая собака. Сам Бакенщик сидел на веслах спиной к сталкерам и греб ровными короткими гребками. Весла входили в неживую воду без всплесков и брызг, от них на поверхности реки оставались маленькие, убегающие водовороты, вода в которых слегка светилась. В нескольких метрах от берега Бакенщик перестал грести и повернулся к сталкерам лицом. При свете горящего на носу лодки фонаря лицо Бакенщика показалось сталкерам жутким, почти нечеловеческим, но ведь любое лицо, подсвеченное снизу, так выглядит, да и команда попалась неробкая — видывали всякое, даже то, что нормальному человеку видеть не следует.

Длинная дощатая лодка с широко разваленными бортами мягко ткнулась в берег. Пес первым спрыгнул на черный песок, покосился на сталкеров и прыгнул куда-то в темноту.

— Привет, Рыбарь, — неожиданно нормальным человеческим голосом сказал Бакенщик. — Кто это с тобой? Одного я вроде бы знаю. Точно знаю, эй, Звонарь, помнишь меня?

— Тебя разве забудешь, — буркнул Звонарь. Действительно, воспоминание о первой встрече с Бакенщиком едва ли можно было отнести к категории приятных. Да и вторая встреча была не из самых обыкновенных.

— Куда наемников-то подевал? — спросил Звонарь, вспомнив Припять и Катерину на берегу. — Зверюге своему скормил, что ли?

— Картошку они копают, — солидно ответил Бакенщик. — У меня как-никак хозяйство, не то что у некоторых. Кормить-то команду надо?

— Ну, ты даешь... — только и сказал Ведьмак. — Профессиональных киллеров заставил картошку копать! Зверь ты после этого, а не человек!

— Кончайте бузить, полезайте в лодку, — скомандовал Бакенщик. — У меня еще на половине реки бакены не засвечены, некогда мне тут с вами рассусоливать.

Страшный чернобыльский пес мгновенно вывалился из темноты и занял свое место на носу байды.

— Эй, сталкеры, а лодку кто за вас сталкивать будет? Академик Курчатов? — крикнул Бакенщик, копаясь на корме в стареньком подвесном моторе, не то «Стреле», не то «ЗИФ-5».

Ведьмак спрыгнул на берег, навалился, ненадолго оказавшись нос к носу с чернобыльской тварью, лодка пошла кормой на глубину, Ведьмак легко вскочил на носовой настил, и они тронулись.

— Куда вам? — спросил Бакенщик, наматывая веревку на маховик старенького движка.

Звонарь вывел карты на экран ПДА и молча показал его Бакенщику.

— Гиблое место, — прокомментировал Бакенщик, дергая за веревку. Мотор гавкнул и замолк. — Чего вас туда несет? Оттуда же даже мне нет выхода.

— Поищем, — сказал Ведьмак. — В крайнем случае выйдем через вход.

Бакенщик пожал плечами, мол, со входом-то как раз все в порядке, только выйти через этот вход пока что ни у кого не получалось. Но если вы решили, то дело ваше, вы ребята взрослые.

— Будем в расчете, — бросил он Рыбарю и снова дернул веревку.

Мотор заперхал на всю речку, за кормой вспухли сизые пузыри выхлопа, и байда пошла прочь от берега.

До ближайшего телепорта, ведущего в окрестности пионерлагеря, оказалось не близко — километра четыре, если не больше. Тарахтел старенький движок, мимо проплывали низкие унылые берега, один раз под водой обнаружилось какое-то светящееся электрическим светом пятно, байда резко вильнула, огибая его, потом прижалась к высокому

берегу. Фонарь на носу выхватывал из темноты покрытую пенными разводами, словно шелушащуюся поверхность воды. На фоне желтого дрожащего пятна выделялся силуэт чернобыльского пса. Тварь напряженно всматривалась в темную воду, словно готова была в любой момент прыгнуть.

Байда снова вырулила на стрежень. Внезапно Бакенщик заглушил мотор, и некоторое время лодка скользила по инерции в почти полной тишине, только что-то потрескивало впереди, там, где расплылось синее пятно с танцующими над ним электрическими разрядами. Лодка вошла в это пятно, уключины и лопасти весел, маховик мотора, планширь — все засветилось голубым, потом раздался треск, запахло озоном, и они очутились совсем в другом месте.

То, что это телепорт сработал, сталкеры поняли сразу. За годы жизни в Зоне у человека вырабатывается особое чувство пространства. Ощущение локации. Сталкер почти всегда без всякого ПДА представляет себе, где он находится. Когда лодка вынырнула из телепорта и грузно просела, угодив на самую границу слабенькой гравитационной аномалии, Звонарь понял, что на левом берегу за дорогой находится Радар, впереди, всего-то километрах в тридцати, — город Припять, а еще дальше — водозаборы Чернобыльской АЭС.

— Приехали, — удовлетворенно сообщил Бакенщик. — Сейчас высажу вас на берег, дальше сами пойдете. С тобой, Рыбарь, мы в расчете, так что в ближайшем будущем можешь на меня не рассчитывать.

Байда, раздвинув жухлые камыши, села на днище, и сталкеры, оставляя светящиеся следы в илистой отмели, выбрались на плотный береговой песок.

— А о каком долге он говорил? — спросил Звонарь у Рыбаря.

— А, — отмахнулся Рыбарь, — пустое! Песика его я однажды из «карусели» вытащил. Вот и весь должок.

— И как же ты его оттуда вытащил?

— Как, как... Ясное дело, за хвост. Собаку только за хвост и можно откуда-нибудь вытащить. За остальное хвататься неудобно.

15

Сталкеры нечасто ходят по Зоне ночью, хотя некоторые аномалии ночью видно значительно лучше, чем днем, например, ту же «электру», но и для монстров ночь — можно сказать, время отдыха, хотя вроде бы кровососа и днем-то не очень заметишь, а уж ночью и подавно. Или, скажем, химера. Чего бы этой твари по ночам не охотиться? Однако же ночью химера, как правило, отправляется на лежку, а охотится почти всегда днем. Профессор Лебедев из «Чистого Неба» говорил, что это потому, что большинство мутантов произошли от людей, а люди в массе своей — дневные животные.

Трое сталкеров шли вдоль берега Припяти ночью. Конечно, лучше бы разбить лагерь, развести костерок, разогреть консервы, потравить сталкерские байки, установить очередь дежурств, да и выспаться хоть немного перед непростым днем. Только вот время — время поджигало, а еще где-то рядом находилась стоянка фанатиков из «Монолита», и шанс разобраться с ними до наступления дня и без лишнего шума упускать было нельзя.

Стоянку фанатиков-сектантов они заметили издалека. Точнее, не саму стоянку, а высокий уродливый конус капища «монолитовцев», торчащий из чахлого лесочка метрах в двухстах от речного берега. Конус походил на дырявый неряшливо слеplенный термитник или вигвам высотой метра четыре, сложенный из чего попало — здесь были обломки каких-то механизмов, древесные стволы и полусгнившие доски. Видимо, материал, из которого изготавливался конус, особой роли не играл. Внутри конуса размещался странный прибор, слегка смахивающий не то на вакуумный пентод, какие когда-то применялись в радиоаппаратуре, не то на стеклянный самовар без трубы. Фанатики сидели кружком, словно зеки, на корточках, и не отрываясь смотрели на конус. Один из фанатиков возился с прибором, установленным в центре капища. Часовых сектанты не выставили.

Сталкеры изготовились к стрельбе, но Рыбарь движением руки остановил товарищей, разложил спиннинг, вытащил из стеклянной банки свою «хлябь», аккуратно прицепил к карабину на конце поводка и взмахнул удилищем.

Тусклая искра взлетела над чахлым подлеском и упала прямо под ноги «монолитовскому» шаману или жрецу или кто-его-знает-кому, который возился с прибором внутри конуса. Однако на этот раз артефакт почему-то не сработал. Разбираться, почему это случилось — энергия кончилась или что-то еще, — не было ни времени, ни желания, потому что фанатики рывком перешли из состояния полутранса в состояние бодрствования. И надо сказать, весьма активное состояние. Много плохого можно сказать о группировке «Монолит», и психи они ненормальные, и стреляют в каждого, кого обнаружат на дистанции выстрела, и нелюди... Но назвать их плохими бойцами не рискнул бы никто. Бойцами они были хорошими, и экипировка у них имелаась — первый сорт, причем явно не кустарного изготовления, радиацию держала так, что боец «Монолита» мог пройти там, где большинство сталкеров, даже если бы каждую минуту глотали антирадиационные препараты, запивая их водкой, сгинули бы в два счета. И оружие у них было соответствующее. Как правило, «монолитовцы» были вооружены АК-74, но и такие машинки, как немецкая ГПЗ7, у фанатиков встречались довольно часто. Кто-то богатый и влиятельный из внешнего мира контролировал секту фанатиков, боготворящих легендарный камень в жерле четвертого реакторного блока ЧАЭС, кто-то сумел найти с ними общий язык, снабжал их оружием, боеприпасами и снаряжением... И получал за это нечто, полностью, с лихвой, тысячекратно оправдывающее понесенные затраты. Интересно, что это было? Артефакты, которые «монолитовцы» беспрепятственно выносили из самого центра Зоны? Технологии, оставшиеся в покинутых людьми лабораториях и секретных исследовательских центрах? А может, сами сектанты, существа, которым свободу воли заменила слепая вера в Монолит, не повлиявшая, однако, на боевые навыки, рассматривались кем-то в качестве первых экспериментальных образцов идеальных солдат будущего? Или, наоборот, будущих верных псов инопланетных завоевателей планеты Земля?

Увидев, что «хлябь» не сработала, Звонарь короткой очередью срезал ближайшего, еще не успевшего подняться с земли сектанта. Где-то в двух шагах бесполезно грохнул бокфлинт Рыбаря, заряженный картечью, наконец слева раздался рваный треск автомата Ведьмака, еще двое фанатиков упали. Ведьмак, как известно, предпочитал холодное оружие, но если уж приходилось стрелять, то признавал калибры от 7.62 и больше, презрительно называя более современное, оружие калибров 5.45 и 5.56 пукалками для мажоров.

Фанатики кольцом окружили свое капище, и это лишило их возможности маневра. Рыбарь отбросил свой бесполезный дробовик, выудил из брезентовой сумки несколько гранат РГД-5 и с ловкостью жонглера зашвырнул их прямо в центр капища, туда, где в шатре из всякой подручной дряни громоздился прибор неизвестного назначения. После этого раненых фанатиков оставалось только добить, но кое-кто вовремя нырнул за конус капища и теперь убегал, чтобы спасти свою жизнь. Такое поведение для фанатиков было необычным. Как правило, они сражались до последнего.

Чья-то тень метнулась в темноту, пытаясь скрыться в невысоком подлеске, но Рыбарь крутанул невесть когда разложенным спиннингом, и человек споткнулся и упал на землю. Ведьмак со Звонарем кинулись к нему и скрутили. Человек молча и яростно сопротивлялся, потом, наткнувшись взглядом на гурду Ведьмака, перестал вырываться и позволил себя связать. Рыбарь извлек из рюкзака катушку со стальной струной и спутал беглецу руки.

— Еще добро на тебя, гада, переводить, — недовольно прошипел он, — пристрелить, да и все дела.

— Шаман, — посветив фонариком в лицо упавшему, сказал Ведьмак. — Рыбарь, а ведь ты настоящего «монолитовского» шамана на свою удочку поймал!

— Вы идиоты, — прошипел шаман. — Какой я вам шаман? Развяжите меня немедленно и немедленно дайте сюда мой ПДА. Я свяжусь с кем надо, и за мной прилетят.

— Ой! — воскликнул Ведьмак, наступая тяжелым берцем на ПДА шамана. — Надо же, какой хрупкий прибор! Взял, да и сломался! Так что с вызовом помощи придется повременить.

— Вам придется отнести меня на Радар. — Шаман, казалось, был совершенно уверен, что ничего плохого с ним случиться не может. — Я сам не могу идти, у меня нога не то вывихнута, не то сломана.

— Чем это ты его так приголубил, а, Рыбарь? — заинтересовался Ведьмак. — Бежал, понимаешь, человек, бежал по своим делам, может, на свидание спешил, может, к детишкам малым, а ты своей удочкой раз — и зацепил за ногу. И теперь он не то что бегать, а даже и ходить не может.

— «Бубликом», — смущенно ответил Рыбарь. — Я «бублик» вместо блесны на спиннинг прицепил и этому гаду под ноги забросил. «Бублик» раскрылся, вот этот тип и навернулся.

— Развяжите меня, — решительно потребовал шаман. — А... черт бы вас побрал! Все равно ведь просто так не развяжете, посмотрите сначала документы.

Ведьмак покивал головой, дескать, и впрямь не развяжем. Жестокые мы люди, никому на слово не верим.

— Документы в контейнере для артефактов, — сказал шаман. — Полагаю, посмотрев их, вы меня отпустите и вызовете помощь. Или отнесете на Радар. Сектанты стрелять не станут, я ручаюсь. И еще... вам заплатят, и хорошо заплатят.

— Хорошо поешь, да где сядешь, — промурлыкал Ведьмак, копаясь в контейнере. Наконец он извлек оттуда запаянную в пластик книжечку и принялся внимательно ее изучать.

— Ага, — сказал он через некоторое время. — Угу...

— Ну? — нетерпеливо сказал шаман.

— Вот, значит, как, — неторопливо протянул Ведьмак. — Стало быть, Контора и сюда дотянулась! Скажи мне, майор Векшин, есть на этой планете хоть одно местечко, где бы вас не было? Можешь не отвечать, знаю, что нет. Теперь точно знаю... Ну, рассказывай, майор, что ты здесь делаешь и какой помощи от нас ждешь.

Выслушав, Ведьмак ненадолго задумался и сказал:

— «Ведьмино сердце», говоришь, тебе нужно? Обещаю, майор, будет тебе «сердце». В полутора километрах на север, говоришь? Очень хорошо. А насчет отмычек — не беспокойся, майор, когда «сердце» созреет — не понадобятся тебе никакие отмычки.

И крикнул:

— Рубите ветки, сталкеры, понесем майора на плечах. Он ведь герой, наш майор, правда, ребята? Правда, майор, ты ведь у нас герой? Ничего, мы тебе дадим возможность проявить героизм, это я тебе точно обещаю!

Звонарь с Рыбарем нарубили веток и соорудили носилки. Майора-шамана уложили на носилки и понесли вдоль берега. Через полчаса сталкеры подошли к воротам пионерлагеря и остановились.

Светало. Над Припятью вставало бледное солнце Зоны.

— Звонарь, расчехляй гитару, играй побудку, — скомандовал Ведьмак. — А то примут нас за каких-нибудь сектантов и пальнут для остротки.

Звонарь расчехлил инструмент и принялся потихоньку наигрывать «Оторва»¹⁹ — легкомысленную песенку, сочиненную им давно и исполненную впервые в баре «Barba

¹⁹ На высылки, в прокуренный кабак
Весь город нес нехитрые пороки.
Там не в цене поэты и пророки —
Лишь звонкая монета да кулак.

Там каждый вечер около окна,
От барной стойки пара метров влево,
Сидела в одиночестве Она —
Окраины звезда и королева.

Негра». Кому-кому, а Ваське-Мобиле эта песенка уж точно должна быть известна. Была такая официантка в «Отдыхе-3», крутила романы направо и налево, с бандюками и вольными сталкерами — с кем попало. Крутила отчаянно, зная, что когда-нибудь нарвется, — и нарвалась. Сталкер с чудной кличкой Хроноп застрелил ее, когда застал в постели с бандитом Пинчей. После этого Боцман стал особенно внимательно следить за поведением своих девушек.

Звали дрянную девчонку Люсьеной. Подходящее имечко, не правда ли?

— Звонарь пришел! — заорал на весь пионерлагерь Васька-Мобила. — О, смотрите-ка, и Ведьмак тут, и... этого я не знаю, но если он со Звонарем и Ведьмаком — значит наш человек!

— Стойте, где стоите, — сказал Бей-Болт, — сюда нельзя. Войдете — не выйдете!

— Ха, — воскликнул Ведьмак. — Выйдем, и еще как! Видишь сталкера, похожего на Сусанина? Это Рыбарь, и он, можно сказать, Сусанин наоборот. Сусанин, как известно, был мастак завести врага в гиблое место, а Рыбарь — вывести. И не врага, а друга. Давай, Рыбарь, действуй. А то, кроме тебя, никто не знает, как с этим «сердцем» обращаться. Может быть, и ты не знаешь?

— Знаю, — проворчал Рыбарь. — Мне Бакенщик все объяснил, когда я у него в хибаре после прохода через территорию «Монолита» отлеживался.

— Кстати, Рыбарь, — спросил Ведьмак. — А как тебя фанатики пропускают? Ведь они же сразу стреляют, не разбирая. А ты шастаешь где хочешь, и ничего! Впрочем, если это твой секрет — можешь не рассказывать.

Рыбарь подумал и сказал:

— Да я, собственно, никем не прикидываюсь, незачем. Видят люди — топают пожилой мужик с удочками и ведерком — и не трогают. У них инстинкт срабатывает: если человек собрался на рыбалку — значит никаких пакостей от него ждать не приходится.

*И весь шалман, от двоек до тузов.
От нищих до хозяина-еврея.
Всегда был рад откликнуться, дуря,
На красоты Ее безмолвный зов.
Ей нравилось, когда из-за нее
Сражались двое — молча, трудно, грубо.
Ведь тот, кто любит, — тот всегда встает,
Выплывавая выбитые зубы.*

*Все знали: это кончится бедой.
И как-то раз, из-за нее рассорясь,
Сошлись — матерый мускулистый горец
И новенький какой-то. Молодой,*

*Не вышедший ни ростом, ни скулой,
Не ведая ни страха и ни боли,
Он на пути у горца встал скалой.
Всегда бессильна сила против воли.*

*Но стихли даже нищие в углу,
А кто почище — тех как ветром сдуло:
В руке у горца лезвие сверкнуло,
А молодой остался на полу*

*Посередине алого пятна
Лежать с ножом в груди, раскинув ноги.
И первый раз заплакала Она.
И первый раз подумала о Боге.*

(Слова Вадима Седова)

Рыбарь полез в брезентовую сумку и вытащил оттуда ярко-алую каплю размером с кулак. С этой каплей в руках он прошел на баскетбольную площадку, где буквально на пяточке топтались попавшие в ловушку сталкеры. Дойдя до центра, Рыбарь стиснул каплю обеими руками, и группу сталкеров окутало ровное розоватое сияние. После чего компания медленно, стараясь держаться в пределах действия артефакта, вышла из проклятого лагеря.

— Он еще действует, твой артефакт? — спросил Ведьмак у Рыбаря. — А то не вышло бы так же, как с «хлябью», в самый неподходящий момент хлоп — и никакого эффекта.

— Действует, — ответил Рыбарь. — Видишь, светится?

— Одолжи мне его на минутку, — попросил Ведьмак. — Я ведь майору кое-что обещал. Вот и пришло время выполнить обещание. Вставай, майор, нам пора!

Майор, однако, почувствовав неладное, добровольно вставать отказался. Тогда Ведьмак подхватил его под мышки и силком втащил в аномалию. После чего вернулся к сталкерам.

— Ну вот, майор, — сказал он. — Теперь ты сможешь лично проконтролировать возникновение редкого артефакта «ведьмино сердце». Заодно и героизм проявишь.

— Кинь пистолет, сволочь! — прохрипел майор.

— Рассказывай, майор, — отозвался Ведьмак. — Все, что знаешь, рассказывай. И про «Монолит», и про то, чем ваша Контора здесь занимается. Все рассказывай. Тогда умрешь легко. Ты ведь небось не раз видел, как здесь умирают? Так что рассказывай!

16

Группировка «Монолит», по словам майора, возникла после второй катастрофы. Когда появились первые сталкеры, среди них находились отчаянные головы, которые доходили до камня в четвертом энергоблоке, кое-кому удалось даже вернуться и прожить достаточно времени, чтобы рассказать о странных видениях, возникавших при контакте с камнем. Постепенно из бессвязных рассказов умирающих от ран и лучевой болезни сталкеров родилась даже не легенда, а так, зародыш легенды о «Монолите» — инопланетном артефакте, исполняющем желания. Зона понемногу становилась отдельным миром, а любому миру нужны легенды.

Контора никогда не отличалась легковерием и предпочитала всегда точно знать, с кем или чем она имеет или будет иметь дело. То есть еще со времен Советского Союза любая легенда подлежала проверке, ни с расходами, ни с жертвами при этом не считались. Поэтому, как только сталкерское движение окрепло и из Зоны во внешний мир хлынули различные артефакты, в ряды сталкеров были внедрены информаторы. Агенты Конторы так же, как и обычные сталкеры, получали увечья, болели лучевой болезнью и гибли в аномалиях. Но Контора не считалась с потерями, она постепенно вращалась в Зону, так же, как вращалась в любые мировые структуры. Наконец руководители Конторы сочли количество накопленной информации достаточной для того, чтобы снарядить экспедицию к центру Зоны. Это было еще до эпохи Стрелка, до того, как Меченый прошел Зону и добрался до Монолита. Экспедиция вылетела на трех вертолетах, путь которым прокладывали два десятка беспилотников, оснащенных всевозможными датчиками аномалий. В крайнем случае сам беспилотник становился отмычкой. В двух вертолетах находился спецназ Конторы, в третьем — специалисты по аномальным явлениям. Еще два бронированных «Аллигатора» шли в сопровождении. По пути к ЧАЭС они потеряли все беспилотники и один вертолет сопровождения, наравшийся на воздушную линзу-телепорт, прорезавшую в бронированной машине сквозную дыру. Они высадились на площадке перед четвертым энергоблоком аккуратно за пятнадцать минут до очередного выброса и успели уйти под защиту бетонных стен черныбыльских бункеров. Треть из них погибла в схватках с мутантами, населяющими подземелья. Это еще не были знакомые нынешним сталкерам бюеры, контролеры, кровососы и полтергейсты. Тогда эти существа еще сохранили некое подобие человеческого сознания, они не вполне адаптировались к Зоне и не стали ее тварями. Некоторые из них дрались как безумные, другие просили о помощи, надеясь вернуться в

человеческое общество. Но Контора не занимается благотворительностью, поэтому все существа, преграждавшие дорогу экспедиции к камню, который уже тогда получил название «Монолит», были беспощадно уничтожены.

Они дошли до Монолита.

Они пробыли возле камня долгую неделю. Многие из них умерли, другие изменились настолько, что перестали быть людьми, третьи изменились внутренне, не перестав при этом осознавать себя сотрудниками Конторы. Когда они выбрались из энергоблока, то обнаружили, что ни вертолетов, ни временного лагеря больше нет, выброс убил людей и изуродовал технику. И тогда они приняли решение остаться в Зоне. Через месяц они вышли на связь с Конторой и доложили о предварительных результатах исследований. Из них следовало, что, по всей видимости, Зона стремится стать отдельным, независимым от остальной Земли миром, ноосфера Зоны на данный момент действует инстинктивно, но быстро эволюционирует в сторону развития примитивного коллективного разума. Монолит не способен в полной мере исполнять желания, но способен вызывать мутации человеческого организма, направленные на повышение возможности удовлетворять эти самые желания. Как выяснилось, Зона работает в основном с человеческим подсознанием, степень мутации индивидуума, подвергшегося воздействию Монолита существенно зависит от времени контакта и от личности контактера. Руководитель группы предложил продолжить исследования с использованием, как он выразился, «человеческого материала», причем тут же пожаловался, что этого материала в Зоне катастрофически не хватает.

Контора приняла сообщение к сведению и разработала план охраны, изучения и, в конечном итоге, использования Монолита. В собственных целях, разумеется.

Так появилась одна из самых странных и жестоких группировок Зоны — «Монолит».

После того как специалисты Конторы отремонтировали и модернизировали радиолокационную станцию дальнего обнаружения Радар, которая теперь работала в режиме «пси», а если нужно, то и «выжигателя мозгов», проблема с человеческим материалом для экспериментов была частично решена. Завезенные вертолетами на Радар солдаты и офицеры-штрафники прошли курс дозированного облучения и образовали костяк вооруженной группировки. После чего доступ к Монолиту для простых смертных, включая военных сталкеров, был, как тогда казалось, надежно перекрыт.

В процессе исследований Монолита были выявлены некоторые особенности его воздействия на человеческий материал и разработаны методики использования этих особенностей. Теперь на сеанс контакта с Монолитом привозили людей из внешнего мира, естественно, все это делалось с соблюдением соответствующих мер секретности. Кто конкретно подвергался воздействию камня, майору не было точно известно, но, по косвенным сведениям, поведение некоторых весьма и весьма известных людей, людей, облеченных настоящей властью, в последнее время изменилось самым радикальным образом. Прежде всего это касалось, разумеется, политиков и высших военных чинов. Права сотрудников Конторы были существенно расширены, в явных и неявных интересах спецслужб принимались законы, даже если последние противоречили интересам большей части населения страны. Но Конторе было чем гордиться. Новые технологии, пройдя апробацию в секретных лабораториях, понемногу меняли жизнь человечества. Оставалось только изменить само человечество, не вполне приспособленное для жизни в понемногу развивающемся новом мире.

Несколько сбоев в работе Радара и прорыв сталкеров к Монолиту едва не привели к краху плана по полному подчинению экономической и политической жизни в РФ интересам Конторы, но поднятые по тревоге воинские части подавили сталкерские группы, не располагавшие тяжелым оружием. Радар был отремонтирован, дорога на Припять снова перекрыта, а Монолит полностью закрыт для посещения посторонними.

Уродливые муравейники, заряженные «ведьминым», так называемые «капища» «монолитовцев», служили для дистанционной связи фанатиков с камнем. После проведения сеанса «камлания» «монолитовцы» приобретали временный иммунитет к радиации, и становились для тварей Зоны как бы своими.

Вот вкратце и все, что рассказал майор, пока «ведьмин пузырь» сжимался вокруг него.

— Ну и дерьмо, — сказал Ведьмак. — Знаешь, майор, а я, пожалуй, не дам тебе пистолет. Пусть выкормыши твоей Конторы обломятся, а то, что из тебя получится, когда «ведьмин пузырь» сожмется, я возьму с собой. На память.

Майор задергался, пытаясь разорвать стальную проволоку, из запястий брызнула кровь, человек завыл хрипло и низко, забирая все выше и выше, пока не захлебнулся собственным визгом, и внезапно все стихло. Аномалия схлопнулась, она получила жертву и теперь переваривала ее. Там, где только что лежали носилки со связанным «монолитовцем», образовалась неприятно содрогающаяся алая полость, постепенно вытягивающаяся вверх. Полость потемнела, словно покрылась грубой корой, потом судорожно сжалась в последний раз и выдавила из себя алую каплю.

Сталкеры отошли подальше, а Рыбарь достал спиннинг, прицепил к проволоке тройник с грузилом и посмотрел на сталкеров.

— погоди бросать, — сказал Ведьмак. — У тебя эта твоя «хлябь» осталась?

— Да она вроде как разрядилась, — ответил Рыбарь. — У капища не сработала, помнишь?

— Все-таки посмотри, может, ее как-то подзарядить можно?

Рыбарь покопался в рюкзаке и вытащил банку с тускло мерцающей искрой.

— Почтидохлая, — сообщил он. — Можно, конечно, попробовать ее от «ведьминого пузыря» подзарядить, но неизвестно, что получится. Да и подходить к настороженной аномалии как-то не хочется.

— А ты и не подходи. — Лешка-Звонарь уже понял, что задумал Ведьмак. — Ты просто забрось ее вон к тому столбику. Сможешь?

— Делов-то, — обиделся Рыбарь. — Конечно, смогу!

Он размахнулся и швырнул банку к подножию коричневого столбика, на вершине которого тянулась вверх алая капля «ведьминого сердца». Банка ударилась о столбик и разлетелась стеклянными брызгами.

Сначала ничего не происходило, потом раздался сильный хлопок, словно сработала автомобильная подушка безопасности. «Ведьмин пузырь» развернулся, прогнившие, черные от кислотных дождей бараки снова засияли веселенькой голубой краской, на миг сверкнуло синее-синее небо, но земля в центре аномалии уже кипела, словно гороховый суп, заглатывая в себя это все это фальшивое благолепие.

Сталкеры торопливо отошли подальше.

Аномалия тонула. Тонули дома и баскетбольные вышки, тонули пионер с пионеркой, тонули деревья, растворяясь в почве. Уходил в землю столбик с алой каплей на вершине, и, наконец, пропал. Скоро на месте проклятого лагеря осталась гладкая розоватая плешь, из которой, с краю, торчала согнутая в локте рука с горном. На месте одной аномалии теперь существовала другая, не менее опасная, но по крайней мере заметная.

— Вот теперь сюда точно никто не полезет, — удовлетворенно сказал Ведьмак. — Ни «монолитовцы», ни «Долг», ни военные, ни вольные сталкеры. А «ведьминое сердце» мне и на фиг не нужно, у меня, слава богу, свое есть.

— Заодно и майора похоронили, — тихонько заметил Бадбой. — Человек все-таки, хоть и «монолитовец».

— Да, повезло майору, — не то всерьез, не то в шутку сказал Васька-Мобила.

— Уходить отсюда надо. — Лешка почему-то занервничал. Не то смерть майора так на него подействовала, не то почувствовал что-то. — Уходить. И чем скорее — тем лучше. Майор не зря у «монолитовцев» шаманом работал, мне кажется, он и без ПДА мог связаться со своими хозяевами. Так что уходим, братцы-сталкеры, пока здесь вся их поганая секта не собралась.

Они двинулись гуськом по пологому, усеянному радиоактивными пятнами берегу Припяти, обходя аномалии, чтобы потом свернуть налево и выбраться в район армейских складов. Следом за ними по пятам шли «монолитовцы». Несколько раз сталкеров пытались перехватить, но, по всей видимости, сектанты вдали от Радара и центра Зоны теряли связь с Монолитом и своими хозяевами, становились вялыми и особенной опасности не представляли. Потом к сектантам пришло подкрепление во главе с шаманом. Был ли это очередной майор из спецслужб или нет, так и осталось неизвестным. К вечеру сектанты под руководством шамана оборудовали капище и провели сеанс камлания. Они все-таки где-то нашли необходимый для успешного камлания артефакт, может быть, каким-то образом выловили из «зыби», и сталкеры в прицелы видели, как над уродливым кособоким конусом капища разлилось алое сияние, из которого выплеснулась кровавая, словно пуповина, нить, протянувшаяся в сторону Чернобыльской АЭС. Сталкеры смотрели, как шаман осторожно вложил «ведьмино сердце» в сосуд, размещенный в центре конуса, и активировал его, но поделаться ничего не могли — патронов к «винторезу» не оставалось совсем, а из автомата попасть с такого расстояния — нечего было и думать. К тому же сектанты на этот раз выставили оцепление, а два десятка пусть даже и ослабленных «монолитовцев», вооруженных автоматами и начисто лишенных инстинкта самосохранения, — сила немалая.

Утром «Монолит» пошел в атаку. Впереди еле переставляли ноги бойцы из ночного оцепления, не вступавшие в контакт с Монолитом, вторым эшелоном наступали бодрые, проворные, как шнорки, фанатики — участники ночного камлания.

Вольные сталкеры приняли бой, но силы были неравны, да и патронов осталось на два чиха да полторы очереди. Поэтому, когда «монолитовцы» прижали группу к речной протоке, на другой стороне которой белела железобетонная ограда со спиралью Бруно по верхней кромке, сталкеры плюнули на радиацию, запили горсти антирадиационных таблеток водкой и пошли вброд по радиоактивной воде. Над оградой торчала вышка с установленным станковым пулеметом. Такие вышки были расставлены через каждые сто метров, но ни людей, ни мутантов на вышках не было. Сталкеры поползли вдоль стены, надеясь добраться до какого-нибудь контрольно-пропускного пункта или хотя бы просто до пролома в стене. Они вжимались в землю и не видели, как на вышку неуклюже вскарабкался человек в изодранном армейском бронекастюме и припал к пулемету. Движения человека, взявшегося за рукоятки тяжелого «Дегтяря», стали четкими и осмысленными, он поймал в прицельную рамку группу перебирающихся через протоку «монолитовцев», и пулемет яростно забился в его руках, разрывая крупнокалиберными пулями тела сектантов.

Сталкеры, обрадованные неожиданной огневой поддержкой, да еще такой мощной, пригнувшись, побежали к видневшимся метрах в ста железным воротам с нарисованными на них красными звездами.

Они ввалились в проходную неизвестной им воинской части, перевели дух и с удивлением обнаружили на месте дежурного по КПП самого настоящего зомби. Зомби что-то невразумительно промычал и потянулся покрытой струпьями лапой к старомодному черному телефону.

— Мы свои, — глядя в мутные бельма, твердо сказал Лешка. — Понял, солдат? Нам нужно к твоему командиру.

Понял зомби или нет, осталось неясным, но руку с телефона он убрал и застыл в оцепенении. Васька-Мобила поднял было автомат, но Бей-Болт схватил его за руку и показал на военный городок за проходной. В городке хозяйничали зомби.

Они именно хозяйничали, а не бродили бесцельно, как в прочих местах Зоны. Несколько зомбиков в вылинявших старых гимнастерках без ремней красили темно-зеленой краской штатетник вокруг обшарпанной, но все еще с претензией на аккуратность пятиэтажки. Группа солдат-зомби, постоянно сбиваясь с ноги, маршировала по направлению к технической территории, на спине у замыкающего был косо пришпилен желтый «кирпич». По улице молодая женщина с черным лицом, обрамленным серыми лохмами, спотыкаясь, везла коляску, из которой время от времени высовывалась лысая, покрытая сизыми пятнами головка зомби-младенца.

— Попали, — побелевшими губами прошептал Бадбой. — Уж лучше бы мы все полегли в перестрелке с «монолитовцами», чем такое видеть!

Зомби-дежурный тем временем вышел из ступора, но сталкеров словно и не замечал. Совершал какие-то механические движения, снимал и снова укладывал на место телефонную трубку, что-то царапал шариковой ручкой с высохшим стержнем в журнале, словом, трудился не жалея сил.

Сталкеры молча прошли через КПП и оказались на территории воинской части.

Видимо, здесь раньше стояли летуны, об этом свидетельствовал серебристый туполевский беспилотник с характерным вздутием в хвостовой части, установленный на пилоне неподалеку от КПП. Сталкеры пошли вдоль бетонного забора, только теперь они шагали в полный рост, они шли туда, откуда все еще раздавалось время от времени яростное взрыкивание станкового пулемета. Население военного городка на эти звуки не обращало никакого внимания.

Наконец стрельба смолкла. Сталкеры подошли к пулеметной вышке, с которой неловко, боком спускался странный человек, одновременно похожий и не похожий на зомби. Человек был облачен в изрядно побитый пулями стандартный армейский бронекостюм, двигался он какими-то странными рывками, но двигался целенаправленно. За плечами у человека был автомат АК-74 с подствольником, в одной руке он держал бутылку, к горлышку которой время от времени прикладывался, а в другой зажженную сигарету.

— Б-ботаники, суки... — почти внятно сказал он. — Прут и прут, мать их... убью!

Потом увидел Лешку, остановился, словно споткнулся, потянул было автомат из-за спины, но передумал и сообщил:

— Музыкант, с-сука! Убил бы, да не положено! Вот разрешат — убью!

Лешка вгляделся в странного человека и узнал в нем того самого военного, сержанта Соленого, который ткнул его стволом автомата на «Янтаре».

Повадкой нынешний сержант Соленый напоминал настоящего зомби, только зомби не ругаются матом и не курят. А еще у зомби не бывает таких блестящих глаз, безумных, наполненных страданием, но живых.

— Ну, здорово, крестник, — с усмешкой сказал Лешка. — Хошь сыграю?

Сержант отшатнулся от него, даже глаза прикрыл.

— Ладно, не буду. Спасибо за помощь, сержант, — продолжал куражиться сталкер. — Как говорится, благодарим за службу!

— Уходи, — вдруг совершенно внятно сказал Соленый. — Уходи отсюда, пока жив. Не могу я тебя убить, не знаю почему, но не могу. Других — запросто, а тебя — нет. Уходи, музыкант, а то станешь таким же, как я.

Потом бывший омовонец повернулся и, спотыкаясь, побрел в сторону двухэтажного здания штаба.

— Так он зомби или нет? — спросил любознательный Бадбой.

Похоже, ни то, ни другое, а нечто среднее, — пояснил Васька-Мобила, стаскивая с плеча автомат. — Вот сейчас я его!

— Стой, не стреляй, — остановил его Бей-Болт. — Ты что, не понял, кто он такой?

— А какая разница? — пожал плечами Мобила. — Если он пока что и не зомбьяк, то скоро им станет. Посмотри, здесь же одни зомби! И эти трупяки воображают себя людьми! Они что, не понимают, что уже умерли?

— Не понимают, — серьезно сказал Бей-Болт. — А ты уверен, что, когда умрешь, будешь точно знать, что ты уже мертвый? Особенно если увидишь, что вокруг все не очень-то изменилось? Уверен?

— А этот... — Васька ткнул стволом в удаляющуюся от них кособокую фигуру. — Этот же живой! Почему он живой, когда все вокруг мертвые?

— Может быть, он присматривает за местными зомби? — высказал предположение Берет. — Может быть, в этой воинской части находится что-то очень опасное для существования всей Зоны, вот разумная ноосфера и поставила сюда живого смотрящего, чтобы поддерживал порядок.

— Ничего себе начальник, — засмеялся Мобила. — Что же эта разумная ноосфера, никого другого не нашла, кроме сержанта-сверхсрочника?

— А ты что, хотел бы, чтобы она сюда профессора Лебедева забросила? — ответил Бей-Болт. — Так профессор Лебедев почти наверняка не справится и Сахаров тоже, а сержант — он и при жизни вроде зомби был, он знает, как с местными обращаться. Хотя, конечно, ему не позавидуешь.

— Нехорошо здесь как-то, — подал голос Бадбой. — У меня аж колотун начинается, как вспомню эту маму с младенчиком. А что они жрут, эти зомби?

— Не знаю и знать не хочу, — ответил Берет. — Нормальные зомби жрут все, в том числе и сталкеров, а эти — не знаю. Хотя здесь, наверное, запасов на складах хватает. Кстати, нам тоже бы неплохо провести местного интенданта.

— Прежде всего нужно поискать патроны, — решил Бей-Болт. — Вон то длинное здание, похоже, казарма, там должна быть оружейная комната.

В казарме тоже были зомби. Молоденький зомби-первогодок старательно мыл полы, то есть бессмысленно возил по ним сухой тряпкой, макая ее время от времени в пустое ведро, несколько матерых зомби-дедов валялись на койках, время от времени что-то нечленораздельно мыча. Потом один из дедов поднялся и отвесил дневному оплеуху. Дневальный завыл и повалился на пол, потом подтянул колени к животу и замер, продолжая потихоньку подвывать. Дед постоял над ним, словно пытаясь вспомнить, за что он ударил дневального, но, похоже, так и не вспомнил. Видимо, некоторые действия совершались солдатами совершенно инстинктивно, потому что дед неловко дернул ногой, пытаясь попасть вымазанным ваксой носком грязного кирзача по лицу, потерял равновесие и повалился рядом с салабоном.

Сталкеры, морщась от тяжелого запаха, обошли копошащихся на полу зомби, не обращая внимания на протестующие стоны изловчившегося встать на четвереньки дневального, сбили прикладом замок с обитой оцинкованным железом двери оружейки, вскрыли шкафы и принялись распахивать по рюкзакам и карманам разгрузок рожки с патронами. Патроны были только для АК-74, калибра 5.45. Ведьмак, недолюбливавший малые калибры, чертыхаясь сменил выдавший виды АК-47 на «Абакан» с подствольником и утешился тем, что в железном ящике нашлись несколько гранат Ф-1. Для того чтобы отыскать запалы, пришлось взламывать сейф. Бадбой долго сопел и возился с замком, наконец довольно хмыкнул, и сейф открылся. Помимо запалов в сейфе обнаружили какие-то бумаги, бутылка «Столичной» и несколько пачек «Беломора».

— Ну что, валим отсюда, — сказал Берет. — Уж больно здесь покойниками пахнет, честно говоря, что-то побаиваюсь я покойников последнее время, особенно когда они прикидываются живыми.

Они прошли через жилую территорию воинской части, мимо офицерской столовой, возле которой ошивались несколько облезлых до костей лейтенантов, и добрались до внутреннего КПП, за которым виднелись остроносые силуэты беспилотных стратосферных разведчиков на стартовых стапелях. Увидев, что аэродром охраняется пулеметными расчетами, пусть и укомплектованными зомби, сталкеры решили, что соваться туда не стоит. Второй КПП обнаружился около полуразрушенного магазина «Военторг», у дверей которого стояла небольшая очередь, состоящая в основном из женщин. Смотреть на перекошенные предсмертной судорогой восковые лица, высохшие ноги, обутое в туфли на высоком каблуке, было невыносимо тошно. Все-таки смерть не должна прикидываться жизнью.

КПП охранялся сержантом-зомби, который тупо посмотрел сквозь них и отвернулся. Видимо, команды «не выпускать» от вышестоящего начальства не поступало.

Сталкеры прошли через южный КПП и выбрались на узкую асфальтированную дорогу, прорезающую пышно разросшийся лес. Только отмахав по растрескавшемуся, пробитому вездесущей колючкой асфальту добрую пару километров и расстреляв небольшую стаю слепых собак, которую водил молодой черныбыльский пес, они почувствовали, что вернулись в нормальный мир Чернобыльской Зоны.

Слепые собаки, кровососы, тушканы, бюреры, полтергейсты, даже псевдогиганты и контролеры — все, что угодно, только не мертвецы, пытающиеся имитировать нормальную жизнь!

А «монолитовцы» отстали. Либо перебил их всех бешеный сержант из своего «Дегтяря», либо фанатики получили какие-то новые указания от своих хозяев, но то, что отстали, — факт. Ни одного сектанта в пределах прямого автоматного выстрела не наблюдалось уже несколько часов.

18

Еще сутки движения в таком темпе, и они, судя по карте на ПДА, должны были выйти к северной части Темной долины. А там еще два шага — и новая база «Свободы», сталкеры «Свободы» «монолитовцев» терпеть не могут, в случае чего — прикроют, так что можно считать, что вот мы уже и дома. Так бы оно и получилось, если бы не начался Великий гон.

Неизвестно почему командование Конторы и «Монолита» решило воспользоваться таким экзотическим способом ликвидации группки дерзких сталкеров. Видимо, даже та ничтожная по сути своей информация, которую сообщил посторонним бесславно, но не бесполезно погибший в «ведьмином пузыре» майор Векшин, в случае огласки представляла для организации серьезную опасность. Ну, если не представляла, то по крайней мере представлялась таковой руководству «монолитовцев» и их покровителям на Большой земле. Высокое начальство, особенно если оно собирается ни много ни мало как перекроить мир под себя, становится чрезвычайно чувствительно к любой утечке информации. И пусть действия по пресечению этой мизерной утечки повлекут за собой целые водопады действительно серьезных сведений, из которых разумные люди сумеют сделать надлежащие выводы, — неважно! Гораздо важнее немедленное реагирование, демонстрация жесткости, решительности и неразборчивости в выборе средств. И пусть мир, или хотя бы часть его, содрогнется. Содрогание мира приятно возбуждает фибры и успокаивает нервы властной души.

Сталкеров можно было уничтожить, послав парочку боевых вертолетов, которые, обнаружив малочисленную, смертельно усталую группу бойцов, расстреляли бы ее из тридцатимиллиметровых пушек, перепахали бы местность неуправляемыми снарядами и забросали термобарическими бомбами. Всевозможных убойных средств у структуры, собирающейся ни много ни мало как изменить мир и уже достигшей в этом некоторых успехов, было, по-видимому, более чем достаточно. Но власть памятлива и осмотрительна, если не сказать — труслива. Она помнила, как тяжелые бронированные «крокодилы» при попытке совершить боевой заход на беззащитный лагерь сталкеров на Кордоне телепортировались в никуда, оставляя вместо себя безобидные снежные заряды, не долетавшие даже до земли. Неизвестно, обладал кто-то из сталкеров группы подходящим для этого артефактом-оружием или нет, но второй раз терять лицо — это для власти было уже слишком.

И тогда с засекреченных аэродромов, расположенных в полосе отчуждения вокруг Чернобыльской Зоны, поднялись тяжелые вертолеты-ретрансляторы, развернувшие на разнесенных в стороны от фюзеляжа пилонах вогнутые тарелки антенн-отражателей. Получив данные целеуказания, загудели высокоточные приводы наведения антенных постов Радара, разворачивая системы излучателей на отражатели вертолетов, подключились дополнительные системы электропитания укрытые глубоко под землей, зашевелились лепестки антенн, меняя диаграммы направленности и обеспечивая покрытие пси-излучением всей юго-восточной территории Зоны от берега Припяти до Ростока.

Человек, а может быть, уже и не человек, один из тех фанатиков Конторы, которые давным-давно первыми вступили в контакт с Камнем, точнее, последний из них, не обращая внимания на радиацию, прошел под охраной бойцов «Монолита» по узким коридорам, пробитым в толще Саркофага, встал перед зеркальной поверхностью, положил ладони на камень, сосредоточился и загадал желание. Этот человек умел загадывать нужные желания,

не зря он столько лет провел в Саркофаге под охраной не ведающих страха смерти бойцов «Монолита», не зря он дотошно изучал слабые места еще только начинающей осознать себя новорожденной ноосферы. Не зря большинство его коллег, сослуживцев и просто расходного человеческого материала умерли здесь, у Камня, чтобы он единственный из немногих научился хотя бы немного управлять «Монолитом». Он положил ладони на скользкую поверхность камня и потребовал начать Великий Гон, не забыв указать координаты цели в системе, понятной той части разумной ноосферы, с которой взаимодействовал.

Вертолеты получили координаты, тяжело развернулись, шевельнули подвешенными на пилонах антеннами и стали выходить в точки ретрансляции.

Сержант Соленый при жизни, прямо скажем, мало чем отличался от зомби. Особенно после того, как вышел в отставку. Этаким мутноватый, почти всегда расслабленный столичный зомби. Ленивый, похотливый, привыкший к халяве и абсолютно уверенный, что столичные зомби — самые крутые зомби во всей стране, а посему им и кусок полагается послаще, и деньга позеленее, и развлекуха на халяву. Но халява обломилась, и пришлось пойти служить по контракту в Чернобыльскую Зону. И здесь сержант какое-то время продолжал жить так, как привык, то есть толком и не жить. Так бы и прожил жизнь сержант, не задаваясь вопросом — зомби он или все-таки человек, но Зона все решила за него. И когда неведомые ему хозяева Зоны отправили его присматривать за воинской частью, на вооружении которой стояли стратосферные беспилотники, начиненные черт знает какой пакостью, а весь наличный состав, да и прочие жители примыкающего к ней военного городка, поголовно оказался самыми натуральными зомби, он неожиданно почувствовал себя человеком. Не сразу, конечно. Сначала он пил, пытаясь водкой заместить ненависть к тем, кто сделал его таким, к проклятым яйцеголовым ботаникам с «Янтая», охраняя которых он попал в лапы хозяев Зоны, или разумной «ноосферы», если выражаться по-научному. К сталкеру-гитаристу, который своей чудовищной музыкой погнал его вместе с тварями Зоны прочь от бункера ученых, после чего он и оказался в этом городе мертвых, ведущих себя так, словно они были еще живы. Шло время, водка лилась как вода, и скоро он понял, что чем больше пьет, тем сильнее ему хочется снова стать человеком. Не тем полужомби, существом, умеющим только убивать, трахать баб, хапать, что под руку подвернется, да совершать естественные отправления, каким он был почти всю свою никчемную жизнь, а хотя бы таким, как тот сумасшедший музыкант, который явно не боялся ни военных, ни ученых, ни хозяев Зоны. Было время, когда он страстно хотел убить этого странного музыканта, да и случай недавно подходящий представился — отряд сталкеров, среди которых был и тот самый музыкант, Звонарь, проходил через военный городок, спасаясь от преследования «монолитовцев», так ведь не убил же! Наоборот, рискуя остатками собственной жизни, прикрыл сталкеров огнем из крупнокалиберного пулемета. Почему он это сделал? Может быть потому, что, волею случая став частью Зоны, понял, что сама, как ее называли ботаники, ноосфера не едина, что, как и весь мир, она разделена на две части. Хотя какую из этих частей следует считать добром, а какую злом — однозначно определить было невозможно, но выбирать все-таки приходилось. Потому что человек всегда выбирает. И он выбрал сторону ненавидимого им музыканта, хотя бы потому, что тот не боялся Зоны. А время посчитаться за старые обиды еще придет. Потом.

И поэтому, когда над военным городком зомби появился грузный вертолет-вагон с двумя растопыренными тарелками-ретрансляторами на широко разнесенных боковых пилонах, сержант Соленый усмехнулся мертвой улыбкой командира воинского подразделения, состоящего исключительно из живых мертвецов, и отправился на техническую территорию, где с давних времен стоял в полной боевой готовности ЗРПК «Тунгуска»²⁰ с двумя спаренными тридцатимиллиметровыми автоматами 2А38 на пилонах и

²⁰ ЗРПК «Тунгуска» представляет собой автономный высококомобильный многофункциональный комплекс ближнего действия, предназначенный для борьбы с самолетами, вертолетами, КР и ДПЛА,

восемью пусковыми установками управляемых ракет 9М311. Сержант Соленый за время службы во вверенной ему воинской части хорошо изучил матчасть и так выдрессировал экипаж ЗРПК, состоящий исключительно из зомби, что тот мог решать боевые задачи на уровне инстинктов. Зарычал дизель, низко завывала гидравлическая насосная станция, гоня масло по трубопроводам, заработали аксиально-поршневые гидромоторы, сдвинулись золотники коробок управления, шевельнувшийся локатор нащупал цель и автоматически перешел в режим сопровождения, баллистический вычислитель рассчитал упреждение по азимуту и углу места, и гидроприводы вертикального и горизонтального наведения, взвизгнув, навели четыре пушечных ствола на вертолет-нарушитель, после чего Соленый нажал на клавишу электроспуска, посылая в цель 134 осколочно-фугасных снаряда в секунду. Первой же очередью у вертолета оторвало пилон с ретранслятором и повредило двигатель. Неуклюжая машина, заваливаясь на левый борт, попыталась, раскачиваясь, уйти за Припять. К досаде сержанта, солдаты-зомби были слишком бестолковы и медлительны, чтобы достать уходящий вертолет ракетой, тем более что пилот ретранслятора немедленно отстрелил целый сноп ложных целей и грамотно поставил помехи. Но Соленый впился тридцатимиллиметровыми снарядами в кабину вертолета, и тот потерял управление. И почти сразу же после того, как ретранслятор рухнул в радиоактивные воды мертвой реки, из-за холмов на берегу Припяти вынырнула пара «Крокодилов».²¹ Соленый вцепился очередью в граненую морду Ми-24, но пушки уже почти выработали боезапас, кашлянули в последний раз и умолкли.

Залп ракетами комплекса «Атака-В»,²² 9М220, произведенный сразу двумя вертолетами огневой поддержки, превратил беззащитную «Тунгуску» в пылающее изнутри решето, через несколько секунд рванули оставшиеся ракеты ЗРПК, и сержанта Соленого с его экипажем зомби не стало. Максимальное время жизни боевой машины — это время, за которое она израсходует весь боезапас. Для «Тунгуски» это примерно десять секунд. Дальше начинается время смерти.

Заметив четыре дымные полосы, стремительно приближающиеся к его обреченной машине, сержант мог успеть подумать, что умер он все-таки не зомби, а человеком, но не успел.

А вертолеты еще долго утюжили давно мертвый военный городок, превращая существовавшую в нем иллюзию жизни в истинную смерть. Потом на технической территории, на аэродроме стратосферных беспилотников, что-то включилось, сами собой начали разворачиваться многометровые направляющие пусковых установок, первый беспилотный самолет стартовал, выбросив длинные языки грязного красно-черного пламени из пороховых стартовых ускорителей, и почти вертикально ушел в дымное небо Зоны. Следующие за ним стартовать не успели, потому что от сброшенного боеприпаса объемного взрыва взорвались подземные хранилища горючего, и аэродрома не стало.

Надо полагать, что старт даже одного беспилотного самолета грозил нешуточным международным скандалом, потому что на перехват стратосферного туполевского монстра немедленно были брошены все силы ПВО некогда великой страны. Но на судьбу отряда сталкеров, пробивающегося к Темной долине, а оттуда — к Ростку, это никак не повлияло. Вместо сбитого вертолета-ретранслятора с аэродрома поддержки поднялся другой, занял позицию, развернул антенны-отражатели, пси-излучение Радара накрыло заданную часть поверхности чернойбыльской Зоны, и Великий Гон начался.

легкобронированными наземными и морскими целями в сложной радиоэлектронной обстановке в любых погодных-климатических условиях днем и ночью.

²¹ Ми-24ВМ.

²² Комплекс «Атака-В» предназначен для поражения современных танков, боевых машин пехоты, пусковых установок ПТУР и ЗУР, долговременных огневых точек типа ДОТ и ДЗОТ, низколетящих малоскоростных воздушных целей, а также живой силы противника в укрытиях. В конце 1990-х годов вертолеты Ми-24в были модернизированы с целью обеспечения возможности применения новых ракет «Атака-В» и «Игла-В». Вертолете модернизированным комплексом вооружения получил обозначение Ми-24ВМ.

Зона возникла как результат человеческих амбиций, она была порождением безумных игр с мирозданием, но будучи, по сути дела, создана людьми, ноосфера Зоны все-таки оказалась враждебна человечеству. Может быть, не столько враждебна, сколько чужда. Зона возникла и стала существовать для тех, кто стал ее частью, для тех, кто целиком и полностью принял ее, растворился в ней, для тех, кто стал ее руками, глазами, слухом и голосом, органами питания, и прежде всего для тех, из кого понемногу сформировался ее пока еще незрелый, но разум. И этот разум только в малой своей части был человеческим. Именно поэтому Зона время от времени пыталась изгнать обычных людей из своих пределов, можно даже сказать, из своего недоступного человеческому пониманию, временами жуткого, но тем не менее целенаправленно развивающегося организма. И когда люди слишком уж досаждали разумной ноосфере своей суетливой деятельностью, любопытством и бесцеремонностью, защитные инстинкты Зоны срабатывали, и начинался гон или случался выброс.

Гон смертельно опасен для любого человека, оказавшегося на его пути, будь этот человек свободным сталкером или солдатом, наемником или ученым. Единственными существами, которым гон ничем не угрожает, являются члены группировки «Монолит», фанатики, связанные с центром Зоны искусственно созданной пуповиной. Но и «монолитовцы» тоже являются людьми, и как только связь между «Монолитом» и Радаром по какой-либо причине прерывается, сектанты немедленно становятся жертвами обезумевших тварей Зоны. Еще, пожалуй, гона не стоит бояться зомби, существам, зависшим между человеческой смертью и нечеловеческой жизнью. Для ноосферы зомби всего-навсего практически полностью отработанный расходный материал, которого уже не жалко. Материал непригодный для создания из него полноценных тварей Зоны, плохо управляемый и быстро приходящий в негодность. Ноосфера высосала из мозгов бывших сталкеров, солдат, инженеров и ученых все, что ей было так или иначе интересно, оставив обрывки человеческих навыков и воспоминаний да еще некоторые инстинкты, запрятанные глубоко в подсознание. Плоть этих несчастных созданий не подверглась переплавке в аномалиях Зоны, как, например, у тех же снорков, мутировавших в областях повышенной гравитации и температуры, и поэтому оказалась непрочной и недолговечной. Если бы ноосфера не забрала бы у них способность ощущать боль, зомби умирали бы еще быстрее, но Зона оказалась по-своему милосердна. Или корыстна. Всем же известно, что самые интересные эксперименты проводятся исключительно над людьми, и самые важные результаты получаются именно в ходе таких экспериментов. Ноосфера Зоны не первая додумалась до этого, сами люди пришли к аналогичному выводу значительно раньше. Да и сама Зона, если разобраться, — это прежде всего эксперимент людей над людьми, более того, это эксперимент над человечеством, проведенный не самыми высокоморальными представителями человечества же. Впрочем, уместна ли мораль, когда речь идет об эволюции? Или хотя бы о власти?

Когда начинается гон, толпы тварей Зоны дуром прут на сталкерские поселения, уничтожая все на своем пути. Обычно гон начинается где-то в центре Зоны, разрастаясь и втягивая в себя по пути массы мутантов, возглавляемые и направляемые контролерами. Твари, втянутые в гон, теряют инстинкт самосохранения и уничтожают на своем пути всех, кто не принадлежит Зоне, кто враждебен ей, тех, кто не захотел или не смог измениться и приспособиться к новым условиям существования, а значит, прежде всего они уничтожают людей. Сталкеров. Две силы сталкиваются на территории Зоны, клыки, яд, пси-излучение, стеллс, телекинез и прочие боевые навыки мутантов против автоматного и ружейного огня, осколочных гранат, сохранившихся кое-где минометов и человеческого мужества.

Твари Зоны сильны, они прекрасно ориентируются среди аномалий, нечувствительны к гамма- и нейтронному излучению, владеют пси, почти мгновенно, по сравнению с людьми, регенерируют и во время гона в большинстве своем начисто лишены инстинкта самосохранения.

Люди Зоны упрямы, жестоки, хитры, они быстро учатся, дорожат собственной шкурой, но самое главное — умеют убивать. Люди убивали не только зверей, но и друг друга столько

тысячелетий, что стали самыми умелыми убийцами на своей планете. И поскольку Зона территориально находится на их планете, они считают свое пребывание в ней совершенно законным и готовы бороться за свое право жить и умирать именно здесь, где вода и земля радиоактивны, где в развалинах человеческих сооружений живут чудовищные твари, где идут кислотные дожди и смертельно опасные ловушки-аномалии подстерегают на каждом шагу.

Потому что люди не любят отдавать свое, даже если за это «свое» приходится умирать. И пусть возникающая ноосфера будет трижды разумна, ни клочка человеческих владений она без боя не получит. Но даже если бы Зона находилась не на Земле, а на какой-нибудь другой планете, люди скорее всего вели бы себя точно так же. Потому что люди не любят отдавать ничего из того, к чему хотя бы прикоснулись их руки.

Обычный гон, как правило, заканчивается победой людей. По крайней мере до сих пор было именно так. Груды мертвых, разорванных пулями, обожженных, изуродованных тварей остаются на испятнанных аномалиями и воронками от взрывов пространствах Зоны, а оставшиеся в живых вновь откатываются к центру, чтобы спрятаться в своих логовищах, регенерировать, вырастить новые органы чувств, новые щупальца и псевдоподии, новые клыки и когти, стать быстрее и сильнее, чтобы, когда придет время, вновь попытаться отвоевать себе место на планете Земля.

Но на этот раз гон был инициирован не инстинктами самосохранения осознавшей себя ноосферы, а людьми, сумевшими подчинить себе какую-то ее часть. И целью Великого Гона было не освобождение жизненного пространства для странной полумразумной структуры, сотканной из гравитационных, пси- и кто его знает каких еще связей, пронизанной телепортами, связанными неизвестными пока человечеству полями, а всего-навсего физическое уничтожение маленькой группки людей, узнавших ничтожную и не имеющую никакого значения для разумной ноосферы тайну других людей. Люди умеют убивать, но лучше всего они умеют убивать чужими руками, не важно, созданы эти руки из плоти, хитина, кремний органики или вообще являются гравитационными жгутами. Убивать чужими руками на планете Земля считается высокоморальным, та отвратительная часть коллективного разума человечества, человеческой ноосферы, которая, как правило, властвует над планетой, очень гордится умением убивать чужими руками.

Под действием излучения Радара, перенаправленного ретрансляционными антеннами тяжелых вертолетов, повисших в реперных точках на границах Зоны, твари Зоны, начиная от самого ничтожного тушкана или мутировавшей крысы, псевдоплотей, чернобыльских кабанов и псов и кончая жуткими болотниками, кровососами, полтергейстами, чудовищными псевдогигантами, хищницами-одиночками химерами, зашевелились, покинули свои логовища, подземелья и лежки и двинулись к северному краю Темных земель, туда, где находилась группа из шестерых сталкеров, пробивающихся к своим. Из своих подземных тоннелей выбирались толпы бюреров, существ, умеющих создавать примитивные орудия, но больше полагающихся на способности к телекинезу. Из тайных убежищ вышли аристократы Зоны — контролеры, чтобы упорядочить гон, не дать ему растечься по Темной долине и прекратить, когда задача гона будет выполнена.

Великий Гон начался.

Напор на Барьер усилился.

Стаи слепых псов и чернобыльских кабанов сдерживались объединившими усилия бойцами группировок «Долг» и «Свобода», но, несмотря на горы трупов, заваливших дорогу у Барьера, мутанты не отступали. И только когда бойцы «Свободы» взорвали перед Барьером несколько термобарических зарядов, превративших дорогу на Радар в реку кипящей лавы, когда аэрозольная взрывчатка, сброшенная в подземелья Агропрома и завода «Юпитер», превратила в пыль все, что там находилось, на обжитой территории Зоны наступило некоторое затишье.

Через некоторое время сталкеры обратили внимание, что твари Зоны вовсе не стремятся, как обычно, уничтожать на своем пути все чуждое им, а двигаются к определенной цели, и цель эта находится на северной границе Темной долины, там, где

регистрировались сигналы ПДА сталкеров Бей-Болта, Звонаря, Мобилы, Берета, Рыбаря и Бадбоя.

Но рефлексы сталкеров устроены просто: увидел мутанта — убей мутанта, поэтому количество тварей, добравшихся до северной части Темной долины значительно сократилось. Следовало учесть еще и то, что вертолеты-ретрансляторы не могли непрерывно находиться в воздухе, им требовалась дозаправка, их сбивало с реперных точек порывами ветра, и они не могли с достаточной точностью фокусировать сигнал Радара. Да и сам Радар не мог работать с постоянной перегрузкой и время от времени вынужден был сбрасывать интенсивность пси-излучения. Но самым слабым местом в системе управления гоним был человек, находящийся совсем рядом с Монолитом, человек, через который поддерживалась связь между ноосферой Зоны и людьми, затеявшими эту чудовищную мясорубку. Стоило прерваться этой связи, и гон распался бы на группки неорганизованных мутантов, с которыми сталкеры скорее всего быстро расправились бы. Но этот человек не зря провел столько времени в Саркофаге, он умел добиваться своего, его психика и воля уже не были психикой и волей обычного человека, а скорее частью психики и воли чудовищной и бесчеловечной системы, созданной тем не менее людьми. Но биологически он пока что остался человеком, а это значило, что его можно было убить.

20

— Отродясь такого не видел, — озадаченно пробормотал Бей-Болт и остановился. Вслед за ним встала вся группа. Они пробирались на юг меж невысоких холмов, покрытых зарослями утыканной алыми ядовитыми шипами, мутировавшей вишни. И вот тут начались странные вещи. Местность вокруг словно зашевелилась, неизвестно откуда на склонах холмов появились тысячи и тысячи мутантов. Здесь были слепые псы, тушканы, кровососы, где-то вдалеке мелькнули кошмарные силуэты химер. Мутанты были еще далеко, но двигались целенаправленно, кольцом охватывая оцепеневшую от неожиданности команду сталкеров. Противостоять орде тварей на открытой местности было невозможно, но неподалеку слева на пологом холме, куда еще не докатилась волна мутантов, виднелись развалины какого-то села с торчащей над голыми печными трубами маковкой высокой каменной колокольни.

— Бегом к церкви марш! — скомандовал Бей-Болт. — Не останавливаться, отстреливаться на ходу, главное — живыми добраться до колокольни. Это — гон. На колокольне у нас есть хоть какой-то шанс его переждать, на открытой местности у нас вообще нет никаких шансов. Нас просто сметут орды обезумевшего зверья, и все. Закрепиться здесь негде, местность ровная, а до своих еще далеко. Так что ноги в руки, оружие за плечи и двигаем, ребята!

И они, сгибаясь под тяжестью ящиков с боеприпасами, побежали к сельской церкви, на ходу отстреливаясь от налетающих мутантов. Бадбой тащил на плече тяжеленный ДШК, прихваченный в воинской части сержанта Соленого. Когда им наконец удалось взобраться на колокольню, Бей-Болт швырнул несколько гранат в люк, обрушив внутренние деревянные перекрытия.

— Хоть с этой стороны не ползут, а если выживем, то уж как-нибудь спустимся.

Они осмотрелись. Отсюда километрах в пятнадцати к северу была видна свинцовая, тускло отсвечивающая багровым полоса Припяти. На месте недавно покинутого сталкерами военного городка зомби вздымались громадные клубы черно-желтого дыма, там что-то еще пыталось взлететь, поднималось на пару сотен метров и вспухало багровым комком взрыва. Издалека было видно, как «Крокодилы», расстреляв весь боезапас, развернулись и ушли за реку. Некоторое время было относительно тихо, только чудом уцелевший бронзовый колокол низко и печально гудел, резонируя с далеким гулом пожара и отдельными хлопками взрывов на территории разгромленной воинской части. А вокруг церкви уже собирались твари Зоны. Их становилось все больше и больше, из-за холмов и со стороны Радара

появлялись все новые и новые полчища слепых собак, кровососов, псевдогигантов и еще черт знает кого.

Наконец воинство Зоны остановилось, вплотную подступив каменным стенам старой колокольни.

Берет посмотрел вниз и грустно сообщил, что пулемет здесь скорее всего не поможет, вот полновесный залп РСЗУ типа «Ураган», или дивизиона самоходных артиллерийских установок «Мста»²³ — да, это, наверное, помогло бы. Только в этом случае ни от сталкеров, ни от мутантов, ни от старой церкви ничего бы не осталось. Да и где они, эти легендарные «Грады», «Смерчи» и «Ураганы»?²⁴ Нет их на вооружении сталкерских группировок, не торгуют установками залпового огня купчины-выжиги Сидоровичи, не полагается такой технике находиться в Зоне. А на помощь военных, судя по канувшим за горизонт Ми-24, разгромившим военный городок, сталкерам и вовсе рассчитывать не приходилось.

Бей-Болт долго рассматривал в армейский бинокль зависшие по периметру восточного участка Зоны вертолеты-ретрансляторы, потом оторвался от окуляров и сказал:

— А ведь Зона-матушка не по своей инициативе на нас поперла, это Контора вместе с «монолитовцами» каким-то образом ухитрилась заставить ноосферу двинуть на нас полчища своего зверья! Видно, слишком разоткровенничался покойный майор Векшин, когда умирал в «ведьмином пузыре». Хотя ведь ничего особо нового, подлец, не сказал. А то мы не догадывались, что «Монолит» — это не просто горстка фанатиков, что с ноосферой кто-то наладил пусть зыбкий, но контакт, а в какой организации страны работают самые лучшие и самые беспринципные специалисты по контактам разного рода? Ясное дело, в какой! Да, ребята, вот теперь мы, похоже, по-настоящему влипли! Ну что же, остается только держать оборону да верить в то, что не вся так называемая «разумная ноосфера» подчинилась разным сволочам, какая-то часть ее все-таки сформирована порядочными людьми. Вспомни Катерину, Звонарь, вспомни своего Вальку, Бакенщика того же вспомни, даже сержанта Соленого, светлая ему, подонку, память! Вот на то, человеческое, что они успели вложить в эту дурную ноосферу, нам и придется надеяться, больше, к сожалению, не на что.

Стрелять и бросать гранаты вниз, в толпу воющих и грызущихся между собой мутантов, было бессмысленно. Твари Зоны гибли сотнями, но на место погибших немедленно с периферии подтягивались новые орды мутантов.

— Берет, Мобила, прежде всего сбивайте тварей, которые способны карабкаться по стенам, снорков, химер, в общем, всех, кто умеет лазить. Бадбой, ты с пулеметом, возьми на себя люк. Стреляй во всякого, кто попытается подняться по остаткам внутренних перекрытий, — приказал Бей-Болт.

— А я? — спросил Лешка-Звонарь. — Мне-то что делать?

— А ты, музыкант, полезай наверх, на самый купол, мы с Рыбарем тебя будем страховать, чтобы ты оттуда в порыве вдохновения, чего доброго, не навернулся. Расчехляй свой инструмент и играй что есть мочи! Гони отсюда всю эту нечисть, помнишь, ведь у тебя как-то раз получилось! Насмерть играй, понял, Звонарь! — проорал Ведьмак и первым полез в узкое окошко церковного барабана.

Звонарь стоял на самой маковке купола, захлестнув гитарный ремень за ржавый крест, и все никак не мог включить инструмент. Пальцы почему-то плохо слушались, дрожали и никак не могли нащупать нужные кнопки и переключатели. Наконец сталкер справился с гитарой, впился пальцами в гриф, и над разрушенной деревней, над поросшими волчьей вишней холмами раскатился не то рев, не то стон, и древний бронзовый колокол на колокольне отозвался тяжелым низким вздохом и загудел.

Неожиданно поднялся ветер, который дул, казалось, со всех сторон. Колокол загудел еще громче, а Звонаря то прижимало к железным перекладинам креста, то нещадно било о них.

Ведьмак с Рыбарем, пристегнувшись ремнями к кованому основанию креста, поддерживали Звонаря, чтобы того не мотало из стороны в сторону порывами ветра. Звонарь

²³ Самоходная гаубица калибром 152 мм.

²⁴ Реактивные системы залпового огня, РСЗО.

прислушался к ветру, потом постарался услышать копошащихся внизу тварей, и других тварей, карабкающихся по стенам, и пилотов вертолетов-ретрансляторов, и далекий вой раскрученной «карусели», и стоны сталкеров, и визг мутантов, погибающих у Барьера... Он ловил всем телом сложный, нечеловеческий ритм взбудораженной Зоны, чтобы, играя, оказаться внутри него. Сначала это ему не удавалось, потом он все-таки поймал нужные интонации, и старый колокол одобрительно и страшно заревел, поддерживая своим древним голосом привязанного к кресту человека. Твари Зоны, словно сшибленные ударной волной, откатились от старой церкви, образовав вокруг нее неправильный кровавый овал. Несколько снарков сорвались со стен колокольни, рухнули на головы своих собратьев и были тотчас же разорваны ими. Крупная химера с совершенно кошачьим мявом оторвалась от церковного барабана, ловко извернулась в воздухе, упала на четыре лапы среди покосившихся крестов старого прицерковного кладбища и отбежала в сторону, возмущенно фыркая и на бегу зализывая полученные царапины. С колокольни загрохотал пулемет Бадбоя, и химера покатила по окровавленной траве, потом снова вскочила, волоча задние лапы, но пулемет зло и точно ударил короткой очередью, потом еще, и тварь ткнулась треугольной головой в передние лапы, чтобы больше уже не подняться.

А Звонарь играл. Теперь он играл уже не только на гитаре, он играл на всей этой церкви, он ревел колоколом, он свистел ветром в перекаладинах старого креста, он визжал, кашлял и скрипел голосами тварей Зоны, которых так много скопилось вокруг, и твари пугались собственных голосов.

Но гон не прекращался. Радар до предела увеличил мощность, вертолеты-ретрансляторы сузили зону покрытия, теперь это было можно сделать, потому что местонахождение сталкеров было локализовано с точностью до сантиметров. И кольцо тварей вокруг старой церквушки снова начало сужаться.

Человек, прижавший ладони к Монолиту, корчился от жуткой энергии, проходящей через его мозг, это было одновременно и очень больно, и очень сладко. Никогда еще ему не приходилось достигать такой степени слияния с ноосферой Зоны. И то небольшое, что в нем еще осталось от человека, преисполнилось гордостью.

— Ну же, Лешка, вспомни архангела Гавриила с его дудкой, неужели ты слабее будешь? — орал снизу Ведьмак, одной рукой удерживая Звонаря за хлопающую на ветру штанину комбинезона, а другой, с гурдой, отмахиваясь от карабкающейся по куполу молодой химеры.

И тут прямо в воздухе перед Звонарем появилась Катерина. Ее белое платье рвал ветер, но она, не обращая на это внимания, стояла в выпуклой линзе открывшегося портала в тех самых босоножках на каблуках и смотрела на Звонаря. И Звонарь снова подумал, что теперь он видит ее в последний раз и следующей встречи скорее всего не будет.

— Дотянись до человека у Камня, — без слов сказала Катерина, и он услышал ее сквозь рев собственной музыки, басовый стон колокола, визг и клекот тварей Зоны. — Дотянись и убей его. А теперь прощай, Звонарь!

Линза портала вздулась и лопнула, словно была сделана из перекаленного стекла, и Катерина пропала.

А Звонарь потянулся к человеку, скорчившемуся в позе покорности у Монолита.

Музыка — всего лишь дрожь воздуха, которая может быть преобразована в электромагнитные колебания и таким образом передана на расстояние, нет, музыка — всего лишь совокупность гармоник гравитационных полей... Нет, музыка... Все это верно только отчасти, потому что на самом деле музыка — это прежде всего упорядоченные возмущения пси-поля, а уж как и во что они там преобразуются — дело десятое. И поэтому проводником музыки может быть все — и живое, и мертвое. Лешка-Звонарь, нащупав сложный, иногда нечеловеческий ритм Зоны, заставил передавать свою музыку саму ноосферу, но для этого пришлось частично слиться с ней, и неизвестно, существовала ли возможность вернуться назад. Ноосфера жадна, она забирает у человека все самое дорогое для него, оставляя после себя пустую оболочку.

Но Звонарь уже вошел, и обратной дороги не было.

Он разбрызгал себя по сумеречным сознаниям тварей гона и среди недоумения, страха и ненависти отыскал линии пси, тянущиеся к тарелкам-ретрансляторам, установленным на вертолетах. Он отразился от каждого ретранслятора и пошел вспять по диаграмме направленности антенны Радара, чтобы сфокусироваться на облучателе и оттуда, по тонкой пуповине, связывающей Радар с Монолитом, просквозить до Камня, отразиться от его поверхности и вонзиться в сознание человека, который из последних сил пытался сохранить контроль над взбесившейся ноосферой. Но Звонарь был безжалостен, потому что пришел убивать, и человек задохнулся от боли и ужаса всех сражающихся сейчас в Темной долине, в Агропроме, на Барьере, Кордоне, среди мертвых корабельных туш Затона. Переполненный ненавистью и страданием всех живых существ Зоны, человеческих и нечеловеческих, он не выдержал, отнял ладони от поверхности Камня, скорчился у его подножия и умер.

Связи, созданные человеком, были разорваны, и гон рассыпался, его коллективное сознание, одержимое жаждой убивать по приказу Монолита, распалось, и гон перестал быть гоном.

Твари Зоны еще стояли у стен старой церкви, но, лишенные цели, они стали всего лишь тварями, мутантами, которые немедленно принялись грызться друг с другом, а страшная музыка, все грохочущая с небес, гнала их прочь, она продолжалась, несмотря на то, что человек, сыгравший ее, обвис на руках товарищей и, может быть, перестал быть живым. Но и нынешняя власть его была так велика, что гон рассыпался на мелкие группки перепуганных существ, стремящихся оказаться как можно дальше от этого жуткого места.

Великий Гон закончился.

21

— Так что скажешь, Док, он живой или нет? — спросил Болотного Доктора Ведьмак. — По виду он вроде как ни живой, ни мертвый, но ведь и на зомби не похож. Кажется, просто уснул человек с устатку, спит себе и видит сны. Док, он как, скоро проснется?

— Не знаю, — честно ответил Болотный Доктор. — Это похоже на кому или летаргический сон, но температура тела у него нормальная, атрофии мышц тоже не наблюдается. Сердце бьется, как положено, ровно, с дыханием тоже все в порядке. Похоже, он каким-то образом получает энергию прямо из пространства.

— Это ноосфера его подпитывает, — со знанием дела пояснил Бадбой. — Больше некому. Мы с ребятами пытались его чем-нибудь покормить, так он ничего не ест и даже на водку никак не реагирует.

— Может быть, все-таки отнести его к ученым на «Янтарь»? — предложил Берет. — Уж они-то разберутся, что к чему.

— Еще чего! — возмутился Ведьмак. — Чтобы они на нем свои опыты ставили? Да я им на «Янтарь» живую химеру притащу — они давно просили, пусть лучше на ней опыты ставят, чем на Звонаре. После их опытов он, чего доброго, еще и зомбьяком станет. Или кем-нибудь похуже. Нельзя его отдавать ученым, он же нас всех спас. Уж лучше похоронить по-человечески!

— С чего это ты надумал его хоронить, когда он живой? — не то обиделся, не то разозлился Мобила. — Здесь, в Зоне, и мертвых-то не всегда хоронят, а тут живой человек, да не кто-нибудь, а наш Лешка-Звонарь!

— Я мог бы его понаблюдать неделю или две, — подумав, сказал Болотный Доктор. — Место у меня для него найдется. А ученых все-таки следует пригласить, профессора Лебедева, Сахарова, хотя они и не очень ладят между собой, но тут случай особый. Может быть, даже стоит его отправить на Большую землю, там аппаратура посовременней.

— А вот этого — не надо, — отрезал Бей-Болт. — На Большой земле тоже не все ладно, и неизвестно, в чьи руки он там попадет. Хотя именно потому, что скорее всего известно, этого делать ни в коем случае не стоит. Пусть спит здесь. Если нужно, мы его охранять станем. Не вечно же он будет спать, когда-нибудь, да проснется.

— Похоже, никакая охрана ему не требуется, — задумчиво сказал Болотный Доктор. — Не реагируют на него мутанты, точнее, реагируют, но воспринимают как своего. И аномалии, я полагаю, ему не страшны, хотя это интересно бы проверить экспериментально...

— Я тебе проверю! — оскалился Бадбой. — Я тебе так проверю, что...

— Остынь, чечачо, — одернул его Ведьмак. — Доктор никогда ничего плохого ни одному живому существу не делал и не сделает. Насчет аномалий, конечно, не знаю, но когда мы его стащили с купола, все местное зверье, которое перед этим хотело нас порешить, сначала было шарахнулось в разные стороны, а потом вежливо проводило нас почти до самого Кордона. Представляешь, Док? Топали следом, как пионеры на первомайской демонстрации за оркестром! И аномалии обозначали получше всяких приборов, подбежит какой-нибудь тушкан к «грави» и давай пищать изо всех сил, сюда, дескать, нельзя! Вот такие дела, Док!

— Вот что, сталкеры, — сказал молчавший до сих пор Рыбарь. — К Бакенщику его надобно нести. Бакенщик — он и сам не прост, и с этой самой разумной ноосферой якшается чуть ли не запросто. Если он ничего не присоветует, тогда уж я и не знаю, что делать.

— А Катерина? — робко спросил Бадбой. — Она ведь тоже ему вроде как не чужая!

— Где искать Катерину, мне неизвестно, а вот Бакенщика на любой протоке найти можно. Так что передохнем немного и понесем Звонаря к старому железнодорожному мосту, здесь как раз не очень далеко, к вечеру и успеем.

Шестеро сталкеров двинулись через Большое Болото к обрушившемуся железнодорожному мосту через безымянный приток Припяти. Четверо на носилках, сооруженных из двух жердей и старого бронекапота, несли пятого — Звонаря, оставшийся не у дел Бадбой плелся где-то позади, потом извлек из патронташа губную гармонику и принялся наигрывать что-то печальное и нездешнее.

— Слушай, Бадди, а ты можешь не играть? — ласково спросил его Берет.

— Могу, — ответил Бадбой, — только от музыки, по-моему, как-то на душе легче. Кроме того, покой... в общем, Звонарь ведь и сам был музыкантом, так что если бы он мог разговаривать, то непременно одобрил бы.

— Ну, тогда играй, — милостиво разрешил Берет. — Заодно и местное зверье расшугаешь, все польза от твоей музыки.

Но Бадбой уже обиделся и спрятал гармошку обратно в патронташ.

И все-таки невеселое это было путешествие.

Они добрались до знакомого железнодорожного моста, остановились и опустили носилки на землю, не зная, что делать дальше. Поверхность воды была сплошь затянута молочно-белым, чуть светящимся туманом, так что мост казался целым, только уходил в никуда.

Внезапно налетевший ветер рванул туман в сторону, словно отдернул занавес, и они увидели, что их встречают.

Напротив обрушившейся, покрытой какими-то струпами опоры, уткнувшись острым носом в черный песок, стояла байда Бакенщика. На скамьях, подняв весла вертикально, уставив их между колен, сидели шестеро гребцов в выцветшей голубой форме наемников. На берегу понуро сидел лобастый черныбыльский пес. Сам Бакенщик стоял на корме своей посудины и молча смотрел на приближающуюся к берегу процессию.

Было уже почти темно. Ветер ударил еще, напрочь снося туманную завесу с реки. Обычно затянутое облаками небо протаяло, выпустив на волю небольшую звездочку. Единственную, так что нельзя было понять, к какому созвездию она относилась. На темной, маслянистой воде горела уходящая к противоположному берегу цепочка белых огней, слишком длинная для такой неширокой реки, так что казалось, бакены уводили в какое-то другое пространство, и только Бакенщик, наверное, знал — куда.

— Кладите его в лодку, — низко, почти октавой сказал Бакенщик, и река мягко погасила эхо от его голоса. — И гитару его кладите, и оружие тоже.

Сталкеры вошли в темную воду и осторожно опустили носилки с Лешкой-Звонарем на решетчатые стлани, под которыми плескалась радужная вода.

— Куда ты его собрался везти? — спросил Ведьмак. — Он же живой.

— Живой, — согласился Бакенщик, — только очень устал. Ему отдых нужен, он сыграл всю музыку, какую мог, вот и устал. Вы не беспокойтесь, ребята, я знаю, куда мы поплывем, зря, что ли, я по всей Припяти и ее притокам бакены расставил? Бакены приведут куда надо.

— А он вернется? — с надеждой спросил Бадбой.

— А он и не уходит никуда, — усмехнулся Бакенщик. — Включи любой ПДА и поймешь, что он здесь. Только не сейчас, позже включишь, сейчас нам всем нужна тишина, потому что именно она первооснова любых звуков. А ему теперь придется начинать с нуля.

— Ну что, прощаемся? — смущенно сказал Бей-Болт. — Все равно ведь придется прощаться. Не век же нам здесь на берегу стоять.

— Прощайтесь, только не навсегда, — разрешил Бакенщик. — Типа, пока, Звонарь, береги здоровье, не забывай нас, в общем, до встречи. Вот так примерно и прощайтесь. Со смыслом. Понятно?

— Бывай, Звонарь, — неловко пробубнил Бей-Болт. — Ты был и остаешься славным сталкером, и я горжусь, что живу в одной Зоне с тобой...

— Счастливо отдохнуть, Звонарь, — сказал Ведьмак. — Я все-таки попробую тебя дождаться!

— Ты давай звони в случае чего. — Васька-Мобила аккуратно положил рядом с гитарой свою «Нокию-1100». — О подзарядке можешь не беспокоиться, Бадбой туда вечную батарейку поставил, хватит надолго.

— Ты там особо-то не задерживайся, — Рыбарь сгреб ладонью отросшую щетину на грубой морде, — скоро в Омутах самый клев начнется, а ты вон чего...

И отошел.

— Прощай, Звонарь, — тихо прошептал Бадбой. — Я с тобой, наверное, больше не увижусь, ухожу я из Зоны. Потому что прятаться здесь — это неправильно, от жизни нельзя убежать, ни в Зону, ни еще куда. Прощай!

Сталкеры отошли и теперь стояли полукругом около носа байды.

— Ну что, оттолкнуть тебя? — спросил Ведьмак. — Пора.

— Погоди, — добродушно ответил Бакенщик. — Еще не все в сборе.

— Катерина? — догадался Ведьмак.

Бакенщик кивнул.

Она бежала по топкому берегу, сбросив свои модные лет двадцать тому назад босоножки, на бегу кивнула сталкерам, вошла во вспыхнувшую синими разрядами воду — похоже, плевать ей было и на радиоактивность, и на «электру» — и перешагнула через низкий борт. Байда чуть качнулась, но сразу же выправилась. Потом женщина села в изголовье Звонаря, улыбнулась и помахала сталкерам рукой.

— Ну вот, теперь толкайте, — скомандовал Бакенщик.

Сталкеры навалились на нос байды и оттолкнули ее от берега.

Чернобыльский пес гулко прошлепал по воде, занял свое законное место на носу и отряхнулся, словно самая обыкновенная собака. Течением байду понемногу разворачивало и относило прочь от берега. Потом пес на носу рывкнул, и бывшие наемники разом, почти без всплеска опустили на воду три пары весел. Гребцы налегли, и байда двинулась по густой, почти фиолетовой ночной воде от бакена к бакену, постепенно удаляясь от берега. Над рекой снова сгустился неведь откуда взявшийся туман. Бакены в кильватере лодки сами собой гасли, но где-то впереди в молочном тумане загорались все новые и новые. Наконец байда пропала из вида, только издалека еще некоторое время слышался тихий плеск весел.

Сталкеры подождали, пока на реке не стало совсем тихо. Неожиданно оказалось, что уже почти рассвело, и там, где на поверхности воды ночью горели огни, покачивались деревянные решетчатые пирамидки, похожие на хижинки речных гномов.

И только когда стало совсем светло и перед ними открылась пустая река, сталкеры наконец ушли. К полудню они добрались до Кордона и спустились в бункер к старому кровососу-выжиге Сидоровичу. Вопреки обыкновению Сидорович был не весел, шутить не

пытался и впустил в свою берлогу, не чинясь, всех, даже Бадбоя, которому, по правде говоря, бывать в таких местах было еще рановато.

Посредине бункера красовался щедро, по меркам Зоны, конечно, накрытый стол. В самом центре стола рядом со старой черно-белой фотографией Звонаря стоял граненый стакан с водкой, прикрытый краюшкой черного хлеба.

— Ну, помянем, — сказал Сидорович и встал. — Не чокаясь, не полагается чокаться, если кто не знает.

— А давайте-ка лучше все-таки чокнемся, — возразил Бадбой. — Ведь не на поминках же!

— А где? — удивился Сидорович.

Бадбой замялся, поэтому за него ответил Ведьмак:

— Просто проводили друга в дальнюю командировку, вот и все дела. С отъездом, Звонарь!

И все чокнулись и выпили, только насупленный Сидорович замер с рюмкой в руке. А Бадбой включил ПДА, покрутил какую-то ручку, и по бункеру разнеслось:

*К новой жизни разбужен,
Посиди, покури...
Лучше Зона снаружи,
Чем Зона внутри!*

— А и правда, — сказал Сидорович, потянулся к Лешкиному стакану, чокнулся и тоже выпил.